

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 4 2019 (АПРЕЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

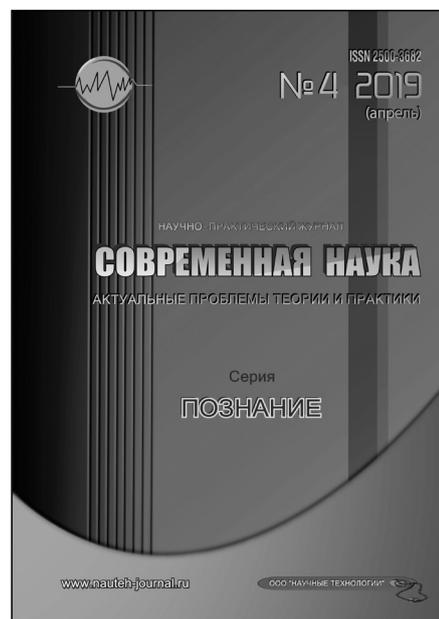
Подписано в печать 20.04.2018 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 4 апрель 2019 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(БАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 755-1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Слюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Горшенев К. К. — Межкультурное сотрудничество между Россией и Китаем
Gorshenev K. — Intercultural cooperation between Russia and China 5

Крюкова Л. С. — Лингвистический поворот: от возникновения до практического применения
Kryukova L. — The linguistic turn: from inception to practical application 9

Покатилова И. В. — Особенность переходных типов культуры в Якутии XX века
Pokatilova I. — The peculiarity of the transitional types of culture in Yakutia of the twentieth century 14

Чжэн Ин — Русский драматург: драматическая адаптация Шекспира в российском экспериментальном театре
Zheng Ying — Russian playwright: a dramatic adaptation of Shakespeare in the Russian experimental theater 18

Психология

Барбанов Р. Е. — Сравнительный анализ психологической структуры качества жизни юношей и девушек с патологией голосового аппарата и их здоровых сверстников
Barabanov R. — Comparative analysis of the psychological structure of quality of life of young men and girls with the pathology of the voice care and their healthy people 24

Вербина Г. Г. — Ассертивность и конгруэнтность – важнейшие свойства зрелой личности
Verbina G. — Assertiveness and congruency as major traits of the mature personality 30

Дорофеева Ю. А. — Превенция и поственция суицидального поведения подростков в деятельности клинического психолога
Dorofeeva Yu. — Prevention and postposition of suicidal behavior of adolescents in the activities of a clinical psychologist 33

Ноймайер Я. А., Павленко М. М. — Воспитание материнства – залог кадровой политики страны
Neumayer Y., Pavlenko M. — Education of maternity is a mortgage of skilled politics of country 37

Огуй В. О. — Основные методологические аспекты музыкальной психотерапии в психокоррекции и профилактике стрессового состояния (на примере метода «поющих чаш»)
Ogui V. — Basic methodological aspects of musical psychotherapy in psycho-correction and prevention of stress condition (on the example of the «singing bowls» method). 43

Филиппова О. В. — Особенности конфликтологической компетентности нотариуса
Filippova O. — Features conflictological competence of a notary 46

Шуйншалиева А. Н. — Намерения и последствия лжи
Shuanshaliyeva A. — The intentions and consequences of lying 49

Философия

Абдеррахман бен Мааммар Сенуси — Вакф для социально незащищённых членов общества в истории ислама и степень его использования в наше время
Abderrahman bin Maammar Senusi — Waqf for the weakest members of society in the history of Islam and the degree of its use in our time. 52

<i>Дударева М. А.</i> — Апофатическое в русской литературе: философские проблемы текста. А. С. Пушкин <i>Dudareva M.</i> — Apophatic in Russian literature: philosophical problems of the text. A. S. Pushkin 57	<i>Шулепова Е. В.</i> — Социально-философские основания анализа манипулирования массовым сознанием <i>Shulepova E.</i> — Social-philosophical bases of analysis of manipulation by mass consciousness. 76
<i>Калмыков А. А.</i> — Метод социогуманитарных наук в современном познании и проблема его единства с общим методом науки <i>Kalmykov A.</i> — The method of humanities and social sciences in current knowledge and the problem of this unity with general science method 61	Информация
<i>Стригин М. Б.</i> — Гносеология культуры, модель эволюции семантики <i>Strigin M.</i> — Epistemology of culture, a model of the evolution of semantics 67	Наши авторы. Our Authors..... 80
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 81

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ

INTERCULTURAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA

K. Gorshenev

Summary. this paper discusses the features of intercultural interaction between Russia and China in modern times. The article raises the problem of using the experience of intercultural dialogue in the development of relations between the two States.

In the process of intercultural communication there is an expansion of ties between different cultures and relationships of opposing identities, which is expressed in the desire to preserve their own uniqueness and influence another culture.

Keywords: culture, cooperation, Russia, China. social and cultural interaction, intercultural dialogue, international relations, cultural exchange.

Горшенев Константин Константинович

Аспирант, ФГБОУ ВО «Майкопский государственный
технологический университет»
kon90@mail.ru

Аннотация. в данной работе рассматриваются особенности межкультурного взаимодействия России и Китая в современное время. В статье поднимается проблема использования опыта межкультурного диалога в развитии отношений между двумя государствами.

В процессе межкультурной коммуникации происходит расширение связей различных культур и взаимоотношений противостоящих идентичностей, которое выражается в стремлении сохранить собственную уникальность и оказать влияние на чужую культуру.

Ключевые слова: культура, сотрудничество, Россия, Китай, социокультурное взаимодействие, межкультурный диалог, международные отношения, культурный обмен.

В современный период российско-китайские отношения успешно развиваются в русле взаимовыгодного сотрудничества и стратегического взаимодействия. Подтверждение этому можно найти в истории последних четырех веков. Еще в XVIII веке страны начали строить торговые отношения.

Если мы обратимся к истории, то можно сделать несколько выводов о характере российско-китайских отношений.

Как считает Л. Гао, Россия и Китай являются примером взаимодействия двух великих держав, между которыми не было крупных вооруженных конфликтов, а пограничные вопросы в целом разрешались мирным путем [6, с. 45].

Внешняя и внутренняя политика Китая строится на главном положении — Китае-центризме. Это легко объясняет достаточно активную экспансию китайских императоров в разные периоды истории страны. При этом китайские правители всегда считали, что влияние куда более значительно, чем власть, поэтому Китай устанавливал особые культурные отношения с соседями. Его проникновение в другие страны связано с экономикой и культурой [2].

Российско-китайские отношения является важным элементом системы международных отношений

в XXI веке. Стратегическое партнёрство России и Китая в условиях глобализации невозможно без обращения к аспектам межкультурного диалога.

В связи с этим возрастает актуальность исследования развития диалога культур между двумя государствами.

Российско-китайский диалог в межкультурном отношении охватывает значительную сферу коммуникаций. Он включает в себя взаимоотношения в таких областях, как наука, образование, искусство, туризм, спорт и т.д.

По мнению Е. И. Ганьшиной, в 1990-х гг. была заложена нормативно-правовая база российско-китайского межкультурного сотрудничества. Однако следует заметить, что данное сотрудничество в большей степени существовало в виде подписания официальных соглашений. И лишь во второй половине 1990-х годов российско-китайское сотрудничество стало значительно расширяться [5, с. 88].

По замечанию Е.В. Соловьевой, гуманитарное сотрудничество двух государств постепенно налаживается в области укрепления культурных контактов. Культурные взаимоотношения России и Китая подразделяются на два периода:

- ◆ первый период — 1992–1999 гг.: первое межправительственное соглашение о сотрудничестве в гуманитарной области и образование Межпра-

вительственной комиссии по культурному взаимодействию;

- ◆ второй период — с начала 2000-х гг. по настоящее время [11, с. 99].

- 2004 год был объявлен Годом дружбы молодежи России и Китая, а организаторами данного мероприятия стали китайско-российский комитет дружбы, мира и развития и Всекитайская федерация молодежи.

- ◆ В 2005 году гуманитарные отношения РФ и КНР приобрели комплексный и системный характер, а первые лица обоих государств начали согласовывать уникальную в практике межгосударственных отношений программу, направленную на взаимное приобщение граждан обеих стран к искусству, культуре, экономике, политике и особенностям социальной сферы.

- 2006 году был объявлен Годом России в Китае. А в 2007 год был объявлен «Год Китая в России». За два года было проведено более 500 мероприятий, имеющих культурно-массовый характер, благодаря чему Китай использовал накопленный опыт в различных областях взаимодействия. Были проведены фестивали культуры, обмены делегациями творческой интеллигенцией, плановые туристические и спортивные обмены. Итоги перекрёстных годов повлияли проведение серии мероприятий такого типа на регулярной основе.

- ◆ Стартом нового этапа межкультурного взаимодействия России и Китая явилось образование, где в число основных задач входили разработка и осуществление мероприятий по развитию взаимного сотрудничества, совершенствование его нормативно-правовой базы. В 2009 году в Китае прошёл Год русского языка и в 2010 году — Год китайского языка в России. Был открыт Китайский Культурный Центр в Москве, официальной задачей которого стала демонстрация достижений Китая в сфере культуры.
- ◆ В 2012 и 2013 гг. был реализован проект перекрёстных годов туризма, благодаря которому произошло увеличение туристического потока между двумя государствами. Среди событий было проведение I Российско-Китайского туристического форума, организация II Российско-Китайского туристического форума. Кроме этого, были проведены такие мероприятия, как автопробег «Пекин-Москва», медиа-проект «Здравствуй, Россия».

В 2012 г. был подписан межправительственный меморандум об основных задачах и направлениях сотрудничества РФ и КНР в гуманитарной сфере. В целях реализации меморандума прошел медиафорум в Санкт-Петербурге, где стороны договорились о рас-

ширении влияния Российского культурного центра в Пекине и Китайского культурного центра в Москве. Было заявлено, что до 2020 г. они станут платформой для расширения двустороннего гуманитарного сотрудничества и для демонстрирования и познания культуры страны-партнёра.

- ◆ В 2014–2015 гг. в обеих странах прошли Годы дружественных молодежных обменов.

К. И. Волков отметил, что 2016 и 2017 года стали перекрёстными годами СМИ. Так в России начинает вещание телеканал на китайском языке, а в КНР — русскоязычный телеканал «Катюша» [3]. Китай провел Фестиваль китайской культуры в России, который продлился один год и стал важнейшим содержанием мероприятий в рамках Годов обменов между СМИ Китая и России.

Важную роль в развитии гуманитарных контактов играет Общество Российско-Китайской дружбы. Ознакомление российской общественности с жизнью Китая, с его историей и культурой, а также расширение общественной базы российско-китайских отношений стали основными задачами данной организации.

Межкультурное сотрудничество является довольно перспективным направлением в развитии отношений между Россией и Китаем. Большие перспективы для диалога культур открыты для двух стран в таких областях, как национальная кухня, музыка, театр, кинематограф, туризм, культурные обмены, образование. Возрастает актуальность в знакомстве китайской публики как с народным песенным творчеством, так и с авторским жанром. В истории уже есть примеры успешного сотрудничества в указанной сфере.

Таким образом, взаимодействие России и Китая в XXI веке выходит на новый уровень. Для плодотворного диалога культур Китая и России необходимо, чтобы с формулировки о совпадении позиций, стратегическом сотрудничестве, развитии культурных контактов были подкреплены практическими действиями.

Как полагает А. В. Волкова, в гуманитарной сфере, две стороны принимают реальные меры для подготовки специалистов по российско-китайской торговле и укрепляют гуманитарные и культурные связи, особенно молодёжные [4, с. 29].

С точки зрения Е. И. Медяник, между Россией и Китаем идет активное сотрудничество в сфере образования и науки, обмена студентами, подготовки совместных образовательных программ, благодаря чему был создан совместный российско-китайский университет на базе Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в городе Шэньчжэнь. Ключевая задача

совместного университета — подготовка в Китае на базе лучших российских образовательных программ молодых специалистов, необходимых для развития диалога культур и взаимопонимания наших народов. Так же автор отметил, что во время культурного сотрудничества реализуются проекты для изучения русского языка в Китае и китайского языка в России в школах и университетах, а также в пяти функционирующих Центрах русского языка в КНР. В России китайский язык изучают в семнадцати Институтах Конфуция, функционирующих при финансовой и методической поддержке Китая.

По убеждению Е. И. Медяник, в сфере сотрудничества государств в образовании главное направление работы — обмен студентами и преподавателями, двусторонние исследовательские работы, т.к. сторонами была создана Ассоциация технических университетов РФ и КНР, которая способствовала образованию новой формы международной экономики, используя российско-китайский обмен кадрами и стимулирование взаимного развития обеих стран. Участники Ассоциации и сегодня участвуют в развитии организации, улучшают механизм ее функционирования, пополняют научные кадры двух государств и повышают планку исследовательских работ, прилагают все силы для взаимного технического развития и экономического благосостояния [10, с. 7].

По нашему мнению, цель, которой руководствуется Ассоциация технических университетов РФ и КНР, — координация работы престижных российско-китайских технических высших учебных заведений, воспитание высококвалифицированных кадров и научно-техническое сотрудничество, помощь в совместном развитии новейшей экономики двух государств.

Мы считаем, что «Ассоциация технических университетов РФ и КНР» стала новым механизмом взаимодействия двух государств в сфере высшего образования, направленного на развитие образовательной и культурной областей.

Российско-китайские отношения, по оценке Ш. Ли, являются наилучшими за всю историю связей между нашими странами, а их взаимодействие на мировой арене уже довольно длительное время стало одним из важнейших факторов обеспечения стабильности в международных делах. И эта тенденция не ослабевает. Автор отмечает, что благодаря активному сотрудничеству двух стран в разных областях, российско-китайские торгово-экономические отношения вступили в новый этап. В будущем Россия и Китай смогут вести сотрудничество на различных уровнях, по различным каналам и в различных сферах, на основе равенства и взаимной выгоды, а перспектива российско-китайское сотрудничество становится блестящей [8].

В. Тан подчеркнул, что важным аспектом отношений РФ и КНР является взаимодействие в культурно-гуманитарной области. На сегодняшний день этот процесс охватывает различные аспекты взаимоотношений, поэтому в широком смысле определяется как «культурное взаимодействие». Государствами было выработано несколько основных направлений гуманитарного сотрудничества на уровне правительств. Основным институциональным компонентом в механизме подготовки и реализации встреч глав правительств России и КНР, проводимых каждый год, является комиссия по гуманитарному сотрудничеству между Россией и Китаем [12, с. 14].

По замечанию Ю. Цзи, в культурной сфере преобладает несколько направлений: культурный обмен, развитие сотрудничества между образовательными учреждениями и туризм. В данном вопросе стороны достигли существенных успехов, особенно в продвижении изучения русского языка в КНР и китайского языка в РФ [15, с. 192].

А. А. В. Ломовцева отмечает, что увеличивается количество туристов из обеих стран, развиваются студенческие обмены, но одной из причин, препятствующих дальнейшему расширению культурного сотрудничества, является нехватка кадров со знанием китайского и русского языков, поэтому с учетом усиления интереса к изучению языков данная проблема может быть поэтапно решена в обозримом будущем [9].

Подводя итог вышесказанному, нами сделаны следующие выводы:

- ◆ Сотрудничество между Россией и Китаем осуществляется по нескольким направлениям: политика, экономика, культура. В последние годы усиливается политическое и военное направления партнерства.
- ◆ Подобная динамика взаимоотношений является реакцией на ухудшение отношений России со странами Запада, а также итогом новой внешнеполитической доктрины КНР, смысл которой — постепенное ослабление влияния США в Азии.
- ◆ Как показало исследование, в настоящее время в рамках культурного сотрудничества складываются благоприятные условия, способствующие усилению двусторонних отношений.

Таким образом, на примере российско-китайского сотрудничества можно сделать вывод, что самый прочный фундамент для двусторонних отношений — это общие национальные интересы и взгляды на процессы, протекающие на международной арене.

Стоит отметить, что сотрудничество России и КНР в предстоящие годы будет развиваться более высокими темпами. Это не только соответствует экономическим

и политическим интересам двух стран, но и ускоряет процесс культурного взаимодействия между ними. Безусловно, этот процесс потребует как односторонних,

так и двусторонних действий, объединения усилий правительств, местных административных органов стран, а также руководителей предприятий и ученых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова О. К. Принципы межкультурной кооперации России и Китая / О. К. Амосова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 3. С. 517–520.
2. Владимирова Д. А., Задворная Е. С. Межкультурный диалог России и Китая: культурная политика и репрезентация идентичности. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnyy-dialog-rossii-ikitaya-kulturnaya-politika-i-reprezentatsiya-identichnosti> (дата обращения 04.04.2018).
3. Волков К. И «Катюша» пришла в Китай // Российская газета. Столичный выпуск № 7480 (17). [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rg.ru/2018/01/25/v-moskve-torzhestvenno-zavershili-dva-perekrestnyhgoda-smi-rossii-i-kr.html> (дата обращения 04.04.2018).
4. Волкова А. Ю. Культурные различия и деловые отношения между Россией и Китаем / А. Ю. Волкова, М. А. Корнева, А. И. Чувиков // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы. 2018. Т. 12. № 3. С. 29–34.
5. Ганьшина Е. И. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в 90-е гг. XX в. // Вестн. РУДН. Сер. Международные отношения. 2015. № 1. С. 88–97.
6. Гао Л. Культурные характеристики России и Китая с точки зрения Запада и Востока / Л. Гао, М. А. Пахмутова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 45–48.
7. Кун Л. Китайско-российская межкультурная коммуникация / Л. Кун // Университетский научный журнал. 2018. № 40. С. 107–114.
8. Ли Ш. Российско-китайские отношения: проблемы и перспективы торгово-экономического сотрудничества России и Китая // Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки: сб. ст. по мат. LXXII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 12(72). Режим доступа: [https://sibac.info/archive/economu/12\(72\).pdf](https://sibac.info/archive/economu/12(72).pdf) (дата обращения: 17.02.2019)
9. Ломовцева А. В. Межкультурные коммуникации на примере российско-китайского сотрудничества в сфере туризма / А. В. Ломовцева, Т. В. Куликова // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2018. № 5 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ekonomika.snauka.ru/2018/05/16027> (дата обращения: 07.02.2019).
10. Медяник Е. И. Совместный университет как инструмент реализации национальных интересов России и Китая / Е. И. Медяник // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12. № 1. С. 7–23.
11. Соловьёва Е. В. Российско-китайское культурное взаимодействие: к вопросу об историографии проблемы // Ойкумена. 2009. № 1 (8). С. 99–107.
12. Тан В. Анализ российско-китайских отношений на современном этапе (глазами китайцев) / В. Тан // Социодинамика. 2017. № 5. С. 14–21.
13. Титаренко М. Л. Китай и Россия в современном мире. СПб.: СПбГУП, 2013. 88 с.
14. Ханько М. В. «Российско-китайское гуманитарное и культурное сотрудничество в начале XXI в» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossijsko-kitayskoe-gumanitarnoe-i-kulturnoesotrudnichestvo-v-nachale-xxi-v> (дата обращения 10.04.2018).
15. Цзи Ю. Российско-китайское взаимодействие в сфере культуры в современных условиях / Ю. Цзи // Вестник Российской нации. 2017. № 6 (58). С. 192–208.

© Горшенев Константин Константинович (kon90@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ: ОТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДО ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ

THE LINGUISTIC TURN: FROM INCEPTION TO PRACTICAL APPLICATION

L. Kryukova

Summary. The article deals with the role of the linguistic turn in the study of the language. The author refers to the works of Russian and foreign scientists, devoted to the study of this phenomenon, compares it with the turn of the language and explores the applied functions of the linguistic turn. Special attention is paid to the linguistic turn in terms of its impact on the language in ethnographic studies and related texts.

Keywords: language, culture, linguistic turn, synergetic movement in the language, dialogue.

Крюкова Людмила Сергеевна

*К.филол.н., преподаватель, Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации (Москва)
l.s.kryukova@mail.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена роли лингвистического поворота в исследовании языка. Автор обращается к работам российских и зарубежных ученых, посвященных изучению этого явления, сравнивает с поворотом языка и исследует прикладные функции лингвистического поворота. Особое внимание уделяется лингвистическому повороту с точки зрения его воздействия на язык в этнографических исследованиях и связанных с ними текстах.

Ключевые слова: язык, культура, лингвистический поворот, синергетическое движение в языке, диалог.

Одним из самых важных событий в истории современной философии считается произошедший в первой половине XX века в западной философии лингвистический поворот, согласно которому язык играет особую роль в решении философских проблем. В изучении лингвистического поворота выделяют два этапа. Первый — относят к 1920-м годам и связывают с попытками реформирования языка, его совершенствования, в основе которого в первую очередь лежит цель решения философских проблем. Среди основных идей и направлений философской мысли XX века, на которые оказал влияние лингвистический поворот в этот период, следует отметить «Логико-философский трактат» Витгенштейна, феноменологию Гуссерля, фундаментальную онтологию Хайдеггера, неопозитивизм. На втором этапе лингвистического поворота, который приходится на 1940–1950-е годы, акцент с улучшения языка смещается на исследование различных типов языка. С развитием герменевтики, структурализма, лингвистической философии основное внимание уделяется предпосылкам высказывания, контексту, связи структур языка с субъектом [5].

Современные ученые продолжают исследование лингвистического поворота, внося свой вклад в переосмысление понятия и роли языка.

В 2000 году в своей работе «В поисках исчезающей предметности (очерки о синергетике языка)» Л.П. Киященко описывает такое явление как «поворот языка», которое свидетельствует о постоянных изменениях

в языке, отказе от устоявшихся норм, поиске, неопределенности, иными словами, синергетическом движении в языке [3].

Американские ученые Джудит Ли Грин и Дэвид Блум обращаются к лингвистическому повороту для изучения языка и грамотности («The Social and Linguistic Turns in Studying Language and Literacy») [12].

Объект данного исследования — лингвистический поворот, предмет исследования — возникновение и применение этого явления.

Цель — изучить историю появления лингвистического поворота и его функции в современной науке. Для этого необходимо решить следующие задачи:

- 1) проследить историю появления и развития такого феномена как «лингвистический поворот»;
- 2) сравнить такие явления как лингвистический поворот и поворот языка;
- 3) оценить прикладные функции лингвистического поворота при обучении грамотности на примере работы Джудит Ли Грин и Дэвида Блума «The Social and Linguistic Turns in Studying Language and Literacy».

Понятие «лингвистический поворот» было впервые использовано Густавом Бергманом в начале 1960-х гг. в его обзоре работы П. Стросона «Индивидуумы», статье, посвященной Л. Витгенштейну, и обзоре мнения Э. Стениуса по поводу «Логико-философского трактата» [11]. Берг-

ман расценивал лингвистический поворот как некий «методологический гамбит», «закрывающийся в том, чтобы говорить о мире на приемлемом, подходящем языке. Рассматривались две группы философов, использовавшие данный методологический прием — «философы обыденного языка», для которых язык в первую очередь представлял собой средство для общения людей, и «философы идеального языка», поставившие перед собой цель разработать такой язык, инструментальная роль которого выходит на первый план» [6, с. 139]. К первым Г. Бергман относит Д. Остина, работы которого он и использовал в качестве примера, ко вторым — Р. Карнапа. Анализ Бергмана и приведенные им примеры не совсем удачны: обыденный язык в данном случае рассматривается исключительно с психологической и лингвистической точки зрения, в то же время, не предоставляя никаких сведений о том, как такой язык говорит о мире. Что касается Р. Карнапа, то в своих работах он не придерживался цели разработать искусственный язык (исчисление) для онтологических целей.

В 1967 году Р. Рорти издал сборник «Лингвистический поворот» [14], в котором вначале рассматривал одноименное явление, следуя теории Г. Бергмана. Однако впоследствии он отказался от данной теории, считая «ее весьма далекой от адекватного воспроизведения сложившейся ситуации, тем более — от совершенства характеристик лингвистического поворота» [6, с. 139]. Согласно Р. Рорти, этот период в истории лингвистической философии является «самой современной философской революцией», поскольку на данном этапе философские проблемы решались за счет реформирования языка, на котором они и были сформулированы, или благодаря более глубокому и точному пониманию языка. Кроме выявления двух возможных направлений в методе философского исследования, стало очевидно, что «философские проблемы лежат в ведущих к искажению или вообще неадекватных формах естественных языков» [6, с. 140].

Проблеме «лингвистического поворота» посвящены работы многих выдающихся философов, среди которых Г. Фреге, Л. Витгенштейн, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Г. Гадамер, М. Мерло-Понти, В. В. Налимов, предложивший вероятностную модель языка, которая в свою очередь стала основой для вероятностной метафизики. Г. Фреге создал логическую систему как новый язык логики, которая является идеальным языком для логических целей, в частности — для теории доказательства. Тем не менее, Г. Фреге не является основоположником теории о лингвистическом повороте в философии. Кроме того, он никогда не рассматривал философские вопросы как вопросы языка и не придерживался мнения, что можно найти решение философских проблем за счет анализа используемого языка или создания идеального языка.

Работы Г. Фреге посвящены философии математики и логики, и осуществленный им поворот относится к последней, пересекаясь на определенном этапе с развитием аналитической философии [6, с. 140].

В своей работе «В поисках исчезающей предметности (очерки о синергетике языка)» Л. П. Киященко предлагает рассматривать язык как самоорганизующийся процесс, обладающий своеобразной «синергетической рефлексией», концептуальный аппарат которого отвечает за описание самоорганизующихся процессов, в то же время представляет собой результат самоорганизации. При этом при изучении самоорганизации сложных систем, к которым относится как сам язык, так и его составные части, необходимо «учитывать новые типы детерминаций» [3, с. 12].

«Поворот» языка, описанный в работе Л. П. Киященко, является одним из примеров синергетического движения в языке и его промежуточным результатом, поскольку представляет собой элементарную форму движения, ускользающую от четкой артикуляции.

Выражение «поворот» языка предполагает изменение направления движения языка от устоявшейся нормы, переход от устойчивости и равновесия в состоянии неопределенности, нестабильности. При возникновении ситуаций, требующих от языка задействовать механизм самоорганизации, он способен участвовать в формотворчестве, объединяющем форму как содержание и форму как выражение. Соотношение данных форм зависит от конкретной ситуации, потребностей, приоритетов, определяющих динамику движения языка. В данной ситуации синергетика движения языка дает возможность форме реализоваться через вопрос. Вопрос не ограничен всего лишь одним ответом. В то же время он пытается выстроить его более однозначным. При этом для ответа и вопроса характерна своя логика, не совпадающая друг с другом, иначе в последнем не было бы смысла. Данный подход — это «логика метафор, а не дедуктивного вывода, смыслового сдвига, поиска новой формы, а не утверждение устоявшегося» [3, с. 14]. Любая устоявшаяся форма ограничивает язык. В таких ситуациях он «обостренно испытывает свою актуальную недостаточность, перепроверя степень своей потенциальной избыточности, незавершенности» [3, с. 14].

Четко обозначить «поворот» языка невозможно, поскольку он происходит на грани его способностей быть средством или реальностью, постоянным или изменчивым, передавать чувства или делать обдуманное высказывания. При этом внимание к одной из двух составляющих все же требует наличия второй как обязательное условие для реализации принципа дополнительности.

В таком ракурсе язык создает модель современного философствования в виде диалога, участники которого выступают в оппозиции друг другу. Все это особенно важно, поскольку в данном случае диалогичность языка является ключевым фактором для определения стиля современного философствования, устанавливая возможности понимания и представляя собой «призму», через которую человек воспринимает мир. Вследствие этого функция диалога расширяет свои рамки и от «беседы двух и более лиц» переходит к вступлению в отношение к языку [7, с. 427].

«Поворот языка» обладает спонтанным случайным характером события, которое определяется способностью языка поддерживать «устойчивые смысловые поля, связанные с возникновением различных форм предметности» [3, с. 16].

В свою очередь самоорганизация и своеобразие устойчивости предметности определяется сменяющимися друг друга «поворотами» в языке в цикле круговой зависимости, таким образом, результат влияет на свою причину. В ситуации неопределенности «поворот» языка отвечает за смысловой разворот выбора, изменение направления движения в языке. Наличие традиционного субъекта, «который не просто погружен в язык как активную нелинейную среду, но и тесно чувствует и мыслит в ней и посредством ее» [1, с. 40], определяет и определяется «поворотом» языка.

Синергетизм компонентов «поворота» языка можно сравнить с музыкальными вариациями на заданную тему, поскольку он проявляется как «некий инвариант, композиция, которая живет вариантным (содержательно новым) наполнением последующих разработок» [3, с. 18]. В современной философии данную композицию можно рассматривать в качестве синергетического движения в языке.

При определении условной точки «поворота» языка, т.е. «формировании предметности некоторого вида — предмет как средство и орудие или предметную область научных интересов, или же предметность как образ некоторого фрагмента действительности» [3, с. 18], можно на какой-то момент остановить его вращение, сделав отверстие в формирующих его слоях, лишив его тем самым неопределенности и возможности ускользнуть. Предметность в отношении языка проявляется в первую очередь, когда речь идет о языке как предмете изучения: в лингвистике, филологии, риторике и других различных аспектах его изучения.

Мир в целом приобретает в языке свое предметное значение, что и характеризует языковую реальность мира. При этом не существует средства представить язык, не задействовав его самого.

На уровне факта повседневности присутствует «гибкое творческое противостояние языка и реальности» [3, с. 19], отраженной в языке, с которыми человек сталкивается с самого рождения и вынужден иметь дело всю жизнь.

Язык обладает универсальной способностью подстраиваться, адаптироваться и в то же время накладывает свои ограничения на говорящего. Эти ограничения представляют собой необходимые для использования «грамматические структуры, правила формального вывода, обобщенные представления, понятия и символы» [3, с. 19], играющие роль некоторого устойчивого инварианта. Воздействие языка, который согласно Л.П. Киященко, требует своего исполнения и приложения, получает отклик со стороны человека, воплощающего в слове свои идеи не только для себя, но и для того, чтобы передать всем остальным «смысл своего уникального и неповторимого существования» [3, с. 19].

В статье «Культурология: предмет и структура» О.Н. Астафьева и К.Э. Разлогов при определении термина «культурология» указывают на то, что «в России развернулась дискуссия, связанная с его переосмыслением и расширительным толкованием в отечественной научной практике. Результатом обсуждения стало признание права культурологии на собственное место в системе социально-гуманитарного знания, провозглашение ее широким научным направлением, объединяющим исторические, философские, социологические, антропологические, филологические, искусствоведческие представления о культуре в единый междисциплинарный комплекс» [2, с. 2].

Одним из примеров данного явления может служить то, как лингвистический поворот изменил этнографическое исследование подходов и методов обучения грамотности в классах, а также привнес новые способы концептуализации того, насколько процессы и методы обучения грамотности дискурсивны, как и социальные структуры.

М. Агар [8] демонстрирует в своих работах, как лингвистический поворот способствует появлению новых взглядов на отношения языка и культуры. Согласно его точке зрения, язык и культура концептуально неразделимы, что в свою очередь привело его к созданию термина «*languaculture*» для изображения взаимосвязи между языком и культурой. Он утверждает, что «язык, во всех его разновидностях, во всех его проявлениях в повседневной жизни, создает мир смыслов. Когда вы сталкиваетесь с различными значениями, когда вы осознаете свою собственную работу по созданию моста к другим, то, что вы делаете, — это «культура». Язык заполняет пространство между нами звуком; культура соз-

дает человеческую связь через них. Культура — в языке, а язык наполнен культурой» [8, с. 28].

Важным этапом в изучении лингвистического поворота стал акцент на язык в этнографических исследованиях и связанных с ними текстах (например, Аткинсон, Клиффорд и Маркус, Тайлер) [10, 13, 15]. С одной стороны, эти работы были сосредоточены на том, как язык представляет людей и их жизнь и как эти представления позиционируют их по отношению к другим. С другой стороны, признание того, как язык этнографических исследований изображает людей и их жизнь, придало дополнительное измерение исследованиям этнографов [10, 15]. Ученые должны прекрасно знать не только культурную составляющую, предшествующую историю и опыт, которые они привносят в этнографическое исследование, им следует признать, что, несмотря на точность, ориентированность на описание и рефлексивность, которые характерны для языка их исследований, нет такого понятия, как нейтральное использование языка. Люди всегда создают социальные отношения и культурные идеологии с помощью языка, который имеет последствия для жизни людей, что также важно и в отношении исследователей.

С этой точки зрения у этнографа формируется особое понимание и взгляд на грамотность как социальный процесс, осуществляемый через языковую культуру, управляющую социальным миром. Как утверждают Клиффорд и Маркус [13], этнограф описывает «культуру, а не находит культуру», процесс, который требует реф-

лексивности в исследовании. Этот процесс также представлен с помощью языка, используемого для создания отчетов о том, что считается грамотностью в определенной социальной группе. Теория Клиффорда и Маркуса была в дальнейшем развита Аткинсоном [10], который использовал ее в работах по социологии, показав, как авторы позиционируют себя в тексте, и изучив позиционирование и представления о себя участников исследования. Эту теорию часто называют третьим поворотом, рефлексивным поворотом в социальной науке.

Таким образом, лингвистический поворот, произошедший в западной философии в конце XIX-начале XX века, постепенно эволюционируя и открывая новые грани применения, способствовал развитию новых направлений в философии, филологии, педагогике и других областях знаний.

Поворот языка, описанный в работе Л.П. Киященко, имеет более узкий, специализированный характер. Он представляет собой изменение движения языка от существующей нормы, из состояния равновесия в состояние неопределенности, таким образом являясь примером синергетического движения в языке. Синергетизм поворота языка проявляется как инвариант с новым вариантным содержанием последующих разработок.

Тем не менее, в теории лингвистического поворота и поворота языка есть нечто общее и крайне важное: не существует средства представить язык, не задействовав его самого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аршинов В.И., Свирский Я.И. Синергетическое движение в языке // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. М., 1994. С. 33–48.
2. Астафьева О. Н., Разлогов К.Э. Культурология: предмет и структура // Культурологический журнал. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologiya-predmet-i-struktura> (дата обращения: 27.01.2019).
3. Киященко Л.П. В поисках исчезающей предметности (очерки о синергетике языка). — М.: ИФРАН, 2000. — 199 с.
4. «Лингвистический поворот» в философии XX века. — В кн.: Аналитическая философия. Учебное пособие под ред. М. В. Лебедева. М.: ИПК РУДН, 2006. — 622 с.
5. «Лингвистический поворот» — энциклопедическая статья из издания: История философии: Энциклопедия. — Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2002. — 1376 с.
6. Скрипник К. Д. Лингвистический поворот и философия языка Дж. Локка: интерпретации, комментарии, теоретические источники // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-povorot-i-filosofiya-yazyka-dzh-lokka-interpretatsii-kommentarii-teoreticheskie-istochniki> (дата обращения: 06.01.2019).
7. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. — 452 с. (М. Хайдеггер. «Бытие и время». М., 1998. С. 427.)
8. Agar M. Culture: Can you take it anywhere? International Journal of Qualitative Methods, 5(2), 2006: P. 1–12. URL: https://sites.ualberta.ca/~iiqm/backissues/5_2/PDF/agar.pdf (дата обращения: 16.01.2019)
9. Agar M. Language Shock: Understanding the Culture of Conversation, New York, NY: Harper Collins Publishers, 1994. — 288 p.
10. Atkinson P. (1990) The Ethnographic Imagination: Textual Constructions of Reality, New York, NY: Routledge, 1990. — 195 p.
11. Bergmann G. Logic and Reality. Madison, The University of Wisconsin Pr., 1964. — 355 p.
12. Bloom D., Green J. L. The Social and Linguistic Turn in Studying Language and Literacy. URL:
13. https://www.researchgate.net/publication/287645868_THE_SOCIAL_AND_LINGUISTIC_TURNS_IN_STUDYING_LANGUAGE_AND_LITERACY(дата обращения: 26.01.2019)

14. Clifford J., Marcus G. (1986) *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*, Berkeley, CA: University of California Press. — 345 p.
15. Rorty R. M. *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Methods with Two Retrospective Essays*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. — 416 p.
16. Tyler S. A. (1978) *The Said and the Unsaid: Mind, Meaning, and Culture*, New York, NY: Academic Press, 1978. — 487 p.

© Крюкова Людмила Сергеевна (l.s.kryukova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации

ОСОБЕННОСТЬ ПЕРЕХОДНЫХ ТИПОВ КУЛЬТУРЫ В ЯКУТИИ XX ВЕКА

Покатилова Ия Володаровна

*К.искусствоведения, доцент, Северо-Восточный
федеральный университет им. М. К. Аммосова
zung2006@mail.ru*

THE PECULIARITY OF THE TRANSITIONAL TYPES OF CULTURE IN YAKUTIA OF THE TWENTIETH CENTURY

I. Pokatilova

Summary. The sociocultural system of Yakutia, like other subregions of Russia, in the twentieth century was fully incorporated into the global rhythm to which Russian and European civilization obeyed. This rhythm is set by the constant alternation of two main types of culture: relatively stable and transitional. Therefore, the process of studying the sociocultural dynamics of the culture of Yakutia in the twentieth century, which begins and ends at the end of the century with the transitional state of culture in the alternation of a relatively stable type — the Soviet stage, is relevant. It is in the situation of transitivity and instability of the culture of the end of the twentieth century that the search for the national identity of the peoples of the RS (Y) begins. One of the first in the post-Soviet space began such research work on the study of Siberian collections in US museums, art historians, spouses V. Kh. Ivanov and Z. I. Ivanova-Unarov. They managed to establish close contacts with the staff of the American Museum of Natural History in New York and publish their first album in 2011.

The article is devoted to the publication of the first volume of the unique album-catalog "Material and spiritual culture of the peoples of Yakutia in the museums of the world (XVII — early XX centuries)" (2017), the author-compiler, who is the professor of art history at the Institute for Art History, Ivanov-Unarov, ZI. The system catalog is devoted to Siberian collections in the museums of the United States of America: American Museum of Natural History (AMEE) in New York, National Museum of Natural History (NMME) at the Smithsonian Institution in Washington. The publication of this catalog is the result of the openness of the US museums, the painstaking and long-term research activities of Z. I. Ivanova-Unarova on the systematization of the material and spiritual culture of the peoples (Yakuts, Evens and Yukagirs) that were exported beyond the borders of Yakutia and stored in currently in various museums of the world, including in US museums.

Keywords: Yakuts (Sakha), Evens, Yukagirs, system album-catalog, material culture, spiritual culture, artifacts of US museum collections, emic approach.

Аннотация. Социокультурная система Якутии, как и другие субрегионы России, в XX веке была полностью включена в тот глобальный ритм, которому подчинялась российская и европейская цивилизация. Этот ритм задается постоянным чередованием двух основных видов культуры: относительно стабильных и переходных. Потому актуальным оказывается процесс изучения социокультурной динамики культуры Якутии в XX веке, который начинается и завершается в конце столетия переходным состоянием культуры в чередовании относительно устойчивого типа — советского этапа. Именно в ситуации переходности и нестабильности культуры конца XX века начинаются поиски национальной идентичности народов РС(Я). Одним из первых в постсоветском пространстве начали такую исследовательскую работу по изучению сибирских коллекций в музеях США ученые-искусствоведы, супруги В. Х. Иванов и З. И. Иванова-Унарова. Им удалось наладить тесные контакты с сотрудниками Американского музея естественной истории в Нью-Йорке и издать первый альбом в 2011 г.

Статья посвящена изданию первого тома уникального альбома-каталога «Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII — начало XX вв.)» (2017 г.), автором-составителем, которого является профессор кафедры искусствоведения АГИИК Иванова-Унарова З. И. Системный каталог посвящен сибирским коллекциям в музеях Соединенных Штатов Америки: Американском музее естественной истории (АМЕИ) в Нью-Йорке, Национальном музее естественной истории (НМЕИ) при Смитсоновском институте в Вашингтоне. Издание данного каталога — это результат открытости музеев США, кропотливой и многолетней научно-исследовательской деятельности З. И. Ивановой-Унаровой по систематизации объектов материальной и духовной культуры народов (якутов, эвенов и юкагиров), вывезенных в течение столетий за пределы Якутии и хранящихся в настоящее время в различных музеях мира, в т. ч. в музеях США.

Ключевые слова: якуты(саха), эвены, юкагиры, системный альбом-каталог, материальная культура, духовная культура, артефакты музейных коллекций США, emic подход.

Известно, что в фондах нескольких крупнейших музеев мира хранятся бесценные экспонаты, вывезенные из Якутии в XVIII — XX вв. Безусловно, среди них особое место занимают материалы сибирской коллекции Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции, которые в 1902 году были переданы в Американский музей естественной истории в Нью-Йорке. Данную экспедицию, как известно, возглавил Франс Боас, сформировав при этом ее задачу, как всеобъемлющее исследование народов Северо-Восточной Азии и Северо-Западной части Северной Америки. Кроме того, участниками с российской стороны были привлечены ученые В.И. Иохельсон и В.Г. Богораз, которым удалось составить подробное описание более шести тысяч этнографических экспонатов у народов Севера и Дальнего Востока России. Поистине, это был первый глобальный проект такого масштаба в начале XX столетия.

По мнению культурологов, начало XX века характеризуется переходным типом культуры: кризисное состояние получает двойственную оценку-момент перехода в новое качество объединяет в себе черты конца и начала, разрушения и созидания. В Якутии — конца традиционной культуры и зарождения, становления созидания новой советской культуры — креативного типа с элементами традиционности, относящейся к устойчивому типу. Тем самым, социокультурная система Якутии, как и другие субрегионы России, в XX в. была полностью включена в тот глобальный ритм, которому подчинялась российская и европейская цивилизация. Этот ритм задается постоянным чередованием двух основных видов культуры: относительно стабильных (или, в др. терминологии, — «структурных») и переходных [1, с.10]. С конца 1980–1990-х годов якутская культура преодолевает замкнутость традиционного канонического искусства советского этапа и обретает черты переходности уже нового порядка и ускорения всех процессов [2, с.33]. Таким образом, в период общественной нестабильности, социального кризиса и смуты рубежа XX–XXI вв. культура Якутии опять вступает в переходное состояние. Она характеризуется разрушением иерархических отношений, полицентризмом, активным вовлечением в орбиту инкультурных образований. Именно в такие переходные моменты человек возвращается к истокам, а главным регулирующим средством развития культуры становится структура-аттрактор или идея-магнит, заложенная в момент выбора пути, она запускает процесс самоорганизации и притягивает к себе все средства и возможности для своей реализации. Потому актуальным оказывается процесс изучения социокультурной динамики культуры Якутии в XX веке, который начинается и завершается в конце столетия переходным состоянием культуры в чередовании относительно устойчивого типа — советского этапа.

Именно в таком глобальном и неустойчивом состоянии культуры в начале 1990-х годов, одним из первых в постсоветском пространстве начали исследовательскую работу по изучению сибирских коллекций в музеях США ученые-искусствоведы, супруги В.Х. Иванов и З.И. Иванова-Унарова. Им удалось наладить тесные контакты с сотрудниками Американского музея естественной истории в Нью-Йорке и издать первый альбом в 2011 г.

В конце концов, целенаправленная научная деятельность изучения артефактов традиционной культуры коренных народов Якутии привела искусствоведов В.Х. и З.И. Ивановых к проблеме сакрального и символического языка культуры. Ими фундаментально исследовано и тщательно представлено в виде каталога часть сибирской коллекции этого музея (2011) [3]. В данный каталог вошли рукотворные изделия народов, проживающих на территории Якутии. Второй раздел каталога полностью завершён З.И. Ивановой, составленный по народам: «саха (якуты), «юкагиры, эвены и эвенки». Она же дает описание каждого артефакта, включая музейные данные: полное название на языке носителя, материал и размеры. Кроме того, отдельно выделен раздел шаманских атрибутов для сопоставления якутских, юкагирских и эвенкийских шаманов. Вместе, с В.Х. Ивановым, они впервые в полном объеме перевели с английского на русский язык монографию В.И. Иохельсона «Юкагиры и юкагиризированные тунгусы» (2005) на средства фонда Дж. и К. Макартуров [4]. В том же году выходит в свет монография З.И. Ивановой «Традиционное искусство народов Северо-Востока Сибири (эвенки, эвены, юкагиры, долганы, чукчи, коряки)» [5], которая используется в качестве учебного пособия в Северо-Восточном федеральном университете (СВФУ) и Арктическом государственном институте искусств и культуры (АГИИК).

В 2012 г. при поддержке президента РС(Якутия) Е.А. Борисова была организована республиканская комиссия по подготовке системного каталога. При этом удалось наладить контакты и сотрудничество с фондами музеев РФ, США, Великобритании, Германии, Дании, Франции. Эти музеи сохранили память о культурном наследии народов Якутии, свидетельствующих о самобытности и уникальности северных этносов.

Благодаря целенаправленной культурной политике Республики Саха (Якутия), инициатива по созданию системного каталога была в 2015 г. поддержана Постоянным форумом ООН по делам коренных народов мира. Очевидно, что благодаря таким проектам происходит взаимодействие и взаимообогащение культур коренных народов мира, глобальный диалог культур этих народов XXI века вырабатывает новые возможности и потенциал для дальнейшего совершенствования.

Издание первого тома уникального альбома-каталога «Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII — начало XX вв.)» (2017 г.) [6] посвящена сибирским коллекциям в музеях Соединенных Штатов Америки: Американском музее естественной истории (АМЕИ) в Нью-Йорке, Национальном музее естественной истории (НМЕИ) при Смитсоновском институте в Вашингтоне. Издание данного каталога — это результат кропотливой и многолетней научно-исследовательской деятельности по систематизации объектов материальной и духовной культуры народов (якутов, эвенов и юкагиров), вывезенных в течение столетий за пределы Якутии и хранящихся в настоящее время в различных музеях мира, в том числе в музеях США.

Автором-составителем данного системного альбома-каталога «Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII — начало XX вв.)» (2017 г.) является известный искусствовед России, заслуженный деятель искусств РФ и РС(Я), профессор кафедры искусствознания Арктического института культуры и искусств Зинаида Ивановна Иванова-Унарова [7, с. 48–50]. После кропотливой и целенаправленной поездки в музеи США уже в 2012 и 2014 гг. вместе с фотографом Максимом Унаровым, автор вновь расширил и дополнил в духовно-сохранительном аспекте, собранный ранее ими материал. Благодаря, прежде всего, открытости Американских музеев и бескорыстной помощи сотрудников, группе под руководством З.И. Ивановой-Унаровой удалось фундаментально поработать в архивах, фондах, библиотеке и посмотреть все артефакты саха, эвенов, юкагиров, коряков и чукчей.

В результате, в каталог вошли якутская, эвенская и юкагирская коллекции, хранящиеся в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке (АМЕИ), собранные В. Иохельсоном и В. Богоразом, и небольшая по объему якутская коллекция Смитсоновского национального музея естественной истории (НМЕИ) в Вашингтоне, поступившая путем обмена из Музея антропологии и этнологии им. Петра Великого (Кунсткамера). По мнению автора-составителя, общее количество артефактов — 1609. Примечательно, что описание коллекций предваряют статьи: директора отдела антропологии, куратора Азиатской коллекции музея Лаурел Кендалл «Американский музей естественной истории и его коллекция» [8, с. 14–31]; куратора Арктического и Северного коллекций, заведующего отделом этнологии Национального музея естественной истории Смитсоновского института — Игоря Крупника «Арктические, сибирские и якутские (саха) этнографические коллекции в Смитсоновском институте» [9, с. 32–47] и научного сотрудника отдела антропологии Американского музея естественной истории, профессора Джорджтаунского университета Марджори Мандельштам Балзер «Возрождение ду-

ховности в Республике Саха» [10, с. 48–69]. Кроме этого, статья о работе самой Джебуповской экспедиции в Якутии и скрупулезное описание коллекций артефактов по всем трем народам принадлежит автору-составителю З.И. Ивановой-Унаровой [11, с. 70–780].

При всей последовательности и логике научного исследования, Иванова-Унарова З.И. отмечает, что за основу взяты каталоги АМЕИ и НМЕИ с их музейными и архивными данными: размеры, материал, год поступления в музей, донаторы. Методологически важным следует отметить, что структура каталога соответствует российским музейным стандартам и он составлен по названиям объекта по алфавиту русского языка. Альбом логически структурирован по этносам: саха, эвены и юкагиры. Ценным является то, что при описании объекта дается название его на языке этноса. В некоторых случаях, по мнению автора, когда артефакт не имеет аналогичного перевода на русском и английском языках, он дается на языке носителя. Тем самым автором применен *emic* подход, позволяющий интерпретировать высказывания носителей традиции в терминах самой традиции (якутской, эвенской и юкагирской).

Бесценным, на наш взгляд, являются статьи и описания коллекций, которые сопровождаются архивными материалами, комментариями и глоссарием. В каждой научной статье и разделе приводится подробный список литературы, комментарии и архивный материал. Вместе с тем автор-составитель описывает музыкальные записи В. Иохельсона и В. Богораз, посвященные музыкальному фольклору якутов, коряков, юкагиров, эвенов, чукчей, сибирских эскимосов и русских старожилов [11, с.70].

Между тем каждый раздел каталога по трем этносам: саха, эвены и юкагиры, завершается описанием атрибутов и одежды шаманских костюмов, в которых наблюдается своеобразие и особенность сакральной традиции. Безусловно, это еще раз акцентирует внимание исследователей на онтологический статус шаманства в традиционных культурах Северо-Востока Азии в целом. Возможно, поэтому сакральный аспект как бы логически завершает и своеобразно «охраняет» музейные коллекции, вышеописанных музеев США. Заслугой искусствоведа З.И. Ивановой-Унаровой является научная атрибуция и датировка некоторых артефактов музейных коллекций.

Отмечая, таким образом, фундаментальный научный интерес к системному каталогу «Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII — начало XX вв.)» (2017 г.), автором-составителем, которого является ведущий искусствовед России и Якутии З.И. Иванова-Унарова, посвященной сибирским коллекциям в музеях Соединенных Штатов Америки, хоте-

лось бы выделить два момента. Первый, о котором выше уже шла речь, касается самого замысла построения и структуры альбома-каталога, обусловленный интересным и во многом новым в нашей науке методологическим подходом к раскрытию традиционных культур народов Севера. И второй момент, также редко встречающийся в отечественной науке по научному исследованию зарубежных коллекций музеев мира, заключен в пронизывающей все исследование убежденности автора в том,

что лишь серьезное изучение конкретного материала — самих памятников и «текстов» традиционной культуры, а также примечаний и архивных свидетельств — является залогом подлинно глубокого проникновения в тайны художественного образа безымянных мастеров прошлого. Здесь уместно, на наш взгляд, вспомнить В. Г. Белинского, по мысли которого, «мы... допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило наше настоящее и намекнуло о нашем будущем» [12.С.398].

ЛИТЕРАТУРА

1. Котылев А. Ю. *Метаморфозы игры в культуре переходного типа (Россия 1917–1933): Автореферат диссертации на степень кандидата культурологии*. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. — 22с.
2. Покатилова И. В. Системно-синергетический анализ художественной культуры Якутии XXвека // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия «Познание», № 3, 2018. С. 29–34.
3. Сибирская коллекция в Американском музее естественной истории: циркумполяр.цивилизация в музеях мира: вчера, сегодня, завтра = *The Siberian collection in the American museum of natural history / Нац.ком. РС(Я) по делам ЮНЕСКО, Американ.музей естеств.истории, Нью-Йорк; [автор-сост. проф. З.И.ванова-Унарова]*. Якутск: Офсет, 2011. — 252с.
4. Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы/ В. И. Иохельсон; пер. с англ. В. Х. Иванов и З. И. Иванова-Унарова/ Новосибирск: Наука, 2005. 674с.
5. Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII — начало XX вв.) = *Material and spiritual culture of the peoples of Yakutia in world museums (XVII th — early XX th centuries) / Постоян.форум ООН по вопросам коренных народов, Росс.ком. Международного союза музеев, М-во культуры и духовного развития РС(Я)*. Кн.1.: Сибирская коллекция в музеях США / авт.-сост. З. И. Иванова-Унарова; пер.с англ. В. Г. Стручков; фот. М. В. Унаров. — Якутск: Бичик, 2017. — 784с.
6. Иванова З. И. *Традиционное искусство народов Северо-Востока Сибири (эвенки, эвены, юкагиры, долганы, чукчи, коряки)*. Якутск: изд-во ЯГУ, 2005. — 192с.
7. Покатилова И. В. 80лет со дня рождения З. И. Ивановой-Унаровой // *Якутия-2017: календарь знаменательных и памятных дат*. Якутск: Бичик, с. 48–50;
8. Кендалл Л. Американский музей естественной истории и его коллекция// *Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII — начало XX вв.) = Material and spiritual culture of the peoples of Yakutia in world museums (XVII th — early XX th centuries) / Постоян.форум ООН по вопросам коренных народов, Росс.ком. Международного союза музеев, М-во культуры и духовного развития РС(Я)*. Кн.1.: Сибирская коллекция в музеях США / авт.-сост. З. И. Иванова-Унарова; пер.с англ. В. Г. Стручков; фот. М. В. Унаров. — Якутск: Бичик, 2017. С. 14–31. — 784с.
9. Крупник И. И. Арктические, сибирские и якутские (саха) этнографические коллекции в Смитсоновском институте// *Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII — начало XX вв.) = Material and spiritual culture of the peoples of Yakutia in world museums (XVII th — early XX th centuries) / Постоян.форум ООН по вопросам коренных народов, Росс.ком. Международного союза музеев, М-во культуры и духовного развития РС(Я)*. Кн.1.: Сибирская коллекция в музеях США / авт.-сост. З. И. Иванова-Унарова; пер.с англ. В. Г. Стручков; фот. М. В. Унаров. — Якутск: Бичик, 2017. С. 32–47. — 784с.
10. Балзер М. М. *Возрождение духовности в Республике Саха // Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII — начало XX вв.) = Material and spiritual culture of the peoples of Yakutia in world museums (XVII th — early XX th centuries) / Постоян.форум ООН по вопросам коренных народов, Росс.ком. Международного союза музеев, М-во культуры и духовного развития РС(Я)*. Кн.1.: Сибирская коллекция в музеях США / авт.-сост. З. И. Иванова-Унарова; пер.с англ. В. Г. Стручков; фот. М. В. Унаров. — Якутск: Бичик, 2017. С. 48–69.
11. Иванова-Унарова З. И. *Северо-Тихоокеанская Джебуповская экспедиция в Якутии // Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII — начало XX вв.) // Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII — начало XX вв.) = Material and spiritual culture of the peoples of Yakutia in world museums (XVII th — early XX th centuries) / Постоян.форум ООН по вопросам коренных народов, Росс.ком. Международного союза музеев, М-во культуры и духовного развития РС(Я)*. Кн.1.: Сибирская коллекция в музеях США / авт.-сост. З. И. Иванова-Унарова; пер.с англ. В. Г. Стручков; фот. М. В. Унаров. — Якутск: Бичик, 2017. С. 70–83.
12. Белинский В. Г. *Собрание сочинений*. Т. 1. СПб., 1900, с. 398.

© Покатилова Ия Володаровна (zung2006@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РУССКИЙ ДРАМАТУРГ: ДРАМАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ШЕКСПИРА В РОССИЙСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМ ТЕАТРЕ

Чжэн Ин

*Аспирант, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
340074782@qq.com*

RUSSIAN PLAYWRIGHT: A DRAMATIC ADAPTATION OF SHAKESPEARE IN THE RUSSIAN EXPERIMENTAL THEATER

Zheng Ying

Annotation: This article analyzes the state of the productions of Shakespearean scenes in experimental theaters. The main examples of experiments with Shakespeare's plays in various theaters, as well as the periods of time with which these productions are associated, are given. Particular attention is paid to the production of «A Midsummer Night's Dream» by Kirill Serebrennikov, who attracted attention not only by the originality, but also by the person of Kirill Serebrennikov, who became the center of the recent scandal about the «non-existence» of this production.

Keywords: Shakespeare, Midsummer Night's Dream, Hamlet, Experimental Theater, Kirill Serebrennikov, Gogol Center, Winery.

Аннотация. В данной статье анализируется состояние постановок Шекспировских сцен в экспериментальных театрах. Приводятся основные примеры экспериментов с Шекспировскими пьесами в различных театрах, а также периоды времени, с которыми связаны данные постановки. Особое внимание уделяется постановке «Сна в летнюю ночь» Кирилла Серебренникова, которая привлекла внимание не только своеобразием, но и персоной Кирилла Серебренникова, который стал центром недавнего скандала о «несуществовании» данной постановки.

Ключевые слова: Шекспир, Сон в летнюю ночь, Гамлет, экспериментальный театр, Кирилл Серебренников, Гоголь-Центр, Винзавод.

Уильям Шекспир был, есть и остается одним из наиболее известных драматургов на протяжении всего человечества. Его персону окружают множество тайн. Так, например, существует теория о том, что Шекспира как конкретного человека не существовало: за его фамилией стоял целый коллектив писателей, которые желали оставаться в тени [1]. Это, может быть, и так, но единственной, чего нельзя отнять у творчества Шекспира — это жизненность его произведений и непревзойденная театральность. Уже несколько поколений зрителей получают от шекспировских спектаклей самые волнующие, незабываемые впечатления. Каждый актер понимает, что лучшими ролями, которые позволяют раскрыть весь свой театральный потенциал, являются персонажи Шекспировских пьес. Таким образом, каждый актер мечтает сыграть Ромео, Гамлета, Отелло, Лира, Джульетту, Офелию, Дездемону, Корделию и леди Макбет.

Однако существует один извечный вопрос: как театры ставили пьесы Шекспира? Ответ очень прост — пьесы Шекспира подвергались изменениям, тем самым приспосабливаясь к новым сценическим условиям.

Весь смысл Шекспировских драм свелся к тому, чтобы показать нечто важное зрителям нового времени. Это связано с тем, что театр приобрел в каком-то смысле иную форму по сравнению с театром при жизни Шекспира. Театральная культура пережила много изменений, что, конечно, отразилось на толковании пьес Шекспира.

В каждой новой постановке живо выражались общественные настроения разных эпох, социальные и идейные конфликты. Именно поэтому то «искажение» Шекспира и оказывалось интересным и значимым для зрителя. Так, например, «Гамлет» Итана Хоука, где все действие происходит среди корпоративных магнатов, представляющих Соединенные Штаты Америки как «большое» тело, прогнившее капиталистическими идеями и сами магнаты в качестве пешек капитализма. В кинопостановке «Мой личный штат Айдахо» Гаса Ван Сэнта, который взял за основу Генриха четвертого. Генрих в фильме представлен гомосексуалистом, страдающим нарколепсией. Примечательно, что в 90-е в Америке озаменовались движением ЛГБТ и борьбой с наркотическими веществами.

Так и появились экспериментальные постановки Шекспировских пьес. Рассмотрим пример постановок «Гамлета» в России в 21 веке. Для этого важно учесть точку зрения Алексея Бартошевича, профессора Российского института театрального искусства, который в конце января 2017 года выступил с лекцией о Шекспире и его связи с современным российским театром. В своей лекции, говоря об актуальности пьес Шекспира, Алексей заметил, что «Шекспир является не тем автором, о котором вспоминают только по случаю годовщины его смерти. В какой-то степени Шекспир все еще жив и представляет собой часть русской театральной традиции, точно так же, как Чехов является частью театральной традиции Англии. Шекспировские пьесы давно стали частью нас. Мы обращаемся к его пьесам не только для того, чтобы понять, как думали и жили люди шестнадцатого века, но главным образом для того, чтобы понять самих себя — кто мы на самом деле, чем мы живем и как мы должны жить.» [2]

Что касается современных интерпретаций Гамлета, то стоит упомянуть постановку Аллы Демидовой вместе с режиссером греческого происхождения Теодором Терзопулосом, который поставил данную интерпретацию Гамлета в Афинах. В Москве данная постановка была распродана на две (и единственные) ночи вперед, 25 и 26 июня 2001 года, во время Международной театральной олимпиады. В настоящее время постановка Аллы Демидовой включена в репертуар афинского театра Аттиса.

Режиссер Юрий Бутусов впервые после долгого перерыва в 2005 году возродил «Гамлета» в МХАТе им. Чехова. Спектакль вызвал неоднозначные отзывы. Бутусов использовал первый вариант перевода Пастернака, сделанный в 30-х годах по заказу Мейерхольда. Бутусов выделил роль Горацио как заглавную. Он отверг историчность и вместо этого использовал клоунаду и шутовство, с целью усиления трагедии пьесы. Зрители были поражены такой постановкой спектакля.

Сценограф Александр Шишкин разместил действие пьесы в скандинавском пейзаже со замерзшим морем и холодном Хельсингёре. Мейерхольд в свое время представлял Гамлета в окружении моря и песчаного пляжа. Море в постановке Бутусова состоит из металлического мусора, проволоки и пустых банок. Во время своего незабываемого монолога Гамлет нес на сцене большую металлическую надстрочную часть, которую он наклонил к публике, обнажая крест, сделанный из толстых проводов. По словам режиссера, Призрак в серебряных доспехах должен был выйти к зрителю из морских глубин, сражаясь с зыбучим песком. Стоя спиной к аудитории, Гамлет в черном плаще должен был скрыть за ним своего отца и показать зрителю свои блестящие доспехи. Затем

Черный Принц и Серебряный Король меняются местами. Бутусов по своей версии избавляется от формулировки и обсуждения знаменитых загадок, здесь есть простое объяснение всего без обращения к циничной иронии к классике. Его спектакль имеет перемежающуюся структуру, включает в себя множество тем, которые режиссер оставляет на полпути без развития. Ироничный Гамлет в своей версии посмеивается над смертью и загробным миром. Он поболтал со своим старым отцом возле лодки перед огнем, пока принц Шекспира замерзает от страха перед адским призраком. Это дружеский разговор между отцом и сыном, а не диалог со смертью в атмосфере священного ужаса.

Гамлет Бутусова не пытается познать тайны жизни и смерти. Тем не менее, Бутусову удалось придумать много интересных деталей и забавных ситуаций, большинство зрителей и критиков остались довольны данной интерпретацией, а также игрой актеров.

Режиссер Валерий Фокин в 2010 году поставил Гамлета в Александринском театре в Санкт-Петербурге в качестве средства политического инструмента. В гротескном сценическом оформлении Александра Боровского население Дании — футбольные фанаты. Действие происходит в сложной на футбольном стадионе, патрулируемом сторожевыми собаками и солдатами, которые либо выбрасывали трупы в гигантскую яму, либо расстреливали диссидентов. Гамлет был пьяным, развратным юношей; Горацио — студентом, который путешествует автостопом; Лаэртс — футболист. Гертруда становится хладнокровным вдохновителем и организатором убийства отца Гамлета. Образ монументальной Гертруды является ключевым в этой пьесе. Она презирает мужчин, держит Клавдия в состоянии ужасного послушания и прячется от опасного сына.

Чрезвычайно нервный Гамлет, которого играет Дмитрий Лысенков, слишком взвинченный, истеричный, плаксивый, устремляется через сцену и зрительный зал, а затем, наоборот, апатичен и подавлен. Он совершает не просто убийство Полония в бешеном настроении, но буквально пронзает тело старика кухонным ножом и яростно тащит его труп на сцену. Фокин пытался отождествить черты современных Гамлетов с их неистовым стремлением к истине, отказом от лжи отцов, нежеланием продолжать свой путь. Кажется, он им симпатизирует, принимая на себя родительскую ответственность за то, что эти мальчики стали такими злыми. Спектакль дал безжалостный анализ современного состояния российского общества, дав непростой портрет современной молодежи. По словам Дж. Гивенса, «Гамлет Фокина столкнулся с обманом и лицемерием сил, которые вызывали другие постановки России и СССР за последние 200 лет, которые также осмеливались говорить правду о власти» [3].

Драматическая адаптация Леванова, использованная в переводах Н. Полевого, М. Морозова, Б. Пастернака и М. Лозинского, придает тексту радикальный неакадемический смысл. Леванов отходит от первоначального текста, так что постмодернистская трагикомедия Фокина приобрела оттенок гротескного абсурда. В конце пьесы аккуратно прочесанный, чистый, но совершенно равнодушный подросток Фортинбрас выходит на сцену, который заменит разъяренного, безумного Гамлета. Новый правитель не сочувствует жертвам, не оплакивает человека, от которого он унаследовал власть, и повелевает избавиться от трупов без всякого зазрения совести. Его послушные слуги немедленно отвечают приказу нового правителя, а трупы отправляются в яму. Начинается модернизация датского королевства.

«Гамлет» Валерия Фокина во многом нарушил традиционную идею постановки пьес Шекспира. Это вызвало ожесточенные споры о несоответствии постановки тексту Шекспира и намеках на общие темы современной российской политики. По словам Бартошевича, «Гамлет снова выполнил свою обычную — по крайней мере для России — миссию: стать зеркалом исторического момента, инструментом самопознания национальной судьбы».

Что касается последних постановок «Гамлета», то следует упомянуть спектакль Валерия Саркисова в театре им. Ермолова в 2013 году. Идея постановки спектакля «Гамлет» пришла ему после встречи с молодым актером Александром Петровым. Художественный руководитель театра Олег Меньшиков видел в нем Гамлета. Спектакль возник вокруг него. Появилась история о молодом человеке, который был сломлен сложившимися обстоятельствами. Он — личность, которая существует в среде, где переплетены жизнь и смерть. Гамлет пытается ответить на простой вопрос каждым шагом, каждым действием: «Почему, почему я пришел в этот мир?». На наших глазах личность растет и развивается, мальчик становится мужчиной, воином, человеком. Премьера состоялась 20 декабря 2013 года.

По словам Веры Копиловой, «это настоящий успех, неоспоримый и очевидный. Спектакль заслуживает внимательной публики, гром аплодисментов и театральных наград. Хотя роль Гамлета исполняет очень молодой и пока еще неизвестный актер Александр Петров, спектакль следует называть важным событием». [4] Режиссер Валерий Саркисов продемонстрировал удивительное чувство вкуса, гармонии, соразмерности и умения сделать хороший спектакль. В «Гамлете» Саркисова все реально, что очень необычно для современных постановок. Александр Петров стал идеальным Гамлетом, человеком действия, способным оценивать свое и чужое поведение. Режиссер использовал перевод Гамлета Андрея Чернова, который был создан в 2003 году.

На новой сцене Большого театра 11 марта 2015 года состоялась премьера балета «Гамлет» на музыку Шостаковича. Создатели спектакля-хореографа Радугу Поклитару — ставили хореографические церемонии открытия и закрытия Олимпиады в Сочи; и режиссер Деклан Доннеллан — лауреат премий «Золотая маска» и «Хрустальная Турандот». Его постоянный сотрудник британский театральный дизайнер Ник Ормерод также принимал участие. Более десяти лет назад в Большом театре они поставили свою версию балета «Ромео и Джульетта», на этот раз творческий союз вновь принялся за пьесу Шекспира. Полдюжины кинотеатров выпустили Гамлета к юбилею Шекспира в прошлом году. И вот настал черед Большого театра. Артисты Большого театра остались под впечатлением: половину репетиций они провели с режиссером — одним из величайших специалистов Шекспира, англичанином Декланом Доннелланом.

Для мирового балетного театра «Гамлет» не является новой темой, он развивался в жанре уже с 1788 года. Польская танцовщица и хореограф Бронислава Нижинская обратилась к нему в Парижской опере в 1934 году, французская балерина Серж Лифарь в 1957 году, также Морис Бежар, Джон Ноймайер. Советский артист балета и хореограф Рудольф Нуреев также исполнил роль принца Дании. Марис Лиена принял участие в балет-фильме на музыку Д. Шостаковича. Но абсолютным чемпионом по количеству «Гамлетов» является Михаил Барышников: главную роль в балете сыграли Константин Сергеев, Морис Бежар, Джон Ноймайер. Был также вариант пьесы Шекспира в Большом театре — балет «Русская Гамлет» Бориса Эйфмана. Речь шла о царевиче Павле — будущем императоре Павле I, современники которого многое узнали о судьбе персонажа Шекспира. На создание либретто балета «Гамлет» ушло три года. В результате балетная история оказалась гораздо шире, чем у Шекспира. Все начинается с детства Гамлета. В нем скрыты все мотивы и причины дальнейшего развития событий и переживаний — они важнее для этого спектакля. «Все спрашивают меня, чувствовал ли я недостаток слов. Ответ — я так рад наконец-то работать без них! Все великие писатели — Пушкин, Чехов, Шекспир — знают, что слова на самом деле не работают. Мы не пересказываем эту трагедию здесь, через нее с помощью танца мы передаем эмоции, которые просто не ограничены», — сказал Деклан Доннеллан [5]. Поиски музыкального сопровождения заняли много времени. Связь между Гамлетом и Шостаковичем существовала всегда, поэтому его музыка была выбрана в качестве сопровождения. Оба они жили в эпоху «подавления и сокрытия». Была выбрана Пятая и Пятнадцатая симфонии Шостаковича, по словам хореографа Радугу Поклитару, такая музыка точно соответствует либретто. Основное внимание в сюжете — тема потери близкого человека. Артистам балета нужно было не просто танцевать восемь смертей

за два часа, но и выжить. В «Гамлете», по словам Доннеллана, Шекспир поднимает глобальную проблему: изучение потерь, которые человек испытывает при жизни. Новый балет действительно о потерях: герой теряет обещанный рай — свое детство, отца, мать, любимых и в конце жизни. Павел Яшенков замечает великолепное выступление Дениса Савина (Гамлета) и абсолютно всех актеров, задействованных в спектакле — Анастасии Шашкевич (Офелия), Анны Балуковой (Гертруда), Юрия Клевцова (Клавдия) и Александра Петухова, Игоря Цвирко, Дениса Медведева, Виктора Барыкина, Евгения Сазонова, Юрий Островского. Как всегда, великолепно Поклитару отлично руководил массовыми сценами, отражающими эмоциональное состояние двора: рабство, подчинение, животный страх перед правителями. Опытные русские зрители впервые увидели Гамлета, танцующего на сцене.

Балет получил в целом положительные отзывы. Это еще раз доказывает, что режиссеры продолжают переосмысливать Гамлета, воссоздавать его историю, зрители по-прежнему смотрят на него, сочувствуют ему. И в кино, и в балете, и в современном танце Гамлет остается Гамлетом.

Однако особого внимания заслуживает Кирилл Серебренников, который поставил знаменитую комедию Шекспира «Сон в летнюю ночь» по текстам Валерия Печейкина. Есть четыре истории. Четыре пространства:

1. Безнадёжно разбитая оранжерея фей, эльфов, художников.
2. Школьный двор — место для чтения рэпа и поцелуев у мусорных баков.
3. Пентхаус «Правителей».
4. Приют для рабочих с китайским телевизором, который по совместительству является любительским театром бородатого плотника Питера Куинса, в котором репетируется спектакль о Пираме и Тисбе.

Они не видят друг друга, вот в чем дело! Четыре разные толпы никогда не смешались бы в одну. И теперь перегруженная зрительская аудитория начинает что-то поминать: этот сон вызван реальностью.

Елена Дьякова, журналист «Новой газеты», отзывалась о данной постановке следующим образом. Кирилл Серебренников поставил одну из самых загадочных и сказочных комедий Шекспира, превратив ее в увлекательное театральное путешествие. Публика, ведомая персонажами, бродит по таинственному лесу, пока сюжет разворачивается в четырех разных пространствах. Прозаические вставки драматурга Валерия Печейкина вставлены в текст Шекспира в стихах, как если бы персонажи были на консультации психоаналитика, желая разобраться со своими подсознательными страхами.

Серебренников разорвал пьесу Шекспира и разделил ее на несколько историй, наделяя каждую из них определенным стилем. Теперь боги живут в теплице, построенной из пыльных створок, как владельцы особняков. Возлюбленные выглядят как выпускники, разбирающие свои отношения, сидящие на школьной скамье посреди дискотеки, организованной по случаю их выпускного вечера. Тесей и Ипполита деградировали до представителей среднего бизнеса и почему-то по-королевски откидываются на больничных койках. Рабочие — это веселая толпа наполовину пьяных парней, которые щедро разносят мусор, проходя по лесу. Игра балансирует между страшным и смешным, разными жанрами и временами. Несмотря на все изменения, ее главной силой остается Любовь и ее главная тема — отношения между мужчиной и женщиной, которые всегда приводили к катастрофе. И все же Искусство в конце концов торжествует. Игра самодеятельности о Пираме и страстях Тисбэ внезапно превращается в настоящую трагедию, и ее великолепный финал, исполненный под музыку Монтеверди в стиле барокко, привлекает публику [6].

С данной постановкой связано много странных историй. Впервые спектакль был представлен в июне 2012 года в Цехе Белого на Винзаводе, где находился проект «Платформа», который наделал много шума. Родился спектакль в аудитории 2.1 Школы-студии МХАТ, в которой актеры «Седьмой студии» показывали свое видение пьес Шекспира [7].

Стоит заметить, что Шекспировский «Сон» — сложное, многоуровневое действие, в котором переплетаются несколько сюжетных линий, несколько миров. Цех Белого, где проходила постановка «Сна в летнюю ночь» был залом-трансформером, который радикально отличается от театрального пространства. Первая часть постановки была посвящена истории богов, которая развивалась в огромном деревянном доме. Наблюдать за данной историей можно было только сквозь мутные, полуразбитые окна и щели в стенах старого дома. Его обитателями стали:

1. Оберон, которого сыграл Харальд Розентстрём, который отчасти напоминает своим видом мифологического бога,
2. Титания, которую сыграла Светлана Мамрешева
3. Приемыш, избалованный юноша с лукавой ухмылкой, которого сыграл Евгений Сангаджиев.

В первом действии появляется эльф Пак, а если точнее, три Пака, которые были сыграны Татьяной Кузнецовой, Евгенией Афонской и Юрием Лобиковым.

Вторая часть спектакля перемещает зрителей в зал, который напоминает школьный класс накануне выпускного вечера. Рассказывается история людей — финских

любовников, которых сыграли такие актеры, как Александр Ревенок, Мария Поезжаева, Риналь Мухаметов и Иван Фоминов. Данную часть Кирилл Серебренников превратил в смешную часть. Как отмечал в своей рецензии Вадим Рутковский: «Риналь пел песни «Корпорации Желтый асфальт» — стебная «Суицидница» вполне могла бы стать полноценным поп-хитом. А незабываемое присловье Деметрия-Фоминова «Йелэна!» потом стало ринг-тоном в телефоне сразу нескольких моих знакомых.» [8]

В третьей части действие переносилось в мрачный кабинет психоаналитика, в котором находились правители — два Тезея, которых сыграли Артур Бесчастный и Илья Ромашко и две Ипполиты, которых сыграли Яна Иртеньева и Екатерина Стеблина. Часть посвящена отношением взрослых людей, содержащая мотивы «Укрощения строптивой».

Четвертая часть представляет собой историю о рабочих, которые, по сути, были потешными ремесленниками. Их сыграли такие актеры, как Никита Кукушкин, Филипп Авдеев, Евгений Сангаджиев, Роман Шмаков, Артем Шевченко, Артур Бесчастный, примерявшие на себя героев мифа о Пираме и Фисбе. «Это было роскошное хулиганство — но никакими словами не описать, как это баловство превращалось в космический (по-другому не скажешь) финал, разыгранный на гигантском поворотном круге под *Lamento della ninfa* Клаудио Монтеверди. На наших глазах из земного сора — страданий, хохм, суеты, слез и смеха — рождалось величественное, нездешнее произведение. Ничего подобного я в театре не переживал, наверное, никогда (а смотрю я не меньше двух сотен отборных постановок в год, причем, не только в России). 27 июня 2012 года я увидел спектакль, который стал самым любимым навсегда.» — говорит Вадим Рутковский [8].

Несмотря на все эксперименты с текстом и измененную структуру пьесы, спектакль получился удивительно шекспировским по духу. Трагическое противоречие оказалось снято единственно возможным образом — переводом в область идеального, в высокую сферу искусства, которое для того, в общем, и существует и потому при-

тягательно, что способно на какое-то время удовлетворить потребность человека в абсолютной гармонии.

Есть несколько моментов, когда есть подозрение, что Серебренников разворачивает события посредством игры актеров, а не вовлечением их в диалог. Это особенно верно, когда он заставляет одну из женщин принять позу креста, потому что она обижена своим возлюбленным. Вместо того, чтобы казаться резким и шокирующим, это кажется дешевым и очевидным.

Но какие бы сомнения ни вызывали эта сцена, последний сегмент рабочих, исполняющих пьесу Пирама и Тизеба, полностью их рассеивает. После просмотра пролога в теплице зрители приглашаются в еще одно пространство, огромный зал, почти заполненный круглой платформой. По мере того, как вокруг него собираются зрители и иногда поощряются к участию в небольших играх, игра в спектакле разворачивается в основном через прекрасную хореографию Анны Абалихиной.

Здесь неуклюжие рабочие в какой-то степени возрождаются как художники. Сказка о Пираме и Тизебе становится их собственной, и они полностью охватывают трагедию обреченных любовников. Это преобразующая сцена, которая стирает сомнения и разочарования, которые иногда провоцирует это длинное, почти четырехчасовое представление. Конструктивно это предлагается как что-то вроде эпилога, хотя это сегмент, который объединяет весь кусок и имеет смысл. Образ Никиты Кукушкина в образе Пирама и Филиппа Авдеева в роли Тизеба, кружащих над сценой в муках смерти, совершенно незабываем. То, что Шекспир задумал как легкомысленную пародию, Серебренников убедительно и красиво преподносит как полномасштабную трагедию.

Таким образом, можно увидеть, что наследие Шекспира существует и по настоящее время, пускай и не в том виде, как задумывал Шекспир. Все дело в том, что нельзя при постановке Шекспировских пьес не передать настроения настоящего времени, придать им новый облик, привлечь внимание зрителей яркой, эксцентричной или даже шокирующей постановкой, которая еще раз позволить понять все величие творчества Уильяма Шекспира, которое будет актуально еще много веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эрштейн М. О. Семья Уильяма Шекспира // Вестник ЧГПУ. 2015. № 4.
2. «Отстаньте от Гамлета!». Алексей Бартошевич прочел злободневную лекцию о Шекспире // Журнал «Театрал» URL: <http://www.teatral-online.ru/news/15134/>
3. Shakespearean Tragedy in Russia: In Equal Scale Weighing Delight and Dole. John Givens. pp. 761–776 *The Oxford Handbook of Shakespearean Tragedy* Oxford University Press, 2016. P. 775
4. Гамлет в театре Ермоловой: точка силы // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20131221/985613104.html>

5. Не подвели-2015: самые значимые культурные события года // Журнал Мари Клер URL: <http://www.marieclaire.ru/stil-zizny/ne-podveli-2015-samyie-znachimyye-kulturnyye-sobyitiya-goda/>
6. Кирилл Серебренников поставил на «Платформе» «Сон в летнюю ночь» // Смотр.ру URL: http://www.smotr.ru/2012/2012_platforma_son.htm
7. Сон в летнюю ночь. // Гоголь-центр URL: <https://gogolcenter.com/events/son-v-letnyuyu-noch/>
8. Каково это — смотреть спектакль, которого не существует // Журнал Esquire URL: <https://esquire.ru/relaxation/24002-midsummer-nights-dream/#part0>

© Чжэн Ин (340074782@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК С ПАТОЛОГИЕЙ ГОЛОСОВОГО АППАРАТА И ИХ ЗДОРОВЫХ СВЕРСТНИКОВ

Барabanов Родион Евгеньевич

Аспирант, Московский государственный психолого-педагогический университет
ksp_kpr_14@mail.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PSYCHOLOGICAL STRUCTURE OF QUALITY OF LIFE OF YOUNG MEN AND GIRLS WITH THE PATHOLOGY OF THE VOICE CARE AND THEIR HEALTHY PEOPLE

R. Barabanov

Summary. The article presents the results of a comparative analysis of the psychological components of the quality of life of persons with special educational needs (for example, people with vocal pathology) and healthy respondents. On the basis of the data obtained, individual structural components of the quality of life in each group were identified.

Keywords: quality of life, voice, special needs.

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного анализа психологических составляющих качества жизни лиц с особыми образовательными потребностями (на примере людей с патологией голосового аппарата) и здоровых респондентов. На основе полученных данных выявлены отдельные структурные компоненты качества жизни в каждой из групп.

Ключевые слова: качество жизни, голос, особые потребности.

Доминирующие в современном обществе инклюзивные идеи и принципы базируются на эффективном функционировании сложной системы, представленной взаимодействующими подсистемами: человек с особыми образовательными потребностями (ООП) с одной стороны и социальная среда как совокупность общностей со своеобразной структурой, ценностями и возможностями с другой [1, 4, 5, 8]. В связи с этим акцентируем то обстоятельство, что важное ресурсное обеспечение инклюзии лиц с особыми образовательными потребностями — это развитие качества жизни, которое должно актуализировать физические, интеллектуальные, личностные, духовные и творческие ресурсы личности, определяющие готовность к включению в общество и возможность преодоления различного рода трудностей, барьеров и ежедневных изменений, неизбежно возникающих в результате данного процесса [10]. При этом существуют негативные эффекты включения лиц с ООП в общество, которые создают предпосылки для комплекса нарушений психофизического и социального здоровья личности, отражающиеся на социальном функционировании и субъективной оценке качества жизни.

Здоровье является важным элементом системы социокультурной детерминации, определяемым качеством жизни, т.е. ценностными ориентациями, целями, уста-

новками и поведенческими стратегиями конкретного индивидуума в ситуации болезни. В совокупности это указывает на макродетерминацию здоровья и на внутриличностные механизмы его регуляции, которые предполагают своеобразие и свободное самоопределение человека [3, 4, 6, 7, 9]. Поэтому блокировка психической активности на определенном уровне вследствие стрессогенных внешних воздействий, нарушает оптимальный режим функционирования всех остальных уровней и системы в целом, предопределяя возникновение дезадаптивных состояний, трудностей решения проблем [5, 11].

В нашем случае, используя пример соматического и психоэмоционального состояния лиц с патологией голоса, перенесших оперативное вмешательство или находящихся на амбулаторном лечении, нельзя не затронуть и проблему интеграции таких людей в образовательное пространство. Любые лечебно-оздоровительные мероприятия в представлении большинства лиц с патологией голосового аппарата связаны с болью, нанесением раны, ограничением деятельности, временной утратой коммуникативной активности и т.п. Сама патология затрагивает мир чувств и впечатлений больного, его представлений о собственном теле, которые сложились у человека [1, 2]. В этой связи, даже не смотря на в целом удовлетвори-

тельное соматическое состояние, люди часто продолжают испытывать стресс и различные расстройства настроения. На этом фоне, постоянное нахождение в стрессе и неспособность управлять своими эмоциями, приводит к тому, что организм не справляется должным образом с патологическим процессом, понижается иммунитет, как следствие изменяется психологическая структура качества жизни. Психическое равновесие в процессе лечения, а также спустя некоторое время после болезни с большинством других факторов зависит от того насколько личность способна принять новое положение вещей и последствия заболевания, что является отражением той самой (объективной) структуры качества жизни. Все это требует выстраивания особой траектории образовательного процесса и формирования такой образовательной среды, где при хорошей психологической поддержке лиц с патологией голосового аппарата, установлении доверительного контакта с преподавателем, адекватных требованиях к обучающимся, интеграция в образовательную среду проходит в благоприятной атмосфере, а возникающие социально-психологические барьеры встречаются реже.

Исходя из всего выше сказанного, в настоящем исследовании мы ставили перед собой **задачу объективизации психологических составляющих качества жизни (которые выступают в качестве индивидуальных эталонов и ценностей) лиц с особыми образовательными потребностями (на примере юношей и девушек с патологией голосового аппарата) и их здоровых сверстников.**

Для наибольшей достоверности мы приняли позицию, согласно которой *выявление психологических составляющих качества жизни не должно было ограничиваться изучением одной только удовлетворенности теми благами, какие имеет субъект, статусом его здоровья или степенью физических и психических ограничений.*

В этой связи нам было необходимо:

1. Проанализировать различия в психологических составляющих качества жизни юношества с особыми образовательными потребностями и здоровыми сверстниками;
2. Проанализировать групповые и гендерные различия в психологических составляющих качества жизни юношей и девушек с особыми образовательными потребностями и здоровыми сверстниками.

Эмпирическая база исследования

Для проведения исследования нами была отобрана экспериментальная и контрольная группы, общей численностью 196 человек.

Исследование экспериментальной группы проводилось на базе ФГБУ «Научно-клинический центр оториноларингологии Федерального медико-биологического агентства России». За период с марта 2017 по январь 2018 года в опросе приняли участие 96 человек, которые являлись пациентами отделений фониатрии и патологии гортани ФГБУ «Научно-клинический центр оториноларингологии ФМБА России». Из них 85 взрослых (средний и поздний юношеский возраст) и 11 подростков (ранний юношеский возраст) с нарушением голоса в возрасте от 16 до 27 лет (48 юношей и 48 девушек) — учащиеся различных вокально-эстрадных отделений московских ВУЗов. Средний возраст $21 \pm 1,6$ года.

Исследование контрольной группы проводилось на базе АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА». За период с сентября 2017 года по июнь 2018 года в исследовании приняли участие 100 человек, которые являлись студентами 1–4 курсов ВУЗа, а также колледжа МФЮА. Из них 82 взрослых (средний и поздний юношеский период) и 18 подростков (ранний юношеский период) в возрасте от 16 до 27 лет (50 юношей и 50 девушек). Средний возраст был $19 \pm 1,4$ года.

Дизайн исследования

Процедура исследования представляла собой заполнение обеими выборками девяти опросников разной измерительно-объективизирующей и целеустанавливающей направленности. При этом на первом этапе исследования был проведен контент-анализ (целью которого было выявление компонентов качества жизни на основе субъективной оценки лицами с патологией голосового аппарата и, так называемой, нормой), который позволил нам определиться с набором методик для настоящего исследования. Среди них:

1. Методика К. Рифф «Опросник психологическое благополучие личности» в адаптации и модификации Т.Д. Шевеленкова и П.П. Фесенко, 2005 года;
2. Методика Одинцовой М.А. и Радчиковой Н.П. «Самоактивация», 2017 года;
3. Методика СЖО «Тест смысложизненных ориентаций» - модифицированная версия теста «Цель в жизни» (Purpose-in-Life Test, PIL) Д. Крамбо и Л. Махолика (James Crumbaugh, Leonard Maholic);
4. Методика «Оценка уровня удовлетворенности качеством жизни» (для взрослых) Н.Е. Водопьяновой, 2005 года;
5. Методика «Шкала экзистенции» А. Лэнгле и К. Орглера в адаптации Майниной И.Н. и Васанова А.Ю., 2010 года;
6. Методика «Опросник качества жизни и удовлетворенности» Е.И. Рассказовой, 2012 года;
7. Методика «Опросник жизнестойкости» Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой, 2006 года;

8. Методика СКЖ «Субъективное качество жизни» Т.В. Эксакусто и А.А. Заиченко, 2012 года;
9. Методика МНП (SSCT) «Метод незаконченных предложений» Сакса Леви в адаптации Г.Г. Румянцева, 1969 года.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ полученных данных проводился с использованием программы математической обработки информации SPSS версии 22.0. В работе был применен критерий U Манна-Уитни, используемый для сравнения двух несвязанных выборок по уровню количественного признака, измеренного в порядковой шкале, Критерий Хи-квадрат, который асимптотически верен и использовался для изучения конкретных значений дисперсии нормально распределённой совокупности на основе выборочной дисперсии (грубо говоря, этот критерий применялся для проверки связи пар данных по тем или иным показателям качества жизни в исследуемых группах).

В результате можно говорить о следующих данных.

Критерии U Манна-Уитни и Хи-квадрат показали, что имеют место различия как по группам (между респондентами с особыми потребностями и условно здоровой выборкой), так и по полу. Поэтому психологические составляющие качества жизни, на наш взгляд, целесообразно выделять в каждой из групп отдельно. При этом существует принципиальная разница в степени выраженности тех или иных компонентов в каждой из групп. Так, например:

1. По методике «Метод незаконченных предложений» (для анализа ответов была применена стандартная оценка системы отношений) Сакса Леви в адаптации Г.Г. Румянцева, мы получили групповые различия по таким шкалам как:

а) **отношение к успеху/неуспеху** (уровень значимости $p=0,000$). Качественный анализ показал, что молодые люди с нарушением голоса в зависимости от отношения к будущему по-разному воспринимают ситуации успеха и неуспеха. Это зависит от осознания своих ресурсных возможностей, способностей и субъективной оценки той реальности, в которой находится личность. Анализ данных показал, что испытуемые при составлении предложений, в которых закреплялось отношение к «успеху»/«неуспеху», отражали фрустрированные и актуальные для себя сферы жизнедеятельности: отрицательно оценивая возможности достижения целей, общения, работы и т.п., выделяя таким образом социальные маркеры успеха/неуспеха (актуальные сферы, соответствующие социальной ситуации развития конкретного респондента). При этом женщины в большей степени склонны чувствовать свою

ответственность за неудачи и состояние здоровья, в отличие от мужчин.

б) **отношение к счастью** (уровень значимости $p=0,000$). При негативном отношении к себе, молодые люди из группы респондентов с нарушением голосовой функции, проявляли выраженную инфантильную позицию, считая: пусть окружающие люди, общество заботится о нас, поскольку это главное условие счастливого существования — адаптироваться к социальному окружению.

в) **отношение к несчастью** (уровень значимости $p=0,011$). Респонденты с нарушением голоса, заполняя опросники, как правило выражали необходимость чувствовать себя нужными. Многие выражали стремление, что готовы принять любую ситуацию и каждого человека, лишь бы общество приняло их.

г) **отношение к здоровью** (уровень значимости $p=0,000$). В группе юношей и девушек с особыми потребностями ответы носят преимущественно негативный оттенок. Например, многие респонденты, продолжая фразу: «По сравнению с большинством других, мое здоровье...», отвечают: «плохое», «слабое», «резко изменилось», «доставляет мне большие проблемы», «заставляет меня изменить жизнь», «ограничивает меня».

д) **отношение к межличностным контактам** (уровень значимости $p=0,000$). У юношей и девушек с нарушением голоса наиболее часто встречаются ответы, связанные с негативной оценкой качества общения (коммуникации), собственной личности и самореализации. На первое же место у здоровых испытуемых выходит «Я», то есть актуализируется процесс индивидуализации. Молодые люди стремятся заявить о себе, проявить себя, включиться в новые для них отношения. Это наблюдается у тех юношей и девушек, которые положительно относятся к себе.

е) **отношение к будущему** (уровень значимости $p=0,000$). Молодые люди из группы условно здоровых респондентов положительно относятся к себе, ясно представляют свои цели, что позволяет им оптимистично относиться к будущему. Для этих юношей и девушек будущее: безоблачно; радушно, желанно; и т.д. Особое место у 8 испытуемых, показавших позитивное отношение к собственному будущему, занимает надежда на то, что произойдут позитивные изменения в стране. Как показывает исследование, они чаще всего ориентированы на успех в жизни, и этот успех будет зависеть от их активности в достижении поставленных целей. Что же касается молодых людей с нарушением голоса, то они проявили отрицательное отношение к себе, восприятие будущего у них в большей степени пронизано пессимизмом, а цели определяются обще, однопланово (иметь много пози-

тива; быть здоровым; было бы поменьше плохого; быть понятым; попробовать все и т.д.). Уже в целях заложена ориентация на внешние условия (надо, чтобы все изменилось; были бы хорошие условия и т.д.). Эта группа респондентов характеризуется отсутствием у них ориентации на успех, они считают, что надо дожидаться благоприятных условий, а потом только действовать.

ж) **отношение к сексу** (уровень значимости $p=0,027$). По данным анализа лица с нарушением голоса (гортанной патологией) меньше задумываются на тему секса, особенно те из них, у кого были оперативные вмешательства. Это объясняется возрастающей неуверенностью в виду имеющейся соматической патологии, выраженной телесно в виде шрамов и т.п. Сексуальная самооценка в данном случае зависит от отношения близкого окружения к человеку. Если он чувствует себя понятым и принятым в семье, защищенным, то функционирует с уверенностью, что желанен в любом виде.

з) **потребности личности** (уровень значимости $p=0,001$). Наиболее выраженной у лиц с нарушением голоса является потребность в самореализации (19,3%), далее следует общение (18,3%) и эмоциональный комфорт (17,3%). Для группы условно здоровых респондентов актуальна потребность в выборе профессии (13,8%) и учеба (9,2%). Незаконченное предложение «Думаю, что достаточно способен, на...» многие из числа лиц с ООП завершили: «остаться в живых»; «любить и быть любимым»; «трезво мыслить»; здоровые сверстники же писали: «то, чтобы заработать»; «добиться того, что хочу» и т.п. Например, Иван К. (21 год) из группы условно здоровых респондентов завершил эту фразу таким образом: «Думаю, что достаточно способен на то, чтобы заработать», и его основной потребностью является потребность иметь много денег. Николай М. (19 лет) из группы юношей с нарушением голоса завершил фразу — «...выжить», и его потребностью в жизни является потребность «быть». Такие параллели можно приводить и дальше. Таким образом, осознание своих потребностей позволяет актуализировать понимание себя, постичь смысл своего существования в контексте актуального функционирования личности.

2. Также, согласно критерию U Манна-Уитни, мы получили половые различия для обеих групп в степени выраженности тех или иных компонентов качества жизни по ряду шкал в использованных методиках исследования. А именно:

в группе юношей и девушек с нарушением голоса

а) компонент «цели» в методике СЖО «Тест смысловых ориентаций» в наибольшей степени выражен у представительниц женского пола (средний ранг 57,19

на уровне асимптотической двухсторонней значимости $p=0,002$), что может свидетельствовать о том, что для девушек, как для личностей, яснее определены цели в жизни, у них отчетливее выражено чувство осмысленности своего настоящего, прошлого и будущего, соответственно, они более конструктивно могут взаимодействовать с окружающей средой (особенно, в ситуации болезни, которая оказывает негативное влияние как на физическое состояние, так и на психологическое [5, 8], подчеркивая женскую неполноценность). Соответственно, все рациональное звено психической деятельности нацеливается на преодоление этой неполноценности и постановку как краткосрочных, так и долгосрочных целей. Девушки лучше чем юноши осознают, что из-за внешних или внутренних барьеров они могут препятствовать достижению целей, и поэтому стараются сделать все от них зависящее, чтобы не подвести самих себя [7, 9]. При этом женщины не стараются «продавить» имеющиеся проблемы (в нашем случае в области здоровья), как мужчины, зная, что это вызовет еще большее эмоциональное напряжение и отторжение. Они стараются принимать происходящее и чаще, чем мужчины размышляют, как имеющиеся трудности превратить в новую возможность, какой урок в этом кроется, чему им необходимо научиться и как нужно измениться с учетом вновь сложившихся обстоятельств.

б) также выявлены значимые различия между испытуемыми разного пола по показателям: «**локус контроля-Я**» ($U=-1,739$, при $p<0,05$) и «**локус контроля-Жизнь**» ($U=-1,220$, при $p<0,05$). Как показывают полученные данные, юноши, переживая болезнь, считают себя сильными личностями, способными к выбору, принятию решений и управлению своей судьбой.

в) компонент «**личностная исполненность**» по методике «Шкала экзистенции» А. Лэнгле и К. Орглера в большей степени выражен у юношей из группы респондентов с нарушением голоса (на уровне значимости $p=0,000$), что указывает на их феноменологическую открытость и диалогический обмен со своим внутренним и внешним миром.

г) наряду с этим девушки значимо отличаются по таким параметрам экзистенциальной исполненности как «**самодистанцирование**» ($U=-1,195$, при $p<0,001$) и «**свобода**» ($U=-1,425$, при $p<0,05$). Возможно, это связано с тем, что девушкам в большей мере, чем юношам, свойственен эмоциональный отклик, способность к сопереживанию и осознанию внутреннего отношения к прожитому, решительность и уверенность в принятых решениях, открытость восприятия себя и своего внутреннего мира.

д) компоненты «**общение с близкими**» и «**поддержка**» также в большей степени выражены у девушек из группы лиц с нарушением голоса (средний ранг 59,33 и 59,02

на уровне значимости $p=0,000$ соответственно). Это может быть свидетельством того, что в ситуации болезни женщины больше, чем мужчины нуждаются в сочувствии, эмоциональном отклике со стороны близких, они в наибольшей степени готовы воспринимать глубокие внутренние отношения, ориентироваться на смысл действий и достижение цели.

е) также в результате исследования, нами обнаружены закономерности констелляции отношений личности по шкале «**эмоциональность**» в методике «Субъективное качество жизни» с перевесом в сторону юношей (на уровне значимости $p=0,000$). Вероятно, это связано с тем, что мужчины, заболевая, в большей степени подвержены внутреннему психоэмоциональному напряжению, поскольку затрагивается сфера их «самости». При этом на первый план выходят способности юношеского возраста к открытому восприятию мира и себя самого, своего «Я», где фиксируются более высокие значения эмоциональной насыщенности жизни.

ж) в методике «Метод незаконченных предложений» мы также получили разницу в области:

- ◆ **отношения к успеху/неуспеху.** Оно у юношей и девушек разное (на уровне асимптотической значимости $p=0,052$). Объяснить это можно тем, что культурно-историческая среда изначально воспитывает в мальчиках стремление к самореализации, к занятию определенной ниши в социальной иерархии. При этом основная зона самореализации — это социально направленная деятельность. Оказываясь в ситуации болезни, юноша, соответственно, имеет меньше шансов для достижения успешности, его сфера успеха фрустрируется. Девушки же более спокойно переживают ситуации неуспеха, поскольку для них в большей степени важная сфера межличностных отношений в области семейности, партнерских отношений и т.д.
- ◆ **целей и стремлений.** Цели и стремления у юношей и девушек также качественно отличаются (на уровне значимости $p=0,000$). Для юношей важно не потерять свое авторитетное положение в обществе и добиться развития (порой отрицая болезнь или, наоборот, используя ее в качестве вспомогательного радикала). Для девушек же первостепенным является удовлетворение своих семейно-родовых и коммуникативных потребностей в сфере общения, воспитания (будучи в роли матери, жены) и самопрезентации (поддерживая свой имидж, соответствуя представлениям красоты и являясь мудрой личностью).
- ◆ **межличностных контактов.** Выявились разное отношение к межличностным контактам (на уровне двусторонней асимптотической значимости

$p=0,009$). Юноши в большей степени ориентированы в общении на уважение, прямолинейность, понимание и поддержку. Девушки же особое значение придают эмоциональной составляющей, доверию, взаимной заинтересованности, избегая при этом поверхностного контакта.

- ◆ **работы.** Нами было выявлено разное отношение к работе (на уровне значимости $p=0,000$). Юноши видят в работе предмет самореализации, самопрезентации, движения по социальной лестнице и зарабатывания денег, а девушки — возможность самообеспечения.

в группе условно здоровых юношей и девушек

а) по компонентам «**вовлеченность**» («Опросник жизнестойкости» Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой) и «**самотрансценденция**» («Шкала экзистенции» А. Лэнгле и К. Орглера) девушки значимее отличаются от юношей (на уровне двусторонней асимптотической значимости $p=0,011$ и $p=0,041$ для первого и второго компонентов соответственно). Полученные значения характеризуют группу девушек как лиц, эмоционально удовлетворенных своей жизнью, способных понимать, оценивать свое актуальное положение, как лиц, увлеченных своей деятельностью. При этом получены наименее благоприятные показатели по критериям: «**экзистенциальность**» и «**самодистанцирование**», которые в большей степени выражены у юношей (на уровне значимости $p=0,000$). Мы предполагаем, что такая комбинация выраженности показателей свидетельствует о том, что при наличии открытого эмоционального восприятия мира, способностей создавать близкие отношения, при наличии вовлеченности и решимости действовать, девушки больше, чем юноши, ощущают стеснение в осуществлении своей жизни, возможно беззащитность, нехватку внутреннего свободного пространства по отношению к себе.

б) по шкале «**личностная активность**» и общему балу **самоактивации** в методике Одинцовой М.А. и Радчиковой Н.П. «Самоактивация» юноши значимее отличаются от девушек (на уровне асимптотической значимости $p=0,015$ и $p=0,045$ для первого и второго показателя соответственно). Это может быть свидетельством того, что юноши в большей степени склонны к принятию наиболее ценного и значимого для себя в плане жизнедеятельности, в результате чего как личности они в состоянии управлять собой на основе внутреннего потенциала. Ярче проявляется движение к самореализации, что выражается в стремлении учиться, развиваться, открыто воспринимать новое, ощущении направленности своей жизни.

в) по методике «Метод незаконченных предложений» мы получили разницу в шкалах:

- ◆ **отношение к несчастью.** Оно у юношей и девушек разное (на уровне значимости различий $p=0,025$). Девушки чаще допускают вероятность нервно-психических срывов, что является фактором, который позволяет развивать способность смотреть на себя и на ситуацию с некоторой дистанции, не ориентируясь только на самих себя, способность брать на себя свою долю ответственности. Юноши же больше склонны к тому, чтобы воплощать свои собственные, основанные на своих ценностях решения. Они более устойчиво переносят неудачи, стремясь найти рациональные способы решения проблем.
- ◆ **цели и стремления** (на уровне двусторонней асимптотической значимости $p=0,044$) также разные. Девушки чаще ощущают собственное бессилие, неспособность что-то изменить до состояния желаемого. При этом ощущение некоторой неуверенности, неспособности здесь и сейчас совершить изменения своими действиями являются для них побуждающим стимулом к продолжению самореализации. Наряду с этим у юношей в большей степени проявляется способность четко осознавать цели в жизни, чувствовать продолжающееся развитие своего потенциала, имеется открытость новому опыту, ощущение и осознание своих потребностей.
- ◆ **отношение к будущему** (оно также различается на уровне значимости $p=0,028$). Юноши больше, чем девушки выражают стремление к успешной

самореализации своей личности как в жизни, так и в деятельности. При этом юноши, как правило, ориентированы на построение жизненных планов, а девушки, обращаясь в будущее, имеют часто завышенный уровень притязаний.

Заключение

Руководствуясь эвдемонистическим, ценностным, субъектным подходами, мы выявили основные компоненты объективного качества жизни в разных группах: это и экзистенция, и психологическое благополучие, и эмоциональность, и вовлеченность. Данные психологические компоненты пронизывают все уровни объективного благополучия, определяя личностные особенности восприятия и понимания. Качество жизни в той или иной сфере будет складываться не столько благоприятным сочетанием внешних факторов, сколько качеством восприятия происходящего человеком, причем восприятием и пониманием на всех уровнях: на уровне смыслов и соответствия ценностям, реализации своих собственных ценностей, на уровне ощущений, на уровне понимания своих эмоций и их оценки, на уровне способностей самореализации и обучения навыкам, самовыражения, на уровне вовлеченности в деятельность, определяемую субъектом как важную.

Перспективы дальнейших исследований мы связываем с углубленным изучением детерминант объективного качества жизни, с увеличением выборки испытуемых и количества используемых методик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабанов Р.Е. К вопросу о структуре качества жизни лиц с патологией голосового аппарата // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2018. № 2. С. 74–86.
2. Барабанов Р.Е., Фанталова Е.Б. Особенности эмоционально-личностной сферы у лиц с нарушением голоса // Клиническая и специальная психология. 2016. Том 5. № 4. С. 39–49 DOI: 10.17759/cpse.2016050403
3. Леонтьев Д.А. Психологические ресурсы преодоления стрессовых ситуаций: к уточнению базовых конструктов // Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе. Материалы II Международной научно-практической конференции / Под ред. Т.Л. Крюковой, М.В. Саповской, С.А. Хазовой. Кострома, 23–25 сентября 2010. Т. 2. Кострома, 2010. С. 40–42.
4. Одинцова М.А., Радчикова Н.П. Разработка методики самоактивации личности // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 58. С. 12.
5. Чудновский В.Э. Становление личности и проблема смысла жизни. М.; Воронеж, 2008. 768 с.
6. Bowling A. Measuring disease: a review of disease-specific quality of life measurement scales. Buckingham: Philadelphia, 2011. Vol. 43.
7. Diener E. Subjective well-being: the science of happiness, and a proposal for a national index // Amer. Psychol. 2010. Vol. 55.
8. Fairclough L. D. Design and Analysis of Quality of Life Studies in Clinical Trials. — Charman & Hall/CRC. — 2012, p. 164–177.
9. Hajiran H. Toward a quality of life theory: net domestic product of happiness // Social Indicators Research. 2008. Vol. 75.
10. Lyubomirsky S., Sheldon K. M., Schkade D. Pursuing happiness: The architecture of sustainable change // Review of General Psychology. 2005. Vol. 9.
11. Murphy K., Cooney A., Shea E. O., Casey D. Determinants of quality of life for older people living with a disability in the community // Journ. of Advanced Nursing. 2009. Vol. 65 (3).

© Барабанов Родион Евгеньевич (ksp_kpr_14@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АСЕРТИВНОСТЬ И КОНГРУЭНТНОСТЬ — ВАЖНЕЙШИЕ СВОЙСТВА ЗРЕЛОЙ ЛИЧНОСТИ

Вербина Галина Георгиевна

*К.псих.н., доцент, Чувашский государственный
университет имени И. Н. Ульянова
verbina.galia@yandex.ru*

ASSERTIVENESS AND CONGRUENCY AS MAJOR TRAITS OF THE MATURE PERSONALITY

G. Verbina

Summary. The article deals with such concepts as assertiveness and congruence. Both of these concepts are the main properties of a mature personality. The concept of assertiveness by A. Salter, E. Bern is presented, in which assertive behavior is considered as the opposite of such destructive actions as aggressive and manipulative behavior. The concept of "maturity", which is widely described in Gestalt psychology, is revealed. Maturity lies in the fact that the individual is free from external regulation, she is autonomous, and she herself determines the directions and methods of personal growth. A person takes responsibility for his choice and for his existence in this world. The article traces the connection between assertiveness and congruence, which characterizes a mature personality. A mature person is ready for self-disclosure, for self-realization and for self-actualization. The personality traits of an assertive and congruent person are given. Assertive personality — persistent, self-sufficient, self-confident, purposeful, flexible in communication. Congruence is the inner harmony of a person, which is expressed in the unity of words and actions. A mature person is able to be in balance with himself and the world around him, to be himself, to exercise his "I", to realize his needs, inclinations, desires and feelings.

Keywords: maturity, assertiveness, assertive behavior, congruency, personality balance, mature personality.

Аннотация. В статье рассматриваются такие понятия, как асертивность и конгруэнтность. Оба этих понятия являются основными свойствами зрелой личности. Представлена концепция асертивности А. Солтера, Э. Берна, в которой асертивное поведение рассматривается как противоположность таким деструктивным действиям, как агрессивному и манипулятивному поведению. Раскрывается понятие «зрелость», которое широко описано в гештальтпсихологии. Зрелость заключается в том, что личность свободна от внешнего регулирования, она — автономна и сама определяет направления и способы личностного роста. Личность берет ответственность за свой выбор и за свое существование в этом мире. В статье прослеживается связь между асертивностью и конгруэнтностью, характеризующая зрелую личность. Зрелая личность готова к самораскрытию, к самореализации и к самоактуализации. Приводятся личностные черты асертивного и конгруэнтного человека. Асертивная личность — настойчивая, самодостаточная, уверенная в себе, целеустремленная, гибкая в общении. Конгруэнтность — это внутренняя гармония человека, которая выражается в единстве слов и действий. Зрелая личность способна находиться в равновесии с самой собой и окружающим миром, быть самой собой, осуществлять свое «Я», реализовывать свои потребности, склонности, желания и чувства.

Ключевые слова: зрелость, асертивность, асертивное поведение, конгруэнтность, внутренняя гармония, зрелая личность.

«Зрелость» в гештальтпсихологии тесно связана со здоровьем личности. Здоровая личность свободно контактирует с другими, она — аутентична, открыта. Зрелая личность всегда ответственна за совершаемые ею действия, принимает ответственность на себя за свои чувства и за свою жизнь в целом. Зрелая личность готова к самораскрытию, к самореализации и к самоактуализации. Она осознанно идет на «контакт-уход», не используя при этом защитные механизмы: интроекцию, проекцию, конфлуэнцию, прекрасно осознает свою внешнюю и внутреннюю зоны. Зрелая личность готова к саморазвитию, удовлетворяя при этом свои потребности и развивая эмоциональную зрелость без использования манипуляции [1]. Зрелость проявляется тогда, когда личность не испытывает желания постоянно «гнаться» за счастьем, осознавая, что тем самым, она будет ставить себя в ситуации незавершенности. Зрелость заключается в том, что личность свободна от внеш-

него регулирования, она — автономна и сама определяет направления и способы личностного роста. Личность берет ответственность за свой выбор и за свое существование в этом мире. Все сказанное выше выражается в ощущениях и эмоциях личности, которая чувствует себя не как жертва, а как субъект своего личного жизненного опыта, что дает возможность личности осознавать свои состояния и поступки и нести за них ответственность [2]. Развитие личности происходит при использовании большого количества индивидуальных ресурсов, а также преодолевая страх из-за отсутствия поддержки извне, не бояться и уметь рисковать. Если личности удастся достичь зрелости, тогда у нее отпадает необходимость манипулировать другими, чтобы удовлетворить свои потребности и желания. Зрелая личность может обеспечить все стороны своего существования сама в открытом общении. Зрелая личность поддерживает потребность в саморазвитии, в познании способов достижения изменений,

в повышении профессиональной и личностной компетентностей, а также умений и навыков самому совершать необходимые изменения. Зрелость — это когда личность сама принимает ответственность за ход и результаты своего психологического роста.

Ассертивность — основное свойство зрелой личности. Ассертивный человек способен выдвигать и достигать собственных целей в жизни, удовлетворять свои потребности, осуществлять свои желания, притязания и интересы, понимать свои чувства и эмоции и адекватно вести себя в отношении своего окружения. «Ассертивность» включает в себя: 1) субъективную установку на самого себя, т.е. имеет собственные притязания; 2) социальную готовность и имеет способность ее успешно реализовывать, т.е. управляет личностными притязаниями; 3) владеет свободой от социального страха, т.е. не нуждается в поддержке внешнего окружения, способен регистрировать и замечать собственные притязания. Ассертивное поведение — это не значит подавлять агрессивные чувства, но ассертивное поведение дает возможность осуществлять редукцию агрессивного поведения и способствует исчезновению поводов для агрессии. Исследователи данного феномена сформировали четыре основных категории ассертивного поведения: 1) следует уметь корректно требовать; 2) уметь корректно отказывать и критиковать; 3) развивать способность устанавливать контакт; 4) быть аутентичным и открыто обращать внимание на себя, собственные цели и интересы и иногда позволять себе ошибки [3].

В рамках гуманистической психологии в 50–60-е годы 20-го века была создана концепция ассертивности. А. Солтер, Э. Берн и др. внесли свой вклад в формирование данной теории. В теории А. Солтера ассертивное поведение рассматривается как противоположность таким деструктивным действиям, как агрессивному и манипулятивному поведению. А. Солтер подчеркивал, что традиционные механизмы социализации могут формировать уязвимую перед манипуляциями со стороны других людей личность человека. Задача состоит в том, чтобы развить ассертивность как личностную черту, которая предусматривает: человек должен отдавать себе отчет в том, насколько его поведение определяется собственными наклонностями и побуждениями, а насколько является навязанным чужими установками. В трансактном анализе Э. Берн предлагает каждой личности, прежде всего, разобраться в самой себе: осознать, кем и когда прописаны основные линии сценария жизни, а также устраивает ли данный сценарий, а если нет, то в каком направлении следует его откорректировать [4].

Ассертивность — свойство лидирующей личности с определенным темпераментом, характером, группой

крови и стилем поведения. Ассертивная личность — настойчивая, самодостаточная, уверенная в себе, целеустремленная, гибкая в общении. Ассертивный человек выражает свои чувства, мысли, потребности и убеждения открыто, стараясь при этом не ущемлять интересы окружающих. Ассертивное поведение предусматривает не только то, чтобы продемонстрировать окружающим твердость своих убеждений и установок, но и в умении достигать компромисса между разными убеждениями. Ассертивным можно считать человека, который не приспособливается под требования другого человека, не теряет личность, а также не пользуется чужой слабостью. Умение внимательно выслушать человека, понять его точку зрения и его мотивацию — одно из главных правил ассертивного поведения. К основным правилам ассертивного поведения относятся также: эффективное ведение диалога; демонстрация самоуважения и уважение к другим; умение достигать компромисса; умение демонстрировать уверенность и позитивную установку; умение принять ответственность на себя. Можно сказать, что ассертивность держится на балансе.

Другое, не менее важное, свойство зрелой личности — конгруэнтность. Конгруэнтность — это внутренняя гармония человека, которая выражается в единстве слов и действий. Это определенное соответствие информации, передаваемой через вербальные и невербальные сигналы человека. Впервые понятие о конгруэнтности было обосновано американским психологом К. Роджерсом. Клиенто-центрированная психотерапия К. Роджерса исходит из предположения, что личности свойственна самодетерминация, саморегулирование, существование особой инстанции — внутреннего Я [5]. Наиболее остро ощущают нехватку конгруэнтности те люди, у которых происходит постоянное состояние борьбы с самим собой. Для достижения внутренней гармонии необходимо соблюдать равновесие между конгруэнтностью и не конгруэнтностью. Для того чтобы сохранить постоянный баланс, необходимо научиться замечать первые признаки дисбаланса и вовремя восстановить затронутое равновесие. А. Адлер называл познание и обретение самих себя «мужеством несовершенства», т.е. обладать умением мужественно принимать свои неудачи, и тогда человек будет «О-кей» [6].

Для того чтобы развить в себе конгруэнтность следует: быть искренним и честным по отношению не только к самому себе, но и к окружающим и всегда оставаться самим собой. Основными составляющими конгруэнтности являются искренность и честность, так как на подсознательном уровне ложь способна привести к дискомфортному внутреннему состоянию, при котором невозможно соблюдать гармонию между мыслями и действиями.

Выделяют следующие личностные черты характера конгруэнтного человека:

1. Всегда говорит правду, даже если она противоречит его общественному положению.
2. Открытый и у многих вызывает полное доверие к себе.
3. Общительный, со всеми находит общий язык.
4. Порядочный, на него можно положиться.
5. Всегда принимает ответственность за себя и свои действия.
6. Соблюдает социально адекватное поведение.
7. Конгруэнтная личность ценится в любой сфере деятельности.
8. Конгруэнтность — это состояние внутреннего спокойствия, равновесия, которое возникает, когда человек

не притворяется кем-то другим, он тот, кто есть на самом деле.

Таким образом, зрелая личность способна находиться в равновесии с самой собой и окружающим миром, быть самой собой, осуществлять свое «Я», реализовывать свои потребности, склонности, желания и чувства. Все выше сказанное — это путь гармоничной здоровой личности. Человек, который всячески и постоянно препятствует удовлетворению собственных потребностей, не осознает собственные притязания, отказывается от реализации своего «Я», со временем начинает следовать ценностям и установкам, навязанным извне, что, несомненно, приведет к нарушению процесса саморегуляции организма [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вербина Г. Г. Психокоррекция в гештальттерапии. Конспект лекций. Чебоксары, 2008, 100 с.
2. Вербина Г. Г. Саморегуляция в гештальттерапии. Тамбов: Грамота, 2007, № 5 (5). С. 42–44.
3. Карвасарский Б. Д. Психотерапевтическая энциклопедия. СПб, 1999, 743 с.
4. Ахвердова О. А., Суворова А. В., Козлова Э. М. Психотерапия: Учебное пособие. — Ч. 1 — Ставрополь. Изд-во СГУ, 2005, 320 С.
5. Добренков В. И., Кравченко А. И. Фундаментальная социология, том 1–9 и 11, М., 2001.
6. Качкина Л. С. Психолого-педагогические условия формирования социально-психологической компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы. Диссертация. Кемерово, 2012, 335с.
7. Реферат: Технологии гештальттерапии, 2011, 21 с. Сайт: [bestreferat, ru>referat-261986.html](http://bestreferat.ru/referat-261986.html).
8. Ромек В. Г. Понятие уверенности в себе в социальной психологии // Психологический вестник Ростовского государственного университета. Вып.1. Ч. 2. Ростов, 1996. С. 132–146.
9. Сечко А. В. Профессиональное выгорание летного состава ВВС Российской Федерации. Диссертация. М., 2006, 201с.
10. Харин С. С. Искусство психотренинга. Заверши свой гештальт. Минск, издатель В. П. Ильин, 1998, 351 с.

© Вербина Галина Георгиевна (verbina.galia@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова

ПРЕВЕНЦИЯ И ПОСТВЕНЦИЯ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КЛИНИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА

PREVENTION AND POSTPOSITION OF SUICIDAL BEHAVIOR OF ADOLESCENTS IN THE ACTIVITIES OF A CLINICAL PSYCHOLOGIST

Yu. Dorofeeva

Summary. The article is devoted to the problem of prevention and postposition of suicidal behavior of adolescents in the work of a clinical psychologist. The urgency and social significance of the problem of developing and implementing preventive programs for suicidal behavior of adolescents is shown. The content of the anti-suicide prevention program aimed at the prevention and prevention of suicidal behavior among adolescents of suicidal risk groups is set out. The main directions, forms and methods of psychological work with adolescents in this category are described. The results of the experimental verification of the effectiveness of the «Antisucide» program are presented, according to which adolescents under the conditions of this program are experiencing a decrease in the level of readiness for suicidal behavior.

Keywords: suicide, adolescents, prevention, postposition, preventive program.

Дорофеева Юлия Александровна

Аспирант, Российский государственный социальный университет; клинический психолог, гипнолог, специалист-практик в области психологического консультирования, психокоррекции, психотерапии
aagnessa@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме профилактики и поственции суицидального поведения подростков в работе клинического психолога. Показана актуальность и социальная значимость проблемы разработки и реализации профилактических программ суицидального поведения подростков. Изложено содержание профилактической программы «Антисуицид», направленной на профилактику суицидального поведения подростков группы суицидального риска. Описаны основные направления, формы и методы психологической работы с подростками данной категории. Представлены результаты экспериментальной проверки эффективности программы «Антисуицид», согласно которым у подростков в условиях реализации данной программы происходит снижение уровня готовности к суицидальному поведению.

Ключевые слова: суицид, подростки, профилактика, поственция, профилактическая программа.

Превенция и поственция суицидального поведения подростков в деятельности клинического психолога опирается на теоретические представления о сущности суицидального поведения и его особенности в подростковом возрасте. Подростковое суицидальное поведение имеет ряд специфических характеристик: объективную кратковременность и относительную легкость конфликтной ситуации при трагическом ее восприятии, субъективное представление суицида в романтическом свете, демонстративность и театральность, импульсивность акта, непродуманность в выборе метода [2, с. 22]. В поственции подросткового суицида, которая понимается как специализированная психологическая помощь уцелевшим после попыток самоубийства и лицам из их ближайшего окружения, важно учитывать многообразие суицидальных мотивов подростков, к которым относятся протест, месть, призыв, избегание (наказания, страдания), самонаказание, отказ от существования, что делает подростковый суицид сложным явлением в реализации превентивных мероприятий [1].

Распространенность подросткового суицида определяет актуальность и социальную значимость проблемы разработки и реализации профилактических программ суицидального поведения подростков. Объектом исследования является суицидальное поведение лиц подросткового возраста. Предметом исследования — процесс формирования суицидального поведения лиц подросткового возраста. Цель исследования — на основе изучения мотивов и причин суицидального поведения в подростковом возрасте, разработать, реализовать и экспериментально обосновать эффективность психопрофилактической программы суицидального поведения подростков. В ходе исследования была выдвинута гипотеза, согласно которой в условиях реализации специально разработанной программы, направленной на профилактику суицида и повышение жизнеспособности подростков, происходит снижение уровня готовности к суициду. Исследование было проведено на базе Государственного Бюджетного Учреждения Центра Содействия Семейному Воспитанию «Алые паруса» по г. Москве. В ходе исследования было опрошено 105

Таблица 1. Динамика готовности к суицидальному поведению подростков в ходе реализации программы

Показатели готовности подростков к суицидальному поведению	Среднее значение в КГ	Среднее значение в ЭГ до эксперимента	Среднее значение в ЭГ после эксперимента	U-критерий Манна-Уитни, между КГ и ЭГ после эксперимента	T-критерий Вилкоксона, между ЭГ до и после эксперимента
Тревожность	9,000	9,125	7,667	359,0	120***
Фрустрация	10,391	10,042	7,833	415,5**	210***
Агрессия	10,478	10,458	8,042	433,5***	231***
Ригидность	9,391	10,833	7,958	370,5*	253***
Демонстративность	3,965	3,900	3,850	297,0	3
Аффективность	4,113	4,125	3,942	305,5	10
Уникальность	4,435	4,350	4,350	287,5	0
Несостоятельность	4,957	5,125	4,500	334,5	45**
Социальный пессимизм	3,478	3,583	3,458	283,5	6
Слом культурных барьеров	3,400	3,546	3,354	276,0	3
Максимализм	3,617	3,733	3,200	307,5	10*
Временная перспектива	4,257	4,217	4,079	305,5	6
Антисуицидальный фактор	3,200	3,200	2,933	298,0	3

Примечание: * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$

подростков в возрасте от 12 до 18 лет, которые, по критерию включенности в заявленную в исследовании программу «Антисуицид», сформировали экспериментальную и контрольную группы.

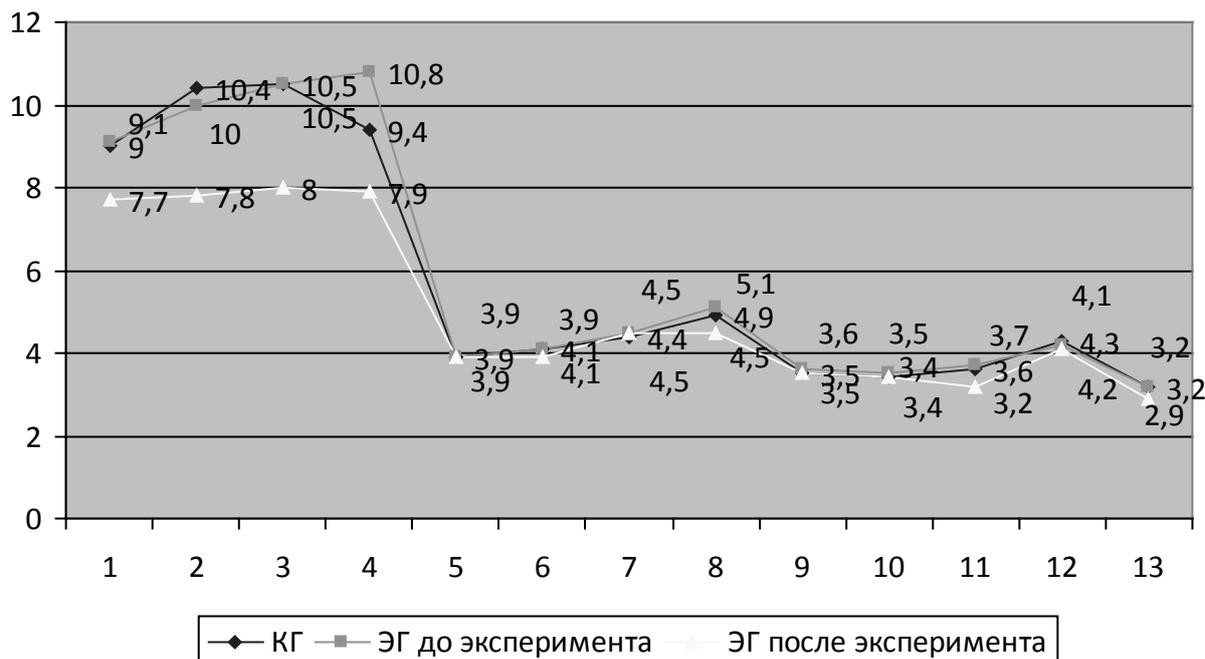
Целью программы «Антисуицид», является обеспечение системного, комплексного процесса, направленного на профилактику суицидального поведения подростков. Для реализации поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

1. выявление подростков, склонных к суицидальному поведению, с помощью психологических методик;
2. выявление причин суицидального поведения подростков «группы риска»;
3. изучение особенностей социально-психолого-педагогического статуса каждого подростка с целью своевременной профилактики и эффективного решения проблем, возникающих в психическом состоянии, общении, развитии и обучении, в период трудной жизненной ситуации;
4. проведение индивидуальной и групповой психокоррекции суицидального поведения подростков, направленной на формирование социально одобряемых норм и ценностей; на формирование позитивного образа Я, уникальности и неповторимости не только собственной личности, но и других людей; на обучение способам регуляции эмоциональных состояний.

Содержание программы «Антисуицид» включает следующие направления:

1. Коррекционно-развивающее направление, включающее: содействие преодолению трудных периодов в жизни подростков; формирование социально-поведенческих навыков; реализация специальных психолого-педагогических программ сопровождение подростков, входящих в группу особого психологического внимания: «Учимся ценить жизнь!», «Здоровый образ жизни!», «Избавимся от страхов и тревоги», «Победим свои фобии», «Помоги себе сам», «Каждый друг другу психотерапевт» и др. Формы работы: тренинговая работа с подростками; индивидуальные и групповые коррекционные занятия.
2. Профилактическое направление, включающее формирование ценности жизни и здоровья; ориентирование подростков на здоровый образ жизни; пропаганду общечеловеческих ценностей и толерантности; формирование и развитие коммуникативных навыков. Формы реализации: лекции, семинары, тренинги для подростков; индивидуальные беседы с подростками, педагогами, родителями;
3. Просветительское направление, обеспечивающее повышение уровня психологических знаний и психологической культуры подростков. Формы реализации: лекции; дискуссионные клубы.

С целью проверки эффективности программы «Антисуицид» были определены следующие методики исследования: опросник суицидального риска в модификации Т.Н. Разуваевой, опросник Г. Айзенка «Самооценка психических состояний личности», адаптированный к подрост-

Показатели: 1. Тревожность. 2. Фрустрация. 3. Агрессия. 4. Ригидность. 5. Демонстративность. 6. Аффективность. 7. Уникальность. 8. Несостоятельность. 9. Социальный пессимизм. 10. Слом культурных барьеров 11. Максимализм. 12. Временная перспектива. 13. Антисуицидальный фактор.

Рис. 1. Динамика готовности к суицидальному поведению подростков в ходе реализации программы

ковому возрасту, проективная методика «Незаконченные предложения», разработанная совместно с Е. А. Петровой и М.Ю. Отиско. В качестве статистических методов исследования применялись описательная статистика, U-критерий Манна-Уитни, t-критерий Вилкоксона.

Анализ результатов исследования динамики готовности к суицидальному поведению у подростков экспериментальной и контрольной групп в ходе реализации заявленной в исследовании программы представлены в таблице 1, на рисунке 1.

До проведения заявленной в исследовании профилактической программы в экспериментальной и контрольной группах подростков статистически значимых различий по показателям готовности к суицидальному поведению не выявлено.

После реализации профилактической программы «Антисуицид» в экспериментальной группе подростков выявлено статистически значимое снижение уровня тревожности с 9,125, до 7,667 ($T=120, p<0,001$), фрустрации с 10,042 до 7,833 ($T=210, p<0,001$), агрессии с 10,458 до 8,042 ($U=231, p<0,001$) и ригидности с 5,125 до 4,5 ($T=45, p<0,01$). Полученные результаты подтверждают, что после реализации программы «Антисуицид», у под-

ростков экспериментальной группы снизились пороги интенсивности переживания и возникновения тревожности; степень агрессивного поведения, что нашло свое выражение в снижении тенденций нападать, наносить вред, демонстрировать превосходство в силе; снизилась ригидность поведения, проявляющаяся в неизменности убеждений и взглядов, а так же повысилась степень устойчивости к неудачам и субъективно воспринимаемым трудностям. Так же отмечено статистически значимое снижение уровня максимализма с 3,733 до 3,2 ($T=10, p<0,05$), что демонстрирует снижение уровня инфантильного максимализма ценностных установок, обуславливающих конфликтность ценностно-смысловой сферы личности подростков и фиксацию на неудачах. После реализации программы «Антисуицид» у подростков экспериментальной группы произошло статистически значимое снижение уровня несостоятельности, отражающее отрицательную концепцию собственной личности, субъективное представление о своей незначительности, ненужности с 5,125 до 4,5 ($T=45, p<0,01$), что демонстрирует предпосылки к стабилизации Я-концепции подростков.

Сравнительный анализ готовности к суицидальному поведению у подростков экспериментальной группы и у подростков контрольной группы после эксперимента показало следующие результаты. Подростки

экспериментальной группы, в отличие от подростков контрольной группы, продемонстрировали низкий уровень фрустрации ($U=415,5$, $p<0,01$), агрессии ($U=433,5$, $p<0,001$) и ригидности ($U=370,5$, $p<0,05$). Результаты исследования показали более высокую степень устойчивости к неудачам и жизненным трудностям, более высокую степень спокойствия и выдержанности в ситуациях конфликтного межличностного взаимодействия, низкую степень неизменности поведения и убеждений у подростков экспериментальной группы после экспериментального воздействия.

Таким образом, полученные результаты и выводы свидетельствуют об эффективности заявленной профилактической программы «Антисуицид» и подтверждают выдвинутую в исследовании гипотезу. На основе полученных выводов можно рекомендовать данную профилактическую программу для клинических психологов, педагогов и психологов общеобразовательных школ, школ-интернатов, колледжей и центров содействия семейного воспитания, что, по нашему мнению, позволит снизить риск суицидального поведения подростков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амбрумова А.Г. К вопросу о саморазрушающем поведении подростков. / А.Г. Амбрумова, Е.Г. Трейнина // Саморазрушающее поведение у подростков. — Л., 1991. — С. 29–36.
2. Рухлова И.А. Профилактика суицидального поведения у подростков с психическими расстройствами: диссерт... кандидата медицинских наук / И.А. Рухлова. — Санкт-Петербург, 2016. — 185 с.

© Дорофеева Юлия Александровна (aagnessa@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный социальный университет

ВОСПИТАНИЕ МАТЕРИНСТВА — ЗАЛОГ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ СТРАНЫ

EDUCATION OF MATERNITY IS A MORTGAGE OF SKILLED POLITICS OF COUNTRY

**Ya. Neumayer
M. Pavlenko**

Summary. Material of practical specialists-workers was collected from position of great number of psychological consultations of young parents, teenagers and children of preschool age. Society already cannot move questions aside in space of future time. With it is necessary to understand "now and today". Every state strongly by the folk potential that is begin not with education, and from quality of educator — from a woman-mother. Quality of economy — in the hands of quality shots, and bringing up shots is necessary from babyhood. Exactly it is today necessary to teach girls 12–18 to ability to be a mother, to teach to sense of domestic life, as exactly to bring up children them in the early stages of development of psyche and factors contributing to the formation of man, to teach them successful socialization and highly sought by society.

Keywords: domestic pedagogics, social infantile, fundamental bases of teaching, socialization of young people.

Ноймайер Яна Александровна

Директор, ООО «Институт Практической
Психологии» г. Калининград
Janamail@mail.ru

Павленко Мария Михайловна

Аспирант, ООО «Институт практической
психологии» г. Калининград

Аннотация. Это материал специалистов-практиков, который сложился с позиции множества психологических консультаций молодых родителей, подростков и детей дошкольного возраста. Это вопросы, которые обществу уже нельзя отодвигать в пространство будущего времени. С этим необходимо разбираться «сейчас и сегодня». Каждое государство сильно своим народным потенциалом, который начинается не с воспитания, а с качества воспитателя — с женщины-матери. Качество экономики — в руках качественных кадров, а воспитывать кадры надо с раннего детства. Именно сегодня надо обучать девочек 12–18 лет умению быть матерью, обучать смыслу семейной жизни, поскольку именно им воспитывать детей в ранних стадиях развития психики и человекообразующих факторов, обучать их успешной социализации и востребованности обществом.

Ключевые слова: семейная педагогика, социальная инфантилизация, фундаментальные основы научения, социализация молодежи.

Практика психологического консультирования показывает, что в современном обществе произошел перекос потенциалов: стремительно движется технический прогресс и отстаёт чувственно-эмоциональное и коммуникативное развитие человека. Проблемы людей, обращающихся к психоаналитикам, показывают тревожные нотки регресса чувственных проявлений, эмоциональных состояний, коммуникаций. И, слабое включение этих динамик психики ярко показывает молодежь, ушедшая в виртуальные миры интернета.

А если посмотреть на этот вопрос со стороны кадрового потенциала экономики, то к ее поддержанию и наполнению кадрами приходят люди с травмированными психологическими состояниями, ограниченными коммуникациями, часто, с социальной инфантильностью. Исходя из наблюдений исторических периодов развития государств, семья всегда была опорой и поддержкой, а каждая страна сильна своим человеческим потенциалом. Разрушенные семьи, семьи с матерями одиночками, также травмированные своим одиночеством и шатким экономическим положением — это уже не шутки для будущей опоры государства во взгляде на качественный человеческий потенциал.

Поэтому, рассматривать надежду на качественный потенциал человеческого потенциала следует не только с позиции государства, но и с позиции причины этого явления — с воспитания, которое начинается даже не с семьи, а еще раньше — с воспитания материнства в девочках. Это довольно обширная тема, но которая полноценно раскрывает дуальные соотношения качественного человеческого потенциала страны и семейного воспитания. И эту дуальность уже нельзя рассматривать отдельно одну от другой. Попробуем осветить пространство, соединяющее две реальности — индивидуальность и личность. Как причину индивидуальности следует рассматривать материнство, и как следствие социально-общественной организации производства — кадровый потенциал экономики.

Человек, это не только личность социально-общественных отношений и кадровый потенциал. Это еще и индивидуальность, которая не повторима и неизменна, и, которая может только подстраиваться под требования внешнего мира, но ее врожденные потенции все равно будут просматриваться между проявлениями личности, и в профессии, и в социальных отношениях. И эти потенциалы надо уметь облагородить так, чтобы

человек чувствовал себя нужным и был важным в социально-профессиональной сфере. На сегодня, молодежь дезориентирована в своей нужности и востребованности. А поскольку все эти вопросы начинаются с рождения и воспитания, следует заглянуть в самую первую причину — в материнство.

Сложнейший на сегодня вопрос качественного становления материнства следует рассматривать также с двух дуальных позиций: с личностно-индивидуальной и социально-общественной. Это два полюса, которые оба, должны быть очень прочными к формированию граждан страны, коль уж страна хочет быть «сильна своим народом». Проблему современного подрастающего поколения следует рассматривать также с двух позиций: как причины — семейного воспитания, и как следствия — востребованность обществом и профессиональным миром экономики.

Для современного мира уже давно не секрет, что жизнь человека начинается с момента зачатия. А качество развития его психики после рождения — залог его успешности в социальном мире. На сегодняшний день, когда остро встают вопросы качественного материнства и социально-коммуникативной инфантилизации детей и подростков, особо остро стоят две проблемы раннего развития детей, отодвинутые обществом в тень стремительно развивающейся технократизации: возраст научения и семейная педагогика.

Проблема научения в сенситивном возрасте, возрасте формирования психики ребенка дошкольного возраста, и качественный статус матери, остаются в самобытном состоянии. В самом продуктивном возрасте человекообразования, возрасте сенситивного развития психики, ребенок находится в семье и под влиянием родителей. Однако, редкие родители понимают, что это период развития ребенка, когда в полную силу должна быть включена грамотная семейная педагогика, чтобы избежать не только подростковых проблем, но и проблем социализации выросшего ребенка. Сначала должны быть включены, раскрыты и социализированы основные человекообразующие динамики психики в семье в сенситивном возрасте, и только потом включается педагогика дошкольная (детские садики), школьная (подготовка к профессиональному обучению) и социально-коммуникативная (выход на профессиональную деятельность). И, ответственной за самую основную педагогику — семейную, пока остается женщина-мать. А вот подготовка матерей в роли воспитателя и создателя прочной психологической стойкости детей, оставляет желать лучшего.

Современные дети имеют потенциально более совершенный тип сознания и психической организации

в области современных технологий, но за счет этого у них снижены чувственно-эмоциональные и душевные характеристики. И, у кого-то современный мир гаджетов губит их врожденные дарования, у кого-то, наоборот, делает прерогативными свойствами их психики от включения гаджетов в их жизнь с раннего детства. Однако, снижает чувственные и коммуникативные динамики. Отсюда перед родителями встает следующая важная и актуальная проблема: научиться воспитывать и развивать ребенка в мире компьютеров, не потеряв в нем человеческие свойства психики. Но, главное, не потеряв их у себя, у тех, кто детей выводит в жизнь, особенно у матерей.

И, начинать заботиться о здоровом психическом развитии своего ребенка надо, даже не с момента рождения, а с обучения девочек умению стать материю. Причем, это должно стать заботой общества и образовательной системы. И, для этого в школу пора ввести уроки практической психологии, и для воспитания материнства, и для развития в молодых девушках почитания девственности и благородности.

Для современных людей прогрессивного типа уже не секрет, что мать, еще с внутриутробного состояния жизни ребенка, уже передает ему свойства своей натуры, своих чувств, смыслов и ориентации в мире. Именно поэтому качественные характеристики матери — залог адекватного развития сенситивных свойств ее ребенка.

Как показывает практика психологического консультирования подростков выпускных классов, с каждым годом у них возрастает растерянность и безразличие к выбору профессии, слабая ориентация на адаптацию в социальном мире, позднее включение самосознания, ответственности за свои поступки, что в общем отразило значительное увеличение социальной инфантилизации молодежи. Они разучились писать, читать, творить. Зато научились «быстро взрослеть» и с этой «взрослостью», создавать временные семьи — гражданские, никого ни к чему не обязывающие, рожать детей в эту «необязательность».

Ни для кого не секрет сегодня, что дети стали значительно агрессивнее, бездушнее, чем 20–30 лет назад и причина этого, в большей степени, в технократизации общества и жизни детей. В том числе и приверженности матерей к гаджетам, блогам, интернет переписке. Ведь каждая минута жизни ребенка сенситивного возраста (от рождения до 4–5-лет) — это сложнейшие периоды стремительного вскрытия и запуска психических свойств нервной системы со всеми ее человекообразующими факторами. Это бесценный опыт, который никогда не забудется ребенком. А если этот опыт «болен» раздражительностью, страхом одиночества потом у что

мама сидела в интернете, предоставив малыша самому себе? А если мамой пропущен момент, когда вскрывалась система творчества ребенка и он останется нетворческим на всю жизнь? Или система дифференциации, логики, общения? Или система коммуникации? А мать это просмотрела, пропустила за очередными разборками в одноклассниках? Или, просто потому, что она не знает механики развития психики возраста научения и дает ребенку не то что нужно в каждый момент его развития. Потом, конечно, такая мама придет к психоаналитику и будет жаловаться на несносное поведение ее трехлетнего ребенка. И искать проблему будет в ком угодно, только не в своей краже драгоценных минут его сенситивного развития. Она не плохая мать, она просто очень необразованная, и, часто, при двух высших образованиях.

Родители, ожидая помощи от государства в воспитании детей забывают, что самые душевные годы жизни, дети проводят в семье. И это их первостепенная задача — быть хорошими учителя и наставниками в моменты организации сенситивных свойств психики ребенка. А с уродливо воспитанными, или сиротливо отодвинутыми, или агрессивно воспитанными душевными свойствами, характер ребенка остается один на один с социальным миром, который постоянно будет его испытывать на прочность. А жесткий подростковый мир может не только «испытать», он может и сломать, и взрастить самых худшие модели вживания в социальный мир, и привести к неисправимым ошибкам.

Получается, что, отведя внимание от семейной педагогики, оставив семейную педагогику «на потом», отпустив на самобытный доморощенный поток, да еще с «хромающим» материнством воспитание детей раннего возраста, общество приняло позицию того, что психологическое здоровье детей — это только «головная боль» родителей. И, если родители воспитают то, что станет их пожизненным мучением, это будет не только результатом их педагогики, это будет качественным потенциалом страны.

И, практика психологов в частном консультировании это ярко показывает: не сформированная благодатно психика ребенка в возрасте научения, становится для родителей вечной проблемой их жизни.

Если проблема семейного воспитания лежит на поверхности «не умения справиться с ребенком уже в его 3–4 года», то проблема социального порядка кроется в виде «отсутствия внимания общества к обучению материнства и в отсутствии организованного курса семейной педагогики».

Каждый родитель радуется за то, чтобы его ребенок был «пристроен» в социальном мире. «Спровадив» ре-

бенка в высшее учебное заведение, родители ждут, что, закончив его, он станет самостоятельным. Как показывает практика — не всегда. Никому на производстве не нужен «недоросль» профессионального плана. Если раньше ВУЗ направлял на практику выпускника и производство прикрепляло выпускника, к мастеру, который его обучал тонкостям профессии, то сегодня этот вопрос полноценно снят с повестки дня. Производству сейчас подай то, что сразу принесет прибыль. Оно не хочет вкладываться в кадры. Тут возникает конфронтация социально-семейного плана. Родители вложились в образование ребенка, а производство не желает вкладываться в его адаптацию в своей среде. Что тогда делают ВУЗы? Сочиняют материал, который никому не нужен. Авторам приходилось по роду своей профессии сталкиваться с выпускниками психологических факультетов очной и заочной подготовки. И те, и другие, без практической подготовки — пустое место на стезе психологии. Они, если и станут «чем-то», то только в том случае, если сами и самостоятельно будут возвращать в себе профессионализм. На это уйдут годы. А теоретически подготовленные ВУЗами «на скорую руку», они могут уйти в любое направление человеческого фактора. В лучшем случае, в специалиста, пишущего отчеты и собирающего тесты в каком-то муниципальном образовании, которые и расшифровать то он не может со своим «профессионализмом». В худшем — они становятся «огордыненными экстрасенсами, астрологами, магами».

Современная система образования направлена на компьютерно-электронное обучение, на снижение до минимума живого общения, на исключение опыта мастера в обучении. И, что самое плачевное — из обучения выведена практика общения не только с живым наставником-практиком, а часто — и с учителем в школе. Учит учитель, а ребенок добывает знания с репетитором. Зачем тогда учитель? Быть «на связи по телефону»?

И, как вообще, в ВУЗе можно подготовить врача или психолога, педагога, при дистанционном или заочном обучении, без формирования практики и наставника рядом? И, не пора ли в подготовку психологов к работе с человеческим фактором вводить интернатуру — как медикам? Особенно, учитывая, что, все процессы обучения в России сейчас строятся по западному образцу: на основе компьютерного подхода и надежды на самообразование. Но, для этого детей и студентов надо научить учиться. Хотя, делать это надо еще в возрасте научения и возрасте импринтов, от 2 до 7 лет.

Не научив своих детей учиться, мы становимся заложниками их проблем в будущем. А современные дети, не «не хотят», они просто не умеют учиться. И школьное образование очень успешно позаботилось об этом, когда детей в первые классы стали принимать уже умею-

щими читать, писать и считать. Общий стандартный путь «обучения учиться», таким образом, был выведен из внимания системы образования и отпущен на стихийный процесс «ходить в школу». Они умеют ходить в школу и институты, умеют получать по три диплома о высшем образовании, но не умеют учиться. Они даже разучились писать и забыли родной русский язык. И эта проблема заложена воспитанием, как семейным, где уже сами родители, попав в 30-ку лет провала образования, просто «ходили в школу и институты», так и современным обществом в целом.

И здесь, и с позиции семьи, и с позиции производственной сферы экономики, встает вопрос — «когда закончится эта скрытая и отметаемая в тень технического прогресса, конфронтация человека и бездумного отношения к человеческим потенциалам страны»? А, впрочем, и к высшему образованию в целом. Налицо разрыв. Разрыв между высшим образованием и потенциальными кадрами в силу того, что отсутствует связующее звено — профессиональная адаптация через мастеров. А если сюда еще добавить звено «отсутствие качественной семейной педагогики», то мы как раз и получаем то, что нам постоянно транслируют СМИ — снижение уровня культуры, стремительно растущую неграмотность в знании русского языка. И коренится все это в проблеме раннего, часто деструктивного, или спонтанного воспитания, которое мы не берем во внимание первоначально.

Мы обрели еще одну проблему «профессиональных кадров с высшим образованием»: неспособность социализации молодежи при наличии диплома, а то и двух-трех о высшем образовании. И, такое обучение было модным, и 25 лет было поголовным. Таким образом, мы полноценно перекрыли рабочие профессии и создали переизбыток лиц с высшим образованием, которые стали никому не нужны. Что ж, «за моду надо платить». Хотя, слово образование идет от слова «образовать», то есть создать форму, представление о чем-то, то у современных «вузовских» выпускников есть только грамота, и без образованных смыслов, понятий, знаний, да еще не связанных в систему «уметь применить». Этот стиль «образованности» приводит родителей к вечной головной боли «куда и как пристроить то, во что они так дорого вложились». А производственная сфера страдает от отсутствия качественного кадрового потенциала. А начинается все с причины — современного материнства, провалившегося в гаджеты, с приклеенным к уху телефоном и пальцами, приросшими к клавиатуре. В обществе уже вошло в привычку — бороться со следствиями вместо того, чтобы смотреть в причину. А основная причина всех бед — уродливо запущенная сенсорная система ребенка возраста научения «яжематерями».

Из стиля материнства «яжемать», вытекает сильный разрыв между живой человеческой чувственностью, человеческой ответственностью и благородностью материнства и семейственности, и социально-техническим стилем жизни современного мира, со всей его техничностью, шаблонными требованиями и «модными моральями пошатнувшейся культуры». В этом, предложенном взрослыми мире, дети не только черствеют Душой, но и мельчают в понятиях и исторических знаниях. Они, практически не обладают человеческими коммуникациями. Они и друг друга, и живой мир понимают на уровне компьютерных игр. Они живут в наушниках, в общении по телефону, в создании семей по интернету. Родители никогда не признаются, что взрослые проблемы их детей, это их пропуски воспитания детей в раннем возрасте. Вот уж воистину вспомнишь мудрую мысль: «Не воспитывайте своих детей, они все равно будут похожи на вас. Воспитывайте себя». А кто воспитал самих родителей, и как? Да также, по привычке, обычаям, искореняющемуся культурному наследию, да по принципу «и раньше жили, все и так само по себе сложится». «Так» уже не получится.

И, чтобы во всем этом разобраться, родителям надо повернуть свое внимание к самым истокам жизни ребенка, а соответственно, и своей родительской истории. И — начать воспитывать себя, хотя бы ради спокойствия своего взрослого возраста, и, уж конечно — своей старости. Однако, сами они к этому не придут. И тут, мы снова упираемся в причину — этому надо научить. А пока, мы восхищаемся «золотыми голосами», впериваемся в «разборки подноготных звездных интриг», переживаем за «последнего героя» вместо того, чтобы заняться своим миром — миром семьи и своей образованностью.

Опираясь на факты жизни, надо отметить: очерствение и растекание социальных коммуникативных форм общения — вопрос не праздный и не наукой запущенный. Он идет от факторно-естественных обстоятельств современного мира, от проблем, высвеченных на консультировании более полутора тысяч человек. Если о проблеме разобщения общества еще не говорят громко, то о превышающих все моральные нормы разводах, уже кричит даже сухая статистика. А за этим феноменом деградации института семьи стоят те самые детишки, которые станут «потенциалом страны». И начинается все с качественного состояния материнства, которое больше всех должно быть ответственно за психическое, семейное и интеллектуальное развитие ребенка. А материнству у нас пока никто направленно не обучает важнейшую половину граждан страны — женщин, да еще со школьной бы скамьи.

С матери-женщины начинается жизнь. Первые годы жизни ребенок только во власти матери, когда он прохо-

дит одну из самых загадочных стадий развития — стадию научения. Научение само по себе является и периодом, и процессом, и возрастом, и сроком вскрытия, развития и адаптации всех психических свойств «гомо сапиенс». Это процесс уложенный в первые 4–5 лет жизни ребенка, когда последовательно, и четко уложенные во времени, генетические программы «гомо сапиенс» вскрываются и адаптируются к социально-коммуникативным навыкам, реакциям и смыслам. Это процесс и период «вскармливания» психоматрицы ребенка, руками и умами старшего поколения.

Процесс научения стоически забыт педагогикой только потому, что протекает он в рамках семейной педагогики, которая в нашей действительности также спонтанна и самобытна, как и сто лет назад. И также остается в тени семейного быта, куда социально-общественный мир практически не заглядывает. Научение учитывается, но только в концептуальных фразах диссертаций и дипломных работ. И то, очень скромно и туманно. А в жизнь и систему образования, в воспитание девочек еще в средней школе мастерству материнства, это пока не проходит. И поэтому, нам пока приходится собирать «с мира по нитке» на лечение детей-инвалидов, болезни которых частично запущены и матерями в пренатальном развитии ребенка и в ее сомнениях «рожать — не рожать».

Этому важнейшему обстоятельству части человеческой жизни пока не уделяет направленного внимания педагогика, психология и медицина. У нас не существует Института Семейной Педагогики. Мы перенимаем чужое, мы даже научились по-западному отнимать детей у родителей, даже не понимая того, что ребенок пришел именно к таким родителям. И не отнимать детей надо, а учить родителей. А вот воспитанием родителей не занимается никто. Хотя, было бы значительно благороднее со стороны образования — не перенимать механистический путь развития и обучения детей по западным технологиям обездушивания, не дублировать инфантилизацию наших детей по их образцу, а запустить курс подготовки к материнству и отцовству еще в школьных программах. Еще до того, как молодая семья надумает «завести» ребенка.

Наблюдающаяся сейчас социальная инфантилизация детей и подростков — это ни что иное, как расфо-

кусировка социального внимания. Это уход от действительности, который требует от общественного сознания перевести взгляд с нефти и долларов на факт того, что «наше будущее в наших детях». И от качества их подготовки к социально-личностной и профессиональной жизни, зависит многое.

К сожалению, общество организовано пока не готово понять проблему, которая прорастает в молодежи. Озвучивать с экранов телевизоров достижения в мелко-локальных областях социальной жизни, выдергивать из общества «золотые крупички» талантов, и оставлять без внимания психологический фундамент общей массы населения, это не есть разумная забота о населении страны. Контрольные срезы образованности нашего населения показали: общество, а это, прежде всего — родители, стремительно теряют грамотность и культуру, и русского языка, и русского наследия. Сейчас, очень редкий человек даже пишет без ошибок. А молодежь вообще скоро забудет русскую орфографию, а вместе с ней и историю. И, как такой «орфограф» может спектрально принять обстоятельство, как может сочинить правильно документ, или научить своего ребенка благодатному и благородному общению, если, по законам динамик мыследеятельности, поведение следует за мыслью? А мысль выстраивается с орфографическими ошибками, а, следовательно, и с нарушенными смыслами?

Здесь речь идет не только о необходимости пристального внимания множества общественно-социальных образований к качественному образованию. Внимание всего социального мира должно быть обращено к первичным истокам всех последующих проблем общества, к самому первому причинному полю всех психо-поведенческих отклонений общества — к женщине-матери. И это, в молодежи сегодня надо воспитывать заново, организовано и последовательно, да еще с ранних лет жизни, чтобы избавить их от механического материнства.

О каком «народном потенциале страны» можно говорить, если обществом ослаблено психологическое, человеческое и душевное внимание к раннему воспитанию детей сенситивного возраста, которые потом станут «социально-профессиональной пригодностью» или не пригодностью в производственно-экономической сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1980.
2. Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988.
3. Винникотт Д. В. Разговор с родителями. М.: «Класс», 1994.
4. Винникотт Д. В. Маленькие дети и их матери. М.: «Класс», 1998.

5. Дьяченко М.И., Кандыбович Л. А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск, 1976.
6. Забродин Ю. М. Введение в общую теорию сенсорной чувствительности (Адаптивные особенности сенсорных процессов в задачах исследования порогов чувствительности) // Психофизические исследования / Под ред. Б. Ф. Ломова, Ю. М. Забродина. М., 1977. С. 31–125.
7. Калайков И. Цивилизация и адаптация. М., 1984.
8. Надирашвили Ш. А. Особенности закономерностей действия установки на различных уровнях психической активности человека // Проблемы социальной психологии. Тбилиси, 1976. С. 237–249.
9. Ноймайер Я.А. учебное пособие по практической психологии «Астропсихология», 2012 г., г. Калининград.
10. Ноймайер Я.А. учебное пособие по практической психологии «Мотивы и следствия зависимостей», 2010 г., г. Москва.
11. Ноймайер Я.А., учебное пособие по практической психологии «Жизнь в тумане иллюзий», 2014 г., г. Калининград.
12. Калайков И. Цивилизация и адаптация. М., 1984.
13. Коваленко Н. П. Психологические особенности и коррекция эмоционального состояния женщины в период беременности и родов. Дисс. канд. психол. Наук. СПб, 1998.
14. Кошелева А.Д., Алексеева А. С. Диагностика и коррекция материнского отношения. М.: НИИ Семьи, 1997
15. Лебединский В.В. и др. Эмоциональные нарушения в детском возрасте. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.
16. Мещерякова С. Ю. Психологическая готовность к материнству. // Вопросы психологии, 2000, № 5, с. 18–27.
17. Филиппова Г. Г. Материнство и основные аспекты его исследования в психологии // Вопросы психологии, 2001, № 2, с. 22–37.
18. Филиппова Г. Г. Образ мира и мотивационные основы материнства // Проблемы изучения и развития личности дошкольника. — Пермь, 1995, с. 31–36.
19. Филиппова Г. Г. Психология материнства и ранний онтогенез. — М.: Жизнь и мысль, 1999.
20. Филиппова Г. Г. Психология материнства: Учебное пособие. — М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002.
21. Филиппова Г. Г. Развитие материнского поведения в онтогенезе. // Психология сегодня. Ежегодник Рос.психол.об-ва, т. 2, вып.3, М.,1996, с. 133

© Ноймайер Яна Александровна (Janamail@mail.ru), Павленко Мария Михайловна.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Калининград

ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МУЗЫКАЛЬНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ В ПСИХОКОРРЕКЦИИ И ПРОФИЛАКТИКЕ СТРЕССОВОГО СОСТОЯНИЯ (НА ПРИМЕРЕ МЕТОДА «ПОЮЩИХ ЧАШ»)

Огуй Виктор Олегович

Независимый исследователь (Нижний Новгород)

DoktorNN@yandex.ru

**BASIC METHODOLOGICAL ASPECTS
OF MUSICAL PSYCHOTHERAPY
IN PSYCHO-CORRECTION
AND PREVENTION OF STRESS
CONDITION (ON THE EXAMPLE
OF THE «SINGING BOWLS» METHOD)**

V. Ogui

Summary. The article focuses on the problems of escalating the importance of musical psychotherapy methods in improving the level of human health. The article proposed a methodological solution for the prevention and correction of stress states based on the «singing bowls» method. The author pays attention to the conceptual essence of the method, its fundamental nature within the framework of ancient traditions, strengthened by modern scientific research.

Keywords: music psychotherapy, the method of «singing bowls», health, prevention of stress, modern concepts.

Аннотация. В статье актуализируется проблематика эскалации значимости методов музыкальной психотерапии в области совершенствования уровня здоровья человека. В статье предложено методологическое решение профилактики и коррекции стрессовых состояний на основе метода «поющих чаш». Автор уделяет внимание концептуальной сущности метода, его фундаментальности в рамках древних традиций, усиленной современными научными изысканиями.

Ключевые слова: музыкальная психотерапия, метод «поющих чаш», здоровье, профилактика стрессового состояния, современные концепции.

Исцеляющее воздействие музыки известно с древнейших времен. Этой возможности музыкального воздействия с целью гармонизации пространства было уделено особое внимание еще в философско-психологических изысканиях Пифагора. основополагающее Вселенское значение музыки было обосновано им [Пифагором] в учении о музыке сфер, которое, с точки зрения философа, подтверждало гармоническое строение Вселенной, выраженное в музыкальных звуках. Этот закон гармонически выстроенных интервалов Пифагор переложил и на все природные явления, подчеркнув тем самым глубокую взаимосвязь всего сущего во Вселенной, в том числе природы человека и музыки.

«Гармония сфер» или «музыка сфер» — два понятия, связанные с именем Пифагора, представляют собой фундаментальную методологическую основу современного философско-мировоззренческого подхода в психотерапевтической области. Эти понятия (с греческого *harmonía* — гармония; *sphaíra* — шар), отражающие музыкальное звучание планетных сфер в контексте гео-

центрических представлений, были положены в основу метода «поющих чаш», что может быть рассмотрено как прототип или элемент прототипа музыкально-математического устройства Космоса и Человека как отражения сущности устройства Космоса или микрокосмоса [4; 7].

«Поющая чаша» как своеобразный прародич совершенного музыкального инструмента, представляющая собой прототип структурно-компонентного элемента планетарного устройства — *sphaíra* — обеспечивает гармоничное звукоизвлечение, которое представляет в музыкальной психотерапии процесс так называемого поиска «целбных» составов звуков, их согласования, способного увеличивать человеческий потенциал в различных сферах жизнедеятельности (в том числе и профессиональной), а также преодолевать стрессовые воздействия извне [1; 11; 15].

Этот эффект в свое время был отмечен экономистом К. Блюхером, который в своей книге «Труд и ритм» обратил свое внимание на то, что еще с древнейших вре-

мен труд, основанный на мерном ритме сопровождающей музыки, действует активизирующе на человека, побуждает его тщательнее относиться к делу, возобновляя в нем энергию и инициативу [2].

В смысле экономического фактора музыкальный ритм оказал огромное влияние на историю цивилизации. Даже во время работ, носящих первобытный характер, в современное время машин хороший работник старается сделать свою работу ритмичной и мерной. Даже в том случае, когда человек работает совсем один, он активизируется от мерных звуков своего инструмента, безразлично, будет ли это шум при вязании спицами или безмолвное движение орудия. Как то, так и другое является вполне достаточным, чтобы сделать работу «живой», нормальной функцией человеческой жизни. Еще большее значение это приобретает в том случае, когда речь идет о коллективе, когда много людей объединяются для выполнения общей работы, и их инструменты производят «музыку», «мерно отбивающий такт». В этом случае все работники участвуют в «общем труде; их мускулы сами напрягаются сообразно ритму работы» [6, с. 132].

Такая способность к пониманию космологического значения гармонии звуков и формированию «целебных» мелодий, стала иметь значимую психотерапевтическую роль.

В настоящее время музыкально-терапевтическое воздействие «поющих чаш» широко представлено в научной, психологической, медицинской и эзотерической литературе. Свое научное обоснование влияние этого метода связывают с исследованиями П. Эфенбегера, предварившего понимание загадки «поющих чаш». С исследованиями П. Эфенбегера обоснование музыкально-терапевтической методики использования «поющих чаш» приобрело две основные тенденции:

- ◆ музыкальная терапия, осуществляемая посредством мелодического звучания «поющих чаш», для достижения положительного терапевтического эффекта в рамках которой чаши подбираются по нотам; данная тенденция основана на компетенции практикующего, который «соотносит» звучание чаш с чакрами пациента;
- ◆ музыкальная терапия, осуществляемая посредством измерения и использования планетарных частот звучания «поющих чаш».

Эти концептуальные методологические аспекты были раскрыты в работах Ганса Кусто и в настоящее время положены в основу функционирования энергетических центров человека, которые вводятся в резонанс соответствующих тонов планет и настраиваются на частоты универсально энергии Вселенной с помощью звучания чаш [1; 13].

В работе И. Черновой подчеркивается усиление авторитетно-научного подхода к использованию метода «поющих чаш» и их целительных свойств [1; 12].

Также указывается, что на современном этапе музыкальной психотерапии методом «поющих чаш» используется около 40 частот, которые благоприятно реализуются в музыкальной терапии за счет различных размеров и богатства обертоновой насыщенности чаш. Помимо синхронизации энергии в энергетических центрах человека, «поющие чаши» обладают достаточно высоким потенциалом синхронизации биоритмов мозговой активности человека, физиологических циклов функционирования физического тела и пр. [12].

Трансформация звука (в условиях музыкотерапии) в организме человека рассмотрена белорусскими учеными в контексте меридианной диагностики, в которой анализируется специфика соотношения жизненно важных органов человека, пяти первоэлементов и музыкального звучания инструментов (в том числе и «поющих чаш» [5].

Очень популярным исследованием в рамках музыкальной психотерапии является исследование достижения эффекта катарсисной разрядки, который сочетает в себе аспекты традиционного психоанализа и подбора музыкального сочетания звуков, вызывающих необходимые переживания. Начало данному направлению было положено шведским ученым А. Pontvik, выдвинувшем концепцию психорезонанса посредством воздействия музыкальной гармонии. Результаты этих исследований, показавшие достижение эффекта облегчения психического состояния пациента на современном этапе развития музыкальной психотерапии, стали использоваться в предотвращении стрессового воздействия у лиц, систематически испытывающих профессиональные стрессы [12].

Эффективное воздействие музыкальной терапии на положительную первичную социализацию недоношенных детей, подвергшихся воздействию стресса, раскрыто в трудах Е.Л. Думова, М. Nöcker-Ribaupierre, А.С. Иовой и др. [3].

Состоянию развития основ музыкальной психотерапии в современном Китае в рамках реализации интегративных моделей в психолого-терапевтическом сопровождении лиц, страдающих гиперактивностью посвящены работы Фань Ин [10; 11].

В рамках диагностики и лечения китайскими учеными обоснован подход применения музыкальной терапии при проявлении синдромов недостатка или переизбытка энергии определенных стихий, вызывающих отклонения в состоянии здоровья человека, а также признается

эскалационное воздействие методов музыкальной психотерапии в гармонизации и балансе энергии как пути предотвращения стресса (в качестве одного из главных методов традиционного лечения в Китае).

В этой связи неортодоксальные подходы к сохранению здоровья (в частности музыкальная психотерапия методом «поющих чаш») во многих зарубежных странах, а также и в России имеют огромную популярность именно как реновационные оздоровительные изыскания, имеющие глубокие древние традиции.

В ряде стран (США, Англия, и др.) музыкотерапевтическое воздействие широко применяется в сфере клинической подготовки. Это говорит о фундаментальном образовательном подходе к профессиональной деятельности специалистов по направлению «Музыкальный терапевт» (Barbara L. Wheel, Carol L. Shultis, Donna W. Polen. *Clinical Training Guide for the Student Music Therapist*. Перевод с английского, 2010; Kathleen Humphries. *Healing*

Sound — Contemporary Methods for Tibetan Singing Bowls, 2010) [14; 15; 16].

За все время существования человечества психотерапевтические размышления о музыке и ее влиянии на окружающий мир в целом и человека, в частности, отразили самые различные ее грани: от формулы гармонии природы до проявления объединяющего воздействия на человеческую деятельность, от воспитания чувств и нравов до проявления целительных свойств и специфической животворящей силы, представляющей собой феномен специфической гармонии и порядка, присутствие которых содержит и приводит в движение жизнь, а отсутствие которых порождает дисгармонию и хаос. Достаточно отметить явление, когда под гармоничную музыку кристаллы воды структурируются и, замерзая, превращаются в красивые узоры. Звучание же, к примеру, рок-музыки или какофонических звуков порождает отсутствие гармоничных структур и образование «безобразных» форм [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ananta [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://moynepal.com/category/planet/>
2. Бюхер, К. Работа и ритм. Роль музыки в синхронизации усилий участников трудового процесса / К. Бюхер. — Либроком, 2011. — 344 с.
3. Думов, Е. Л. Музыкотерапия недоношенных новорождённых детей: успехи и перспективы / Е. Л. Думов, М. Nöcker-Ribaupierre, Н. В. Андрущенко, А. С. Иова // *Вестник Северо-Западного государственного медицинского университета им. И. И. Мечникова*. — 2015. — № 7. — С. 76–83.
4. Заплатаина, О. А. Осмысление сущности человека как объекта философского и биосоциального знания в контексте интегративной антропологии [Электронный ресурс] / О. А. Заплатаина, Д. М. Азаматов // *Современные проблемы науки и образования*. — 2014. — № 6. — Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15415>
5. Оленская, Т. Л. История и современные тенденции музыкотерапии / Т. Л. Оленская, А. А. Марченко, Л. Л. Шебеко, А. В. Врагов, Е. А. Марченко // *Здоровье для всех*. — 2015. — № 2. — С. 15–21.
6. Реклю, Ж. Э. Челов. кь и земля / Ж. Э. Реклю. — Книгоиздательство П. П. Сойкина. Стремянная, 12. Собств. Домъ, дореволюционное издание. С. 132.
7. Рожкина, Н. Р. Космическая музыка в концепциях Пифагора / Н. Р. Рожкина, А. А. Рымарчук, А. В. Ланденюк // *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*. — 2010. — № 6. — С. 408–409.
8. Стрыгин, А. В. Тайные черты отрицательных эмоций / А. В. Стрыгин. — Москва, 2011. — 20 с.
9. Торопова, А. В. Музыкотерапевтическая методология медико-психологического сопровождения обучения гиперактивных детей / А. В. Торопова, Ин Фань // *Электронный научно-образовательный вестник «Здоровье и образование в XXI веке»*. — 2016. — № 8. — С. 36–40.
10. Фань, Ин. Философские основы и современное состояние музыкотерапии в Китае в контексте проблем воспитания личности / Ин Фань // *Вестник кафедры ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование»*. — 2017. — № 3 (19). — С. 88–101.
11. Фань, Ин. Применение интегративной модели музыкотерапии в психолого-педагогическом сопровождении младших школьников с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью / Ин Фань // *Здоровье и образование в XXI веке*. — 2017. — № 12. — С. 323–326.
12. Чернова, И. Планетарный подход [Электронный ресурс] / И. Чернова. — 2016. — Режим доступа: https://samopoznanie.ru/articles/planetarnyy_podhod/
13. Янкова, Н. Планетарные чаши — чаши, поющие голосами планет [Электронный ресурс] / Н. Янкова. — 2018. — Режим доступа: <http://synergylab.ru/biblioteka-zdorovya/61-zvukovoj-vibratsionnyj-massazh-planetarnymi-tibetskimi-chashami>
14. Barbara, L. *Clinical Training Guide for the Student Music Therapist* / Barbara L. Wheel, Carol L. Shultis, Donna W. Polen Пер. с англ. Гао Тянь: Музыкотерапевтическое руководство клинической подготовки, Пекин, издательство, 2010. — 198 с.
15. Kathleen Humphries. *Healing Sound — Contemporary Methods for Tibetan Singing Bowls* [Internet resource] / Humphries Kathleen. — Loyola Marymount University, 2010. — Access mode: <https://ru.scribd.com/document/272083835/Healing-Sound-Contemporary-Methods-for-Tibetan-Singing-Bowls>
16. Shultis & Wheeler Polen, Donna W. Polen, Carol L. Shultis, Barbara L. Wheeler. *Clinical Training Guide for the Student Music Therapist* (2-nd Edition). — 2017. — p. 277.

ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ НОТАРИУСА

FEATURES CONFLICTOLOGICAL COMPETENCE OF A NOTARY

O. Filippova

Annotation. The article is devoted to the problem of conflictological competence in the professional activity of a notary. It is shown that the professional activity of a notary lawyer is often associated with conflict relations that need to be resolved both from the standpoint of the norms of the existing legislation and from the standpoint of the socio-psychological patterns of the flow of a conflict situation. This implies the possession of knowledge, skills, techniques for resolving and resolving conflict, which forms the basis of the conflictological competence of a notary. The theoretical foundations of the conflict as a socio-psychological phenomenon and its features in notarial practice are disclosed. Communication barriers are described as causes of interpersonal conflicts in the professional interaction of a notary. The stages of an objectively existing interpersonal conflict and ways of resolving it in notarial activities are considered.

Keywords: notary, interpersonal conflict, conflictological competence.

Филиппова Ольга Владимировна

*К.ю.н., доцент, Уральский институт «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», член Российской криминологической ассоциации, Нотариус г. Екатеринбург
ovz24@ya.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме конфликтологической компетентности в профессиональной деятельности нотариуса. Показано, что профессиональная деятельность юриста-нотариуса зачастую связана с конфликтными отношениями, которые необходимо разрешать, как с позиции норм существующего законодательства, так и с позиции социально-психологических закономерностей протекания конфликтной ситуации. Это предполагает владение знаниями, навыками, приемами разрешения и урегулирования конфликта, что составляет основу конфликтологической компетентности нотариуса. Раскрыты теоретические основы конфликта как социально-психологического явления и его особенности в нотариальной практике. Описаны коммуникационные барьеры как причины межличностных конфликтов в профессиональном взаимодействии нотариуса. Рассмотрены стадии объективно существующего межличностного конфликта и способы его разрешения в нотариальной деятельности.

Ключевые слова: нотариус, межличностный конфликт, конфликтологическая компетентность.

Конфликтологическая компетентность юриста-нотариуса в профессиональном взаимодействии является ведущей в обеспечении успешности нотариальной практики. Профессиональная деятельность юриста-нотариуса зачастую связана с конфликтными отношениями, которые необходимо разрешить, с одной стороны, с точки зрения норм существующего законодательства, с другой — знаний социально-психологических закономерностей протекания конфликтной ситуации.

Одной из точек зрения на содержание конфликтологической компетентности специалиста является уровень осведомленности о диапазоне возможных стратегий поведения в конфликте. В данной ситуации конфликтологическая компетентность анализируется через призму теоретических знаний, определяющих стратегию поведения в конфликте в зависимости от ситуации. В отечественной психологической науке основное содержание теории конфликтов составляют следующие категории: понятие и структура конфликта, его динамика, стадии развития, функции и типология. Согласно А.Я. Анцупову, А.И. Шипилову, под «конфликтом понимается наиболее острый способ разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе взаимодействия, заключаю-

щийся в противодействии субъектов конфликта и обычно сопровождающийся негативными эмоциями» [1, с. 8]. Авторы уточнили понятие конфликта: «конфликт — это «наиболее деструктивный способ развития и завершения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия, а также борьба подструктур личности» [2, с. 158].

Наиболее часто встречается в нотариальной практике межличностный конфликт, который может быть определен как «ситуация противостояния участников, воспринимаемого и переживаемого ими как значимая психологическая проблема, требующая своего разрешения и вызывающая активность сторон, направленную на преодоление возникшего противоречия и разрешение ситуации в интересах обеих или одной из сторон» [3, с. 104]. Следует отметить, что определяя межличностный конфликт, В.Н. Куницина подчеркивают, что «по главным целям, осуществляемым в ходе общения, выделяются функциональное, ролевое, деловое, формальное и межличностное конфликтное взаимодействие» [4, с. 13].

По субъектному составу конфликтные ситуации в нотариальной практике возможны между следующими

категориями лиц: нотариус — клиент; клиент — клиент; нотариус — нотариус; администрация нотариальной палаты — нотариус. В профессиональной деятельности нотариуса причиной межличностных конфликтов могут быть коммуникативные барьеры, возникающие в процессе общения с клиентами и с коллегами. Основными коммуникативными барьерами в общении являются:

- ◆ барьеры взаимодействия: мотивационный барьер, этический барьер, барьер стилей общения;
- ◆ барьеры восприятия и понимания: эстетический барьер, разное социальное положение, барьер отрицательных эмоций, состояние здоровья, психологическая защита, барьер установки, барьер двойника;
- ◆ коммуникативные барьеры: некомпетентность, неумение выражать свои мысли, плохая техника речи, неумение слушать, барьер модальностей, барьер характера [7].

Например, для преодоления барьера стиля общения в нотариальном процессе нотариусу и сотрудникам нотариальной конторы необходимо понимать разницу стилей общения. Так, один стиль применим в общении сотрудников между собой и категорически не приемлем в общении с клиентами. Как правило, в процессе общения переплетаются между собой разговорная речь и официально-деловой стиль. Необходимо четкое разграничение этих двух стилей и понимание уместности их использования. Осознание социально-психологических механизмов возникновения данных барьеров позволяет снизить конфликтологическую напряженность в профессиональном взаимодействии нотариуса в профессиональной среде.

Другой точкой зрения на конфликтологическую компетентность является ее понимание как «способность и готовность к осуществлению деятельности по профилактике конфликта, в реальном конфликте как способность и готовность минимизировать деструктивные формы конфликта и перевести их в конструктивное русло, и при необходимости выступить посредником или медиатором в разрешении конфликта» [5, с. 13]. В этом понимании конфликтологическая компетентность нотариуса выступает как его способность и готовность действовать с целью недопущения конфликта или перевода его в конструктивное русло.

Для осмысления способов преодоления конфликтного взаимодействия, необходимо рассмотреть стадии объективно существующего межличностного конфликта: «возникновение объективной конфликтной ситуации; осознание ситуации как конфликтной хотя бы одним из ее участников; конфликтное поведение или взаимодействие, которое представляет собой систему эмоционально окрашенных действий, которые затруд-

няют взаимодействие» [6, с. 178]. Например, на стадии возникновения объективной конфликтной ситуации, когда трудно достигнуть понимания, от нотариуса требуется выработать способы и варианты толерантных ответов при грубом общении клиента или коллеги. Именно в таких ситуациях нотариус должен выступить специалистом в области бесконфликтного общения.

На стадии конфликтного поведения возможны две фазы, которые обозначаются как конструктивная и деструктивная. Когда взаимная неудовлетворенность друг другом, способами решения проблем, продуктивностью совместной деятельности превышает порог и совместная деятельность становится неуправляемой, начинается деструктивная фаза конфликта, которая в свою очередь может быть разбита на две ступени. «Первая ступень характеризуется стремлением зависеть свои возможности и занизить возможности партнера, самоутвердиться за его счет необоснованностью критических замечаний, пренебрежительными репликами, жестами, взглядами. Вторая ступень характеризуется повышенной активностью оппонентов при резком ослаблении самоконтроля, нарушением восприятия и реакций партнера вплоть до полного искажения его слов и жестов. Кроме этого, часто имеет место уход от проблемы, подмена предмета спора и переход на личности, взаимные оскорбления. На этой ступени процесс становится неуправляемым и необратимым. Если третья стадия конфликта, напротив, была конструктивной, то возможна следующая стадия — исход, или разрешение, конфликта. Если все-таки конфликтная ситуация развивается по деструктивному типу, то возможен ряд дисфункциональных последствий» [6, с. 178].

Поэтому для нотариуса необходимы навыки и умения по разрешению, урегулированию конфликта и выхода из него. Урегулирование конфликта отличается от разрешения тем, что «в устранении противоречия между оппонентами принимает участие третья сторона» [1, с. 422]. В нотариальной практике нотариус зачастую выступает такой третьей стороной в урегулировании споров между супругами, наследниками, участниками сделок путем разъяснения им норм права.

Рассмотрим социально-психологические способы разрешения и приемы поведения нотариуса или сотрудника нотариальной конторы в конфликтах с клиентом. В нотариальной практике объектом конфликта, как правило, выступают нотариальные услуги. Предметом конфликта являются разногласия, возникшие в процессе оказания нотариальных услуг. Разрешение конфликтных ситуаций и спорных вопросов следует проводить вне зоны приема граждан. Во-первых, это снизит вероятность театрального поведения как одной, так и другой стороны, во-вторых поможет избежать вмешательства

иных, посторонних лиц. Личная зона комфортного общения человека составляет от 50 до 70 см, нарушать ее не следует. Во время общения необходимо поддерживать контакт глазами в зоне делового взгляда: от середины лба до кончика носа. Важным при разрешении конфликта является факт нахождения решения возникшей проблемы. Но для того, чтобы найти оптимальное для всех сторон конфликта решение, требуется целый ряд факторов и комплекс последовательных действий по устранению разногласий. В большинстве случаев, препятствием для разрешения конфликта выступают психологические барьеры восприятия проблемы сторонами. Выбор стратегии и тактики разрешения конфликта зависит от субъектного состава взаимоотношений. Разрешение конфликтной ситуации является последовательным процессом, включающим в себя несколько

стадий. Необходимо проанализировать ситуацию, затем выбрать способ разрешения конфликта, реализовать выбранный способ и в завершении оценить эффективность собственных действий.

Таким образом, конфликтологическая компетентность нотариуса включает не только многообразные знания о сущности и содержании конфликтов, но и навыки преодоления конфликтной ситуации, навыки конструктивного взаимодействия в конфликте. Формирование конфликтологической компетентности нотариуса происходит непосредственно в практической деятельности, когда нотариус включается в конфликтную ситуацию и может управлять не только своими эмоциями, но и воздействовать на участников конфликта с целью позитивного его разрешения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцупов А.Я., Шипилов А. И. Конфликтология: Учебник для вузов. 6-е изд. — СПб.: Питер, 2016. — 525 с.
2. Анцупов А. Я. Словарь конфликтолога / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. — 2-е изд. — СПб.: Питер, 2006. — 526 с.
3. Гришина Н. В. Психология конфликта. 2-е изд. — СПб.: Питер, 2008. — 544 с.
4. Куницына В. Н. Трудности межличностного общения: диссертация . . . доктора психологических наук: 19.00.05. — Санкт-Петербург, 1991. — 358 с.
5. Немкова А.Б. К вопросу о становлении конфликтологической компетенции старшеклассников в условиях внеклассной деятельности. // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. — 2007. — № 10. — С. 12–18.
6. Почебут Л.Г., Чикер В. А. Организационная социальная психология: Учебное пособие. — СПб.: Речь, 2005. — 198с.
7. Скаженик Е. Н. Практикум по деловому общению: Учебное пособие. — Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2005. — 101 с.

© Филиппова Ольга Владимировна (ovz24@ya.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАМЕРЕНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЛЖИ

THE INTENTIONS
AND CONSEQUENCES OF LYING

A. Shuanshaliyeva

Summary. the article presents an experiment with the results of qualitative analysis of structured interviews with the category of "typical liars" and "rare liars", which determined their personal capabilities by the phenomenon of insincerity. Participants in this study previously wrote a diary of their communication interactions and lies for one week, which allowed them to be assigned to one of two categories: typical or rare liars. Case studies of information, accompanied by aspects of the formulation of the theory, have led to an extensive false classification, which contains not only the object of lies, but also intentions (protection that brings interests).

Keywords: insincerity; case studies; structured interviews; classification of lies.

Шуйншалиева Айнур Нурлановна

Аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
glam-rocker@mail.ru

Аннотация. статье представлен эксперимент с результатами качественно-анализа структурированных интервью с категорией «типичных лжецов» и «редких лжецов», которые обусловили свои личные возможности феноменом неискренности. Участники этого исследования ранее писали дневник своих коммуникативных взаимодействий и лжи в течение одной недели, что позволило назначить их в одну из двух категорий: типичные или редкие лжецы. Тематические исследования информации, сопровождаемые аспектами формулировки теории, привели к обширной живой классификации, которая содержит не только объект лжи, но также и намерения (защита, приносящая интересы).

Ключевые слова: неискренность; тематические исследования; структурированные интервью; классификация лжи.

Борисов Н.Г. считает, что ложь — это явление, которое может провоцировать повседневные действия и учитывать интересы исследователей в целом ряде областей, таких как философия, психология, антропология, теология и социология. Ложь и интрига — это публичное явление и элемент повседневных межличностных отношений. В большинстве этих связей авторы предлагают и ожидают подлинного, правдивого взаимодействия, которое является результатом процессов нравственного развития, погруженных в социальное и культурное окружение. Однако это не всегда возможно, люди могут сами лгать и быть обманутыми другими. Исследования показывают, что люди лгут по-разному в зависимости от их восприятия близости, важности и уровня доверительных отношений. Несущественная ложь редко проявляется в крепких отношениях по сравнению с мимолетными или со знакомыми связями. Тем не менее, первая категория отношений демонстрирует большее количество лжи, которую лжецы считают серьезной. Эффект лжи на восприятие качества, близости и долговечности отношений, связывающих лжеца, различен и, как правило, в большей степени негативно влияет на родственные отношения [1, с. 27–33].

Размышляя над темой намерения лжи, участники думали над вопросом о причинах лжи. Было проверено много причин, по которым люди стремились солгать, и решили разбить их на две более широкие категории: полезная и защитная мотивация. Полезная ложь связана с целью или выгодой, которую лжец хочет достичь, и лучше всего представлена цитатой «мы лжем для

себя, чтобы получить что-то, маленькое или большое», «Защитная мотивация скорее о защите лжеца от неприятных последствий раскрытия правды, и, как говорит один из участников: «иногда вы лжете, чтобы защитить себя», чтобы «скрыть определенные вещи от жизни (...) от ошибок». Более того, респонденты всегда ссылались на примеры как полезной, так и защитной мотивации личности или другого человека. Мы назвали эту тенденцию «целью мотивации лгать» — в частности, один лжет для себя или ради другого человека. Идея цели лжи как одной из основ для различения типов лжи найдена в литературе, но здесь она была получена из естественной тенденции различать самоориентированную и другую ориентацию лжи. Результаты, представленные выше, формируют основу для новой двумерной концептуализации мотивации людей на ложь: 1. полезная — защитная ложь, 2. ориентированная на себя — ориентируемая на других. Комбинация этих двух измерений предлагает более сложную типологию мотивации лжи, которая была охарактеризована в заявлениях участников — эгоистическая, самооборонительная, полезная и защищающая других. Следовательно, эти типы мотивации могут быть использованы при формировании параллельной типологии лжи. Более того, ложь, ориентированная на других, в первую очередь понималась как избегание причинения страданий, а не, например, комплимент. Принимая методическую точку зрения на размышления о выявленных типах мотивации лжи, представляется, что различие между приятными и укрывающими мотивациями в анализируемых данных менее очевидно, чем между эгоистическим и самооборонительными типами.

В следующей части анализа очень полезны эгоистические, самооборонительные и укрывающие типы лжи, в то время как приятная ложь казалась менее полезной в качестве описательной категории. Разрабатывая идею о том, что мешает людям лгать, мы определили четыре основные темы, связанные с негативными последствиями лжи. Это были: штрафы, проблемы в отношениях, бедственное положение лжеца и ожидаемое отсутствие критики за правду. Во-первых, все участники подчеркнули особые наказания, которые не дают людям лгать. Эти наказания являются производными от принципов, рассматриваемых как собственная совесть и / или моральные принципы (внутрипсихологические факторы), а также те, которые рассматриваются как внешние по отношению к человеку, называемые социальными нормами, верой, религией или воспитанием. Во-вторых, участники упомянули негативные последствия для отношений лжецов, которые были определены как потеря доверия, которую очень трудно восстановить, дестабилизация семейных отношений и разрыв связей между ними. В-третьих, участники сосредоточились на чувствах к возможному страданию лжеца, а именно на осознании того, что кто-то может быть обижен ложью. В-четвертых, участники отметили отсутствие критики и негативных последствий для высказывания правды как факторов, которые могут помешать кому-либо лгать. Один из участников ясно дает понять: «если говорить правду без каких-либо последствий или добросовестно (...), то мы будем использовать ложь гораздо реже». Таким образом, мы видим, что как наказание за ложь, так и отсутствие наказания за правду являются факторами, которые считаются важными для воздержания от лжи. Интересно отметить, что идея потери отношений и страданий лжеца были обнаружены только в группе редких лжецов, в то время как отсутствие негативных последствий для правды было упомянуто только членами группы типичных лжецов. Возможно, это тот случай, когда люди, которые лгут чаще, делают это из-за большего страха перед последствиями, вытекающими из правды, чем те, кто лжет реже. К тому же те, кто лжет реже, меньше боятся последствий / наказаний за правду. Возможно, они более сентиментальны к чувствам других людей, и отношения с другими более ценны для них, что мешает им лгать. Можно также предположить, что люди, которые лгут чаще, «наказываются» по-другому за ложь. Они больше боятся «наказания», навязанного извне другими, чем «внутренними» муками совести. Эти предварительные наблюдения могут послужить интересной отправной точкой для будущих исследований. Как правило, при рассмотрении заявлений участников мы можем заметить, что в них явно указаны факторы, сдерживающие людей от лжи, такие как: совесть, моральная система, религия и воспитание. Другими словами, некоторые правила — как внутренние, так и внешние, налагаемые на человека — определяются как регуляторы лживой де-

ятельности. Эти правила могут проявляться как моральная интуиция, которая позволяет большинству из нас на первый взгляд оценивать социальные ситуации и поведение других в категориях добра и зла. Результаты исследований прямо указывают на то, что как социальные нормы, так и ценности, особенно когда они активированы, влияют на моральные решения.

Мы наблюдали, что описания реакций на ложь были очень сложными, и что участники обращали неравное внимание на конкретные проблемы лжи. Не каждый этап был одинаково подчеркнут участниками, и не каждый был упомянут в интервью, но мы можем наблюдать и характеризовать гипотетический процесс: 1. шок и неверие, 2. эмоциональная реакция (появляются отрицательные эмоции, такие как гнев, печаль, сожаление, антипатия, разочарование), 3. когнитивно-поведенческая реакция. Последний этап был в центре внимания участников (очень распространенный), и его можно описать, используя следующие подтемы: а) дистанцирование: состоящее в основном в потере доверия на длительный период или навсегда, «охлаждении» отношений у данного человека и повышенная подозрительность по отношению к лжецу, возникновение отвращения в отношениях между лжецами; б) срыв: возможность полного отказа от отношений и прекращения отношений с лжецом; в) жажда мести: желание отомстить: «ты хочешь наказать кого-то или разорвать отношения или каким-то образом отомстить»; г) словесная борьба: например, ругань, грубые слова; д) социальный остракизм лжеца; е) гнев на себя и / или чувство унижения: «Я злюсь на себя за то, что я думал», — своего рода унижение лжеца, который не чувствует, что стоит говорить правду; «ж) кризис: обнаруженная ложь может стать поворотным моментом в отношениях, ведущим либо к «разрушению отношений».

Следующая группа тем была посвящена факторам, которые могут изменить последствия лжи. Участники обратили внимание на тот факт, что реакция лжеца на обнаружение лжи зависит от типа лжи и ее значения. Как сказал один из участников, «что ложь влияет на важную сферу жизни». Когда ложь не влияет на важную сферу жизни, к ней можно относиться с некоторой снисходительностью, и это вызывает большее подозрение к человеку, говорящему ложь (например, «если кто-то лжет о мелочах, он также может лгать мне о больших вещах; «если кто-то лжет в одной ситуации, мы не можем быть уверены, что он не лгал и в других ситуациях, связанных с другими вещами») [2, с. 20–35].

Обращаясь к типу лжи, эгоистическая ложь может спровоцировать негативную реакцию как в эмоциональной, так и в когнитивно-поведенческой сферах, тогда как формы защитной лжи (самообороны и укрытия)

скорее связаны с правдоподобием позитивной реакции или кризиса (с возможностью исцеления и разрушения отношений). Более того, фактором, который может способствовать возможному положительному влиянию лжи на отношения, является способность понимать, что произошло и почему была сказана ложь. Похоже, это говорит о том, что открытое общение о лжи может участвовать в изменении долгосрочных последствий, порожденных ими [3, с. 42].

Ниже мы подробно расскажем о наиболее значимых методологических проблемах. Во-первых, мы решили диверсифицировать данные (собирая разные мнения людей, чья ложная деятельность различалась по частоте), получая текстовые материалы как из группы редких, так и часто встречающихся лжецов. Это решение предоставило нам богатый материал, основанный на пяти интервью, но мы до сих пор не знаем, полностью ли мы охватили явления, то есть был ли достигнут эффект насыщения. Мы, однако, заметили, что некоторые описания и мнения повторяются в выборке. Тем не менее, каждое интервью содержало изображения уникального опыта и мнений. В то же время ограниченное количество интервью позволило нам тщательно проанализировать все тексты (каждый фрагмент текста был закодирован) и провести углубленный анализ лжи как повседневной жизненной активности с точки зрения участников. Во-вторых, теоретические предложения, которые мы предлагаем, являются гипотетическими: они отражают как данные, так и отношения между определенными темами или подтемами, собранными в текущем исследовательском проекте, и их следует доработать и протестировать. Это связано с третьей проблемой, а имен-

но с типом выборки, который был очевиден. Участники были подвергнуты размышлениям на тему лжи в повседневной жизни до участия в интервью. В некоторых случаях, однако, на интервью могло повлиять защитное отношение, что возможно в случае такой этически вовлеченной темы. Мы не настаиваем на том, чтобы полученные данные каким-либо образом характеризовало людей в целом, но мы твердо верим, что они характеризуют феномен лжи [4, с. 14–23].

Мы уже знаем, что альтруистическая и эгоистическая ложь отличаются тем, как они связаны с процессами саморегуляции. Было бы интересно проверить, влияет ли защитный и полезный аспект лжи на его связь с процессами саморегуляции. Будущие исследования могут также сосредоточиться на характеристике когнитивных и эмоциональных аспектов использования разных типов лжи. Это, в свою очередь, также может быть важно в области обнаружения лжи. Реакций на ложь могут быть дополнительно рассмотрены исследованиями межличностных отношений, которые могут оказаться очень интересным количественным подходом к последствиям лжи [5, с. 78].

Подводя итог, статья представляет интересную информацию о намерениях и последствиях лжи. Хотя это понимание было получено с точки зрения инсайдера, оно было разработано путем ссылки на современные теории лжи. Мы предлагаем расширение типологии лжи, которая может послужить основанием для дальнейших качественных и количественных исследований по этому вопросу, и подчеркиваем богатство психологического контекста мотивации лжи наряду с процессуальным представлением о реакции на обнаружение лжи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов Н. Г. Ложь в близких и случайных отношениях / Н. Г. Борисов // Стихия науки. — 2018. — Т. 1. — № 3. — С. 27–33.
2. Владова Л. Р., Гусманова Е. С. Когда ложь раскрыта: эмоциональные и реляционные результаты обнаруженного обмана / Л. Р. Владова, Е. С. Гусманова // Молодежь и наука. — 2016. — № 2 — С. 20–35
3. Жаркова Т. В. Индивидуальные различия лжи в повседневной жизни // Вопр. философии. — 2017. — № 4. — С. 42.
4. Милененко А. Д. Развитие исследований фокус-групп: политика, теория и практика. // Вопросы психологии. — 2018. — № 3. — С. 14–23.
5. Фридрих Р. М. Практика лжи // Социальные и личные отношения: Материалы IX междунар. конф. — М., 2017. — С. 78

© Шуйншалиева Айнура Нурлановна (glam-rocker@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВАКФ ДЛЯ СОЦИАЛЬНО НЕЗАЩИЩЁННЫХ ЧЛЕНОВ ОБЩЕСТВА В ИСТОРИИ ИСЛАМА И СТЕПЕНЬ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В НАШЕ ВРЕМЯ

Абдеррахман бен Мааммар Сенуси

*Доктор исламских наук, доцент, Алжирский Государственный университет, г. Алжир, Алжирская Народная Демократическая Республика
aassanou@gmail.com*

WAQF FOR THE WEAKEST MEMBERS OF SOCIETY IN THE HISTORY OF ISLAM AND THE DEGREE OF ITS USE IN OUR TIME

Abderrahman bin Maammar Senusi

Summary. The Waqf in Islam, along with the public and private sectors, is the third sector in the public system and is in partnership. At various historical stages of development, Muslims demonstrated the status of Waqf from the practical side, namely, they donated money and private property for the development of the public good. At the same time, Waqf played a huge role for socially vulnerable members of society and vulnerable groups, such as the sick, the disabled and the very poor. It is for these sectors of society that waqfs have been created in Islamic society in the form of: hospitals and health care homes; social institutions that provide food for the poor, the poor and the needy and provide the necessary level of knowledge to orphans and children from poor families who can not afford other more qualified and expensive education for their children.

This article considers the possibility of using the experience of Waqf in Islamic history in the development of charitable activities in the field of health and social security. In particular, the relevance of this study is explained by the fact that the modern state bears a significant burden of social security and public services. At the same time, we note that the transfer of the entire range of medical and social services to private hands will generate monopolization and greed.

Keywords: Waqf, disadvantaged members of society, charities, the Islamic community, the burden of social security.

Аннотация. Вақф в исламе, наряду с государственным и частным секторами, представляет собой третий сектор в государственной системе и является их партнёром во всех направлениях развития. На различных исторических этапах развития мусульманами был продемонстрирован статус вакфа с практической стороны, а именно, жертвовались денежные средства и частная собственность на развитие общественного блага. При этом вакф играл огромную роль для социально незащищённых членов общества и уязвимых групп, таких как больные, инвалиды и очень бедные. Именно для таких слоев общества в исламском обществе создавались вакфы в виде: больниц и домов медицинского ухода; социальных учреждений, позволяющих обеспечивать едой бедных, нищих и нуждающихся и предоставить необходимый уровень знаний сиротам и детям из бедных семей, не могущих позволить для своих детей иное более квалифицированное и дорогостоящее образование.

Данная статья рассматривает возможность использования опыта вакфа в исламской истории в рамках развития благотворительной деятельности в области здравоохранения и социального обеспечения. В частности, актуальность данного исследования объясняется тем, что современное государство несёт на себе значительное бремя социального обеспечения и общественных услуг. При этом мы отмечаем, что передача всего комплекса медицинских и социальных услуг в частные руки породит монополизацию и жажду наживы.

Ключевые слова: вакф, социально незащищённые члены общества, благотворительные нужды, исламские сообщества, бремя социального обеспечения.

Введение

Вакф в исламе имеет важное значение и является не только одним из разделов исламского права в сфере имущественных взаимоотношений, но и независимым сектором, равным по важности и серьёзности публичному сектору, представленному государством, и частному сектору, представленному производственным и коммерческим сферами и сферой услуг. Также вакф сочетает в себе, с одной стороны, мировоззренческий аспект, представленный поклонением Всевышнему и стремлением приближения к Нему, а с другой — экономический, культурный, социальный и иные аспекты развития.

Исторический опыт применения вакфов среди мусульман позволил разработать механизмы и средства, позволяющие вакфам достигать цели Всевышнего в Его установлениях. Кроме того, значительное влияние на развитие деятельности вакфа и расширение сферы его использования оказали исламские правоведы.

Что касается основной проблемы данного исследования, то она заключается в следующем: рассмотреть в исламской истории социальную и экономическую роль институтов вакфа в рамках облегчения страданий слабых слоёв общества; определить степень влияния вакфа на формирование благотворительного сектора на современном этапе общественного развития.

Исследование базируется на ряде основных гипотез:

- ◆ анализ мировоззренческой роли вакфа (в смысле перехода имущества, завещанного в качестве вакфа, из собственности благотворителя в собственность Всевышнего) в сохранении его в различных исторических ролях, которые играли мусульмане;
- ◆ взаимосвязь экономической, социальной и культурной ролей вакфа в рамках эффективного регулирования деятельности руководящего органа вакфа в выполнении им своих надзорных функций;
- ◆ анализ негативных последствий пренебрежения вакфом как важным социальным институтом, помогающим в устранении причин дисбаланса между государственным и частным секторами.

При проведении данного исследования были использованы: описательный метод, метод исторического документирования, а также метод анализа и синтеза.

При написании статьи основное внимание уделялось концептуальным аспектам в рамках освещения следующих вопросов:

Первый: концепция вакфа и её место в исламском законодательстве;

Второй: развитие статуса вакфа и его функций в истории ислама;

Третий: вакф для незащищенных слоев общества в истории ислама;

Четвёртый: актуальность вакфа на современном этапе общественного развития.

Концепция вакфа и её место в ИСЛАМСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Прежде чем приступить к рассмотрению обозначенных нами вопросов, считаем необходимым дать определение понятию «вакф» в исламском законодательстве. Согласно исламскому законодательству, вакф можно охарактеризовать следующим образом:

- ◆ имущество, которое завещано на благотворительные нужды бессрочно или временно,
- ◆ выгода имущество приобретателя вне зависимости от сферы благотворительности и ее публичности,
- ◆ договор или завещание.

Данные характеризующие основания вакфа согласуются с позицией исламских религиозно-правовых школ (*мазхабов*), хотя между ними и существуют небольшие различия в определении субъектов вакфа. Одни выделяют в качестве субъектов вакфа недвижимое имущество, другие — недвижимое и движимое имущество [10, с. 27; 5, с. 223; 14, с. 92; 18, с. 184].

Таким образом, вакф представляет собой действия благотворителя, направленные на передачу имущества

и прав на имущество на нужды благотворительной деятельности, для обеспечения социально-незащищенных слоев общества всем необходимым.

В истории мусульман вакф был одним из важнейших факторов развития исламской цивилизации и одним из важнейших элементов финансовой системы. Это объясняется тем, что концепция государства в исламе реализуется в трёх секторах:

- ◆ государственном секторе, представленном политической властью,
- ◆ частном секторе, представленном владельцами имущества и бизнеса,
- ◆ в социальном, представляющем собой совокупность благотворительных и гражданских организаций.

Концепция государства в государственном секторе реализуется посредством предоставления государственных услуг в области образования, здравоохранения и других сфера жизнедеятельности общества. При этом исламское государство монополизировало данный сектор предоставления государственных слуг, подобно тому как капиталистические страны монополизировали данных сектор в частных руках в связи с желанием получения дохода.

Однако это приводит к изменению самой сути частного сектора — он становится жёстким и безжалостным в силу его одержимости погоней за прибылью, которая является самой важной целью его деятельности.

В философии социалистического строя социальное бремя возложено на государство, что, в конечном итоге, приводит к его недостаточной способности удовлетворять потребности граждан в социальной сфере. Из этого следует важность деятельности благотворительных организаций и вакфов как самостоятельного сектора, снижающего нагрузку на государство и усиливающего контроль над частным сектором в рамках минимизации его стремлений к прибыли и исключительного использования им доходов от монополизации этих услуг [9, с. 19–68].

Вакф в рамках исторического развития исламской государственности считается одним из важнейших факторов всестороннего развития. Большинство культурных достижений в истории ислама были заслугой сектора вакфов и результатом финансовой поддержки, которую в исламском обществе в подавляющем большинстве случаев брали на себя слои общества, обладающих материальным достатком [2, с. 193]. В результате этого осознанного вклада возникло многообразие образовательных и медицинских учреждения, а также социально-досуговых учреждений, в частности, библиотек, астрономических обсерватории, домов социального обеспечения для уязвимых групп населения [16, с. 29–45].

В этой связи мы считаем, что возрождение функции развития вакфа в современных исламских обществах является одним из важнейших приоритетов, которому следует уделить должное внимание в силу социальных, экономических и политических последствий, которые оно влечёт за собой. И в особенности потому, что сектор вакфа вносит значительный вклад в развитие незащищенных слоев общества, что делает его эффективным фактором стабилизации и смягчения экономической ситуации в рамках развития общества.

Важнейшее, на чём основывается легитимность вакфа с точки зрения ислама, это доказательства шариата, которые определили его статус и подчеркнули его значение в этом мире и в Жизни Вечной. Так, в Благородном Коране говорится: **«Кто даст Аллаху прекрасный заем, чтобы Он вернул ему, увеличив многократно? Аллах и воздерживается [от дарения], и щедро дарует, и к Нему будете вы возвращены»** [26, с. 32], где расходование мусульманином своего имущества на нужды общей благотворительности сравнивается с займом Всевышнему Аллаху, которое Он возвратит ему увеличенным многократно, как это присуще Его милости и щедрости.

Также и в Сунне пророк Мухаммад ссылается на роль вакфа и его социальную функцию. В частности Абу Хурайра передал слова Пророка: **«Когда человек умирает, [все] его дела прекращаются за исключением трёх: непрерывной милостыни, знания, которым могут пользоваться [другие люди], или праведного ребёнка, который станет обращаться к Аллаху с мольбами за него»** [13, с. 438]. Также это и слова Пророка адресованные Умару бин аль-Хаттабу: **«Если хочешь, завещавай в качестве вакфа его основу и подавай милостыню [за счёт того, что оно будет тебе приносить]»** [12, с. 217].

Также сподвижник Пророка Джабир бин Абдуллах подтверждает, что все сподвижники, обладавшие материальным достатком, завещали свои имущества на нужды благотворительности: **«Не было ни одного из сподвижников Пророка, обладавших возможностью [оставить вакф], кто не оставил бы вакф, и это их общепризнанное мнение, и каждый из них, кто обладал возможностью оставить вакф, сделал это, и это было хорошо известно и никто не осудил его, и поэтому это является консенсусом»** [18, с. 186].

Таким образом, сам факт того, что мусульманские учёные уделяли большое внимание разъяснению задокументированных исламским правовым наследием правовых норм, связанных с вакфом, являются доказательством осознания мусульманами ценности культурного наследия и его влияния на устойчивость экономического благополучия и непрерывное развитие в различных жизненно важных сферах. Виды этого имущества варьировали в ши-

роких пределах и охватывали такие сферы как образование, поклонение, помощь при различных бедствиях, предоставление крова нуждающимся, питание, здравоохранение, забота о вдовах, о тех, за кем некому было ухаживать или кто нуждался в особом уходе, домашних животных, окружающая среда, инфраструктура и другие [17, с. 46; 27, с. 239].

Вопрос второй вопрос: развитие статуса вакфа и его функций в истории ислама

Юридический статус вакфа в истории исламского государства занимает важное место, сочетая в себе уважение, вытекающее из религиозных мотивов (поскольку вакф считается собственностью Аллаха после того, как его владельцы отказались от него), и правовой статус, который укрепляется посредством судебного надзора в результате передачи собственности.

Как передают исторические источники от заслуживающего доверие рассказчика Ибн Лахи'а, первый кадий (шариатский судья) в Египте официально осуществлял надзор за вакфным имуществом — «вакф Таубы бин Нимра аль-Хадрами» (умер в 738 году) во времена Хишама бин Абдальмалика. В тот период времени вакфные имущества находились в руках их владельцев или их уполномоченных, но Тауба сказал: «Я считаю, что доходы от этих пожертвованных должны идти не иначе как бедным и нищим, и я считаю что мне следует держать их в своих руках, дабы уберечь от растраты и перехода по наследству», и ещё при жизни Таубы управление этим вакфным имуществом достигло огромных размеров [13, с. 390].

Эта процедура считается первым официальным шагом по организации вакфов, судебного надзора за ними и регистрации их в специальном реестре для защиты прав их владельцев с целью сохранения своей собственности, получения ренты и выплаты её тем, для кого вакф был учреждён в соответствии с условиями учредителя вакфа.

На сегодняшний день она остается актуальной, так как судебные органы продолжают осуществлять контроль и надзор за деятельностью вакфов [3, с. 395].

Начиная с момента признания вакфа субъектом права, в отношении которого возможно приобретение права и обязанности, он подчиняется смотрителям, назначенным учредителем вакфа во время его создания. Из того, что вакф приобрёл статус субъекта права, вытекает ряд последствий, важнейшими среди которых являются:

- ◆ индивидуальная материальная ответственность;
- ◆ право обращаться в суд;
- ◆ дееспособность, определяемая документ об учреждении вакфа или действующим законодательством;

- ◆ наличие представителя, выражающий его волю и представляющий его в судебных и исполнительных органах;
- ◆ наличие постоянного независимого месторасположения в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом, означающим, что вакф как субъект права полностью независим [23 с. 187–190].

При этом независимо от того, являлся ли вакф частным или общим, он управлялся тем, кто назначен его учредителем или правителем при отсутствии смотрителей, которые отсутствуют в силу объективных обстоятельств: смерть или лишение права в силу закона.

Вопрос третий: вакф для слабых членов общества в истории ислама

Феномен вакфа с позиции благотворительной деятельности был широко распространён с самых ранних времён ислама, и это продолжалось во времена правления Омейядов и Аббасидов [22, с. 7; 24, с. 979–996]. Исторические источники свидетельствуют о том, что официальные судебные органы контролировали прозрачность благотворительной роли вакфа и его распределения с начала II века хиджры (VIII в. по христианскому летоисчислению).

Также в ходе изучения исторического опыта ислама мы обнаруживаем, что короли, султаны, эмиры и богатые люди выделяли средства на различные нужды уязвимых групп общества: бедных, больных и так далее.

Благотворительная роль вакфа в те времена определялась созданием социальной инфраструктуры: сооружение источников воды и создание вакфных поилок, проведение магистралей для подачи воды из источников в места, используемые для омовений, бань и т.д. [15, с. 161].

Наряду с этим мусульмане достигли большого успеха в строительстве мостов, акведуков и городских стен, основали больницы и дома здравоохранения, а также осветили дороги и улицы в исламских городах [8, с. 47].

Дело не ограничивалось только учреждением вакфа и их расходованием в общественных интересах, но и выходило за эти рамки, пока вакфы не организовали свои дела в административном порядке в форме официальных учреждений и реестров, как упоминалось выше; и в подавляющем большинстве случаев дела вакфов доверялись крупнейшим учёным-богословам и знатокам исламского права [25, с. 353–372].

Можно также отметить, что проблемные сферы, которые были охвачены деятельностью вакфов, сочетали в себе удовлетворение большинства нужд и потребностей

общей массы людей или слабой прослойки населения, и примерами этого являются объявление вакфами колодезцев, посево, некоторых разновидностей продуктов питания, создание сиротских домов, домов по уходу за больными, домов для путников, [вакфных] столовых и больниц. Всё это — общие нужды, кроме того, иногда это касалось только специальных сфер, таких как обучение [7, с. 168]. Распределение дохода от вакфов чаще всего находилось под управлением и контролем высокопоставленных должностных лиц государства. Крупнейшим гарантом выступали те, кто осуществлял судебные и надзорные функции, а также крупные знатоки исламского права. И ничего из этого не могло быть потрачено без их ведома и согласия [11, с. 67–72; 4, с. 86]. Так, Ибн Тагриби Берди упомянул, что кадий Дыяуддин Абу аль-Махасин, известный как «Ибн аль-Хатиб Байт аль-Абар», выполнял функции общей инспекции и надзора за вакфами [19, с. 337].

Вопрос четвёртый: вакф для социально незащищённых членов общества, и наша потребность в нём в наше время

Существует ряд важнейших аспектов, связанных с незащищенными слоями общества, которые были предметом заботы вакфа в истории ислама, и в отношении которых нашим современным обществам все ещё необходимо активизировать свою деятельность. Важнейшими из этих аспектов являются:

- ◆ Учреждение вакфов для поддержки здравоохранения [1, с. 151; 20, с. 88]. Это достигается путём выделения постоянных источников финансирования для создания медицинских центров в отдалённых, неблагополучных и нуждающихся в медицинском обслуживании районах, где центры здоровья объединяли бы в себе врачей по большинству необходимых специальностей, с отделениями радиологии и медицинского анализа для предоставления пациенту большого спектра медицинских услуг в одном месте.
- ◆ Учреждение вакфов для бедных и социально незащищённых слоев общества [20, с. 59; 21, с. 50]. К таким вакфам можно отнести: приюты для сирот; разведённых женщин; одиноких, немощных и пожилых людей; социальные учреждения для подготовки к браку тех, кого не смогли подготовить родные, а также учреждения, обеспечивающие едой и кровом.

Созданные социальные учреждения будут нуждаться в умелом управлении, что, в свою очередь, поможет снизить уровень безработицы в обществе и не потребует высоких профессиональных навыков для их реализации. Более того, подобные вакфы уменьшают нагрузку на бюджет государства, поскольку средства, выделенные на их содержание и развитие, будут расходоваться в других сферах, связанных с развитием, т.к. вакфы в рамках реали-

зации социальных государственных программ будут финансироваться за счет меценатства, тем самым сокращая социальное и финансовое неравенство.

Анализ места и роли вакфа в исламской истории позволяет нам говорить о целесообразности его использования в государственном секторе в рамках благотворительности для поддержания социально незащищённых членов общества. При этом следует принять во внимание тот факт, что это снижает расходы государства на медицинское обслуживание, образование и социальное

развитие, а также уменьшает негативные последствия бедности, плохого состояния здоровья и преступности, в которую иногда оказываются втянуты некоторые бедные и нуждающихся.

Таким образом, мы считаем, что современные страны обязаны рассматривать сектор вакфов в качестве экономического и социального партнёра, поддерживающего роль государства в выполнении им своих обязанностей, о чём свидетельствует опыт вакфа и благотворительного сектора в исламском обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. аль-Джамаль, Ахмад. Даур низам аль-вакф аль-ислями фи-т-танмийати аль-иктисадийа аль-му'асыра. Каир: Дар ас-салям ли-н-нашри ва-т-тыба'а, 2007. 193 с.
2. аль-Джувайни, Абу аль-Ма'али. Гыйас аль-умам фи-т-тайас аз-зулям. — 1-е изд. — аль-Искандарийа: Дар ад-да'ва, б/г. 473 с.
3. аль-Кинди, Абу Умар Мухаммад бин Юсуф аль-Мисри. Китаб аль-вулят ва китаб аль-кудат. Бейрут: аль-Аба аль-йасу'ийн, 1908. 614 с.
4. аль-Макризи, Такыйуддин. аль-Мава'из ва-ль-и'тибар би-зикри аль-хытат ва-ль-асар. Бейрут: Дар аль-кутуб аль-ильмия, 1998. Т. 4, 460 с.
5. аль-Хаттаб, Мухаммад бин Мухаммад бин Абдурахман аль-Малики аль-Магриби. Мавахиб аль-Джалиль фи шарх мухтасар аш-шейх Халиль ва ма'аху мухтасар аш-шейх Халиль. — 1-е изд. Нуакшот: Дар ар-ридван, 2010. Т. 6, 670 с.
6. ан-Насыри, Мухаммад аль-Макки. аль-Ахбас аль-ислямийа фи аль-мамляка аль-магрибийя. Изд. Визарат аль-аукаф ва-ш-шуун аль-ислямийа аль-магрибийя, 1992. 226 с.
7. ан-Насыри, Мухаммад аль-Макки. аль-Истикса ли-ахбар дуали-ль-магриб аль-акса. Дар аль-Байда: Дар аль-китаб, 1997. 240 с.
8. ас-Сабхани, Абдульджаббар. Даур аль-вакф фи-т-танмийати аль-мустадама. // Маджаллат аш-шари'а ва-ль-канун. Джамият аль-йармук, Куллийат аш-шари'а, 2010. — Vol. 44, № 10.
9. ас-Сарахси, Шамсуддин. аль-Мабсут. — 1-е изд. — Бейрут: Дар аль-ма'рифат, 1989. Т. 12, 220 с.
10. ас-Суюты, Джамалюддин Абдурахман. Хусну-ль-муназара фи тарихи мисра ва-ль-кахира. Каир: Дар ихйа аль-кутуб аль-арабийя, 1968. 656 с.
11. Ахмад Ибн Ханбаль. Муснад аль-имам Ахмад бин Ханбаль. — 1-е изд. — Бейрут: Муассасат ар-рисаля, 1997. Т. 8, 528 с.
12. Ахмад Ибн Ханбаль. Муснад аль-имам Ахмад бин Ханбаль. — 1-е изд. — Бейрут: Муассасат ар-рисаля, 1997. Т. 14, 559 с.
13. аш-Ширази, Абу Исхак Ибрахим бин Али бин Юсуф аль-Файрузабади. ат-Танбих фи-ль-фикх аля мазхаб аль-имам аш-Шафии. Каир: Мустафа аль-Баби аль-Хяляби ва аулядуху, 1951. 168 с.
14. Бальмукаддам, Рукайя. Аукаф микнас фи ахди мауляй Исмаиль (1082–1139 х. / 1672–1727 м.). Визарат аль-аукаф ва-ш-шуун аль-ислямийа аль-магрибийя, 1993. 649 с.
15. Engin F. Isin and Alexandre Lefebvre. The Gift of Law. Greek Euergetism and Ottoman Waqf // European Journal of Social Theory. Vol. 8, № 1 P. 5–23.
16. Cizakca, Murat, Awqaf in History and Its Implications for Modern Islamic Economies (November 1, 1998). Islamic Economic Studies, Vol. 6, No. 1, 1998. p. 46.
17. Ибн Кудамат, Муваффакуддин Абу Мухаммад Абдуллах бин Ахмад аль-Макдиси. аль-Мугни. — 3-е изд. — Бейрут: Дар алям аль-кутуб, 1997. Т. 8, 643 с.
18. Ибн Тагри Бирди, Джамалюддин Абу аль-Махасин Юсуф аль-Атабеки. Ан-Нуджум аз-захира фи мулюки мисра ва-ль-кахира. Бейрут: Дар аль-кутуб, б/г. 343 с.
19. Мансур, Салим. аль-Вақф ва дауруху фи-ль-муджтама' аль-ислями аль-му'асыр. — 1-е изд. — Бейрут: Муассасат ар-рисаля, 2004. 289 с.
20. Маскави, Умар. Низам аль-вакф ва ахкамуху аш-шари'ийа ва-ль-канунийа. Димашк: Дар аль-фикр, 2010. 454 с.
21. Махди, Мухаммад Ахмад. Низам аль-вакф фи-т-татбик аль-му'асыр. Дждидда: аль-Банк аль-ислями ли-т-танмийа, 2002. 143 с.
22. Муса, Салими. ат-Таби'а аль-канунийа ли-шахсийат аль-вакф фи-ль-канун аль-джазаир ва-ш-шари'а аль-ислямийа: диссертация на соискание степени доктора права. Университет Алжира-1, факультет права. Аль-Джазаир, 2015–2016. 396 с.
23. Muhammad Tariq Khan, 2015. Historical Role of Islamic Waqf in Poverty Reduction in Muslim Society. // The Pakistan Development Review, Pakistan Institute of Development Economics, vol. 54, № 4, P. 979–996.
24. Mustafa Hameed Hussain. The Administrative Leadership as an Active way to get rid of the distractive and money spoiling // Research and Islamic Studies magazine. 2017. Vol. 50. P. 353–372.
25. Османов, М.-Н. Коран. Перевод с арабского, научное издание. Qom: Sayyed Mojtaba Musavi Lari Foundation of Islamic C. P.W., б/г. 580 с.
26. Taysir Mahjoub Yasin Alfityani, WAQF in Islam and Others a Comparison Study, International Journal of Humanities and Social Science, Vol. 4, No. 10(1); August 2014, p. 239., ISSN2220–8488., Los Angeles, USA.

АПОФАТИЧЕСКОЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА. А.С. ПУШКИН

Дударева Марианна Андреевна

*К.филол.н., Российский университет дружбы народов
marianna.galieva@yandex.ru*

АПОФАТИЧЕСКОЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА. А. С. ПУШКИН

М. Dudareva

Summary. The Article is devoted to the apophatic places of Russian literature. The object of the study is the "Tale of the Golden Cockerel" Pushkin, has long attracted researchers features of the internal plot. Much attention is paid to the history of the issue regarding the folk tradition in the poet's work. The apophatic in literary criticism assumes the researcher's appeal to the inexplicable, inexpressible and is connected with "dark" places in the text. The tale is analyzed from the standpoint of historical poetics. Parallels are drawn with the Russian fairy tale, with Egyptian totemic beliefs. The analysis of the work shows that the poet did not just follow the folk tradition, but entered into a kind of poetic "dialogue-dispute" with it. Apophatic places in the fairy tale are such fragments of the text that can not be explained in terms of a rational approach to the text, logic and these "dark" places require folkloristic commentary.

Keywords: apophatic, literature, Pushkin, folklore, myth.

Аннотация. Статья посвящена апофатическим местам русской словесности. Объектом исследования выступает «Сказка о золотом петушке» А. С. Пушкина, давно привлекавшая исследователей особенностями внутреннего сюжета. Большое внимание уделено истории вопроса относительно фольклорной традиции в творчестве поэта. Апофатическое в литературоведении предполагает обращение исследователя к необъяснимому, невыразимому и связано с «темными» местами в тексте. Сказка анализируется с позиций исторической поэтики. Проводятся параллели с русской сказкой, с египетскими тотемическими верованиями. Анализ произведения показывает, что поэт не просто следовал за фольклорной традицией, а вступал с ней в своеобразный поэтический «диалог-спор». Апофатическими местами в сказке являются такие фрагменты текста, которые нельзя объяснить с точки зрения рационального подхода к тексту, логики и эти «темные» места требуют фольклористического комментария.

Ключевые слова: апофатика, литература, Пушкин, фольклор, миф.

Апофатический метод познания божественного зародился в недрах богословия, мы найдем обоснование ему еще в трудах Дионисия Ареопагита. Но не только в теологии используется это понятие, в последнее время к нему обращаются философы, литературоведы, лингвисты, занимающиеся проблемами языка художественного произведения. Так, В.В. Дудкин разбирает особый язык, невыразимый недоступный, который описывается во «Сне смешного человека» Ф.М. Достоевского [10, с. 86–113]. В.В. Варава в статье «Философская танатология или апофатическая философия» проводит тонкую грань между танатологией и апофатикой [4, с. 112–117], так как оба понятия приближаются к невозможному, то есть объяснению феномена смерти. Однако формы Танатоса мы находим и в разных жанрах фольклора: волшебная сказка с эйдологией «инога царства», поэтика заговоров и заклинаний с мотивом «чудесного ограждения», причет с мотивом «ожившего покойника» и т.д. Лингвисты, анализирующие фольклорный материал, обращают внимание на лексемы следующего типа: неописанный, невообразимый, несказанный, несказанно и т.д. [14, с. 472–476]. Через фольклор и миф можно прояснить многие «темные» места в литературе, так как последняя вобрала в себя силу фольклора и мифа, о чем еще в начале XX века писала О.М. Фрейденберг: «То, что

впоследствии составляет литературные сюжеты и жанры, создается именно в тот период, когда нет еще ни жанров, ни сюжетов. Они складываются из мировоззрения первобытного общества, отлитого в известную мифологическую систему; когда смысл этого мировоззрения исчезает, его структура продолжает функционировать в системе новых осмыслений» [22, с. 118–119]. Через миф и фольклор постигается Имагинативное в культуре [7]. То, что учитывают в своих работах философы, редко принимают во внимание литературоведы, воспринимая фольклор исключительно как комплекс текстов, без дожанровых форм (обряда, ритуала, мифа) и онтологического подтекста. Именно по этим причинам попытаемся в своей статье прокомментировать некоторые «темные» места в известной сказке Пушкина с позиций фольклорной традиции и дожанровых форм.

Проблема фольклоризма А.С. Пушкина достаточно разработана, особенно сложно писать на эту тему после выхода в свет монографий и статей Д.Н. Медриша и В.А. Смирнова. Однако ученые указывают на то, что фольклорная традиция в творчестве поэта исследовалась преимущественно на «внешнем уровне»: «<...> если случаи "открытого" фольклоризма (описание обрядов, фольклорные эпиграфы, явные цитаты) с достаточной

полнотой учтены и рассмотрены пушкинистами, то фольклоризм скрытый, глубинный, когда народные представления проникают в «нейтральные», казалось бы, картины и эпизоды, растворяясь в авторской речи и в результате становясь существенным элементом поэтики, зачастую остается незамеченным» [12, с. 110]. Именно это замечание заставляет нас перечитать в свете фольклорной традиции, ее преломлений, «Сказку о золотом петушке», о которой, с одной стороны, написано много (статьи М. К. Азадовского, В. Непомнящего, Д. Н. Медриша, В. Э. Вацуро), с другой стороны, нет полного прояснения «сюжета» сказки и некоторых ее культурных реалий.

«Сказка о золотом петушке» — одна из сложнейших вещей А. С. Пушкина. За мнимой простотой, за самим жанром, кроется сложность пушкинской творческой лаборатории. С одной стороны, А. А. Ахматова выявила источник пушкинского произведения — «Легенда об арабском астрологе» из сборника В. Ирвинга. Эта мысль в научном пространстве получила развитие в статье К. А. Бойко «Об арабском источнике мотива о золотом петушке в сказке Пушкина». С другой стороны, автор исследования подчеркивает, что недостаточно для понимания сказки *факта выявления* всевозможных источников. Конечно, исходные элементы для исследования уже имеются. В той же статье Бойко путем тщательного анализа вскрывает ещё один источник пушкинского произведения — арабское анонимное сочинение во французском переводе П. Ватье, опосредованно повлиявшее на русский вариант сказки. Однако несмотря на это остается много неясностей: «Старания отыскать в источниках и на картах неведомый египетский топоним оказывались безуспешными. Они и не могли увенчаться успехом, ибо, как потом выяснилось, такого города на берегах Нила не существовало» [3, с. 117] (о земле Борса), кроме того, выявление *архетипического кода* требует особого комментария. Итак, обратимся к сказке Пушкина и *архетипическим структурам* внутри её. Очень сложно отвлечься от ирвинговского текста, но за внешней соблазнительной схожестью кроется глубинное понимание обоих авторов *женской эйдологии в культуре*. Если у Ирвинга дано прямое указание на то, что именно *жрица* создает это чудо-животное, барана и сидящего на нем петуха (скопец, мудрец лишь воплотитель её идеи), если Ирвинг это мог просто позаимствовать из арабского сочинения, на что указывает, по замечанию Бойко, топоним «Борса» (имя великой *жрицы огня* в арабском сочинении и название местности у Ирвинга), то Пушкин, как нам видится, сознательно устанавливает связь между Шамаханской царицей и петушком. В этой связи возникает только один вопрос: Для чего в сказке нужна фигура царя? Просто ли это поэтическая вольность? Думается, ответ кроется не только в сочинении американского писателя, но и в русском фольклоре или даже мировой культурной традиции — *представле-*

ниях о чудесной невесте и тотемических культах, с нею связанных.

Обращаясь к лекции философа начала XX века Е. Н. Трубецкого «Иное царство и его искатели в русской народной сказке», встречаем подробное объяснение одной из главных идей русской сказки, а именно идеи о намеренном и даже необходимом преодолении препятствий героем, *переживании им временной смерти* ради достижения подлинного знания, которое представлено особой *вещью невестой* — речь идёт о женском архетипе Великой Богини [21, с. 37]. Однако к этому необходимо добавить ещё и то, что представления о *женщине-прародительнице связаны с тотемическим культом, с ее животным-тотемом*. Типология культур демонстрирует наличие подобных представлений и деталей, нюансов, с ними связанных: это усвоила и русская сказка, как показали классические работы В. Я. Проппа, Н. В. Новикова [16] (в этом отношении особенно показателен сюжет сказки об Иване — Медвежье ушко [2]), это всегда существовало и в грузинском фольклоре, к которому нередко обращалась русская литература, как показали исследования Е. Б. Вирсаладзе [6, с. 35], это отразилось и в выборе «майского короля и королевы», *тройственной ипостаси Музы* в западной традиции, как показали труды Дж. Фрезера и Р. Грейвса [9, с. 226]. При такой постановке вопроса мысль о петушке, тем более золотом — золотой как признак *горнего мира*, как животном-тотеме — возникает сама собою. Откуда у Пушкина могли быть такие знания? Во-первых, его интерес к египетской культуре, выразившийся позднее в повести «Египетские ночи», чрезвычайно важен в этом отношении.

В египетских космогонических мифах и погребальной обрядности обнаруживается культ в честь Вездесущей богини, которая могла воплощаться *то коровой / быком, то соколом / орлом* [25, с. 103] и переносить в себе культурных героев (животные могли варьироваться — главное реализация *принципа космической модели* тела, крылатого животного-тотема). В Ирвинг мог также сознательно или нет испытать влияние египетской культуры, неслучайно его арабский звездочет прибыл из Египта. Во-вторых, воспринимая творчество Пушкина имманентно, обратимся к строчкам из романа «Евгений Онегин»:

*В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал* [18, с. 142]

На это место уже обратили внимание исследователи. Так, В. А. Смирнов в своей статье с характерным названием «Читал охотно Апулея...» объясняет такое *предпочтение* тем, что именно в «Метаморфозах» Апулея представлен рост культурного героя, приобщение его к *солнечным*

знаниям через травестирирование медведем / ослом (тотем Великой богини, Артемиды), которое привлекало и присутствовало *латентно* в поэтике Пушкина, выразившись и в сюжете сна Татьяны [20, с. 153–154]. Думается, комментарий заслуживает особого внимания (особенно в кругу во многом позитивистских прочтений этого места) и может быть дополнен следующим уточнением — на произведение Апулея повлияла погребальная обрядность, космогонические мифы Древнего Египта. Последнее важно в свете нашей проблемы. Так, немецкий египтолог Jan Assmann, анализируя фрагмент из Апулея¹, пишет о том, что в произведении представлено «ритуальное нисхождение в загробный мир» [24, с. 59], связано это с *солярным тайным знанием* и женским культом. В свете всего изложенного, с определенной долей уверенности, можно говорить об *опосредованном контакте* художественной системы Пушкина с арабской, а через нее египетской архаической традицией (космогонические мифы, погребальная обрядность, тотемические верования). Итак, данный этнографический комментарий может разъяснить, наконец, триаду *царь Дадон — скопец — Шамаханская царица*, в которой золотой петушок не просто «талисман», как об этом пишет Бойко, а *животное-тотем* в честь великой Богини. Осложняется этот комплекс представлений взаимодействием с русской сказочной традицией и, думается, былинной, которая, по замечаниям специалистов (труды Е. М. Мелетинского, В. Я. Проппа [13, с. 16; 17, с. 316]), так же генетически связана с *поглощением тотемным зверем и состязанием* с девой-воительницей. Если в египетской культуре открыто выразилось женское начало, Творящая Богиня [23, с. 64–65], то русская сказка знает «вещую царевну», а былина знает «поляницу удалую» — и в том, и в другом случае герой должен «дорости» до своей избранницы, или сойти в царство мертвых, посетить загробный мир, или вступить в бой с девой-воительницей — во всяком случае, можно говорить об *агоне*, космической борьбе² [22, с. 489]. Очень точны и важны в этом отношении замечания В. Э. Вацууро о «высоком» и «низком» герое волшебной сказки, о том, что «царь не может быть героем сказки именно потому, что воцарение — конечный результат сказочных испытаний <...>» [5, с. 127]. Однако, подчеркнем еще раз, Пушкин «не следует» за фольклором, его фольклоризм не вторичен [8, с. 35–36] — Дадону был подарен золотой петушок «на вырост», но он как герой не состоялся — царь не достоин своего знания. На первый взгляд, это оксюморон, но в свете инициатических действий, *ритуальный орнамент* выстроен Пушкиным верно. Золотой петушок усажен на спицу:

¹ Фрагмент следующий: «Достиг я рубежей смерти, переступил порог Прозерпины и вспять вернулся, пройдя через все стихии; в полночь видел я солнце в сияющем блеске, предстал пред богами подземными и небесными и вблизи поклонился им».

² Замечание О. М. Фрейденберг об агоне, как состязательной сакральной части мистерии, которая разрешает «спор» между героями или самим собой.

*«Посади ты эту птицу, —
Молвил он царю, — на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой* [18, с. 359]

И все было бы хорошо, если бы вдруг не коллизия — на Востоке разворачивается «непонятное» сражение, с поле боя не возвращаются два сына:

*Без шоломов и без лат
Оба мертвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга* [18, с. 361].

В исследованиях, посвященных культу Великой Богини, по исторической мифологии, находим одно важное уточнение — герой всегда сражается на смерть за сакральное знание, которое хочет получить, недостойного ждет смерть. Шатер царицы расположен «промеж гор», на возвышенности, что также указывает на высокую семантику, на *ритуальный характер ситуации*:

*Войско в горы царь приводит
И промеж высоких гор
Видит шелковый шатер* [18, с. 360].

В египетской обрядности также существовало понятие «возвышенного холма», острова / земли космического творения [23, с. 215], в славянской культуре существовал культ красных гор, «девичьих гор»³ [19, с. 298] — устанавливая типологию культур, обнаруживаем взаимосвязь женского архетипа и Axis Mundi. Спица, на которой сидит петушок — своего рода Мировая Ось, а сам петушок — символ, тотем горного мира Шамаханской царицы (ипостась Великой богини). Д. Н. Медриш обращает внимание на то, что как-то «вдруг», без слов исчезает царица [11, с. 114], но исчезает она, стоит отметить, вместе с петушком:

*Петушок спорхнул со спицы,
К колеснице полетел
И царю на темя сел,
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился... и в то же время
С колесницы пал Дадон —
Охнул раз, — и умер он.
А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало* [18, с. 363].

Итак, исчезает и царица, и петушок после смерти Дадона — в этом и есть главный апофатизм сказки Пушкина (царица пропала — выпала из бытия профанных героев). Какой же урок можно вынести из пушкинской сказки?

³ Как отмечает Б. А. Рыбаков: «Девичьи горы» сохранили очень древний, общий всем славянам культ женского божества. Вторым широко распространенным наименованием ритуальных возвышенностей является «Лысая гора».

Просто ли о жадности, хитрости царя, коварности красавицы эта сказка? Конечно, В. Непомнящий, анализируя поэтику пушкинских сказок, отмечает: «Там же, где присутствует чудо, назидание исключается, “мораль” не нужна» [15, с. 43], однако, как показали фундаментальные работы фольклористов, наконец, лекция Е. Н. Трубецкого, русская сказка, фольклор, миф *всегда направлены на культурный рост героя*, преодоление самого себя; в фольклоре человек мыслится в космическом плане.

Сказка разрешает «тайный парадокс», который у всех народов один и тот же: «<...> в противоположности между подлинною, т.е. *магической* мудростью и житейским смыслом: первая представляет собою полное ниспровержение и посрамление последнего» [21, с. 34]. Таким образом, царь — воплощение житейской бытовой правды, а царица — вовсе не лукава и не жестока, как об этом пишут исследователи [1, с. 123], она является некой «проверкой», испытанием на завершающемся жизненном

пути царя, проверкой на *подлинность звания «царя»*, которую герой не проходит. И в этом видится ни столько ориентализм, стилизация под сюжет В. Ирвинга, сколько глубинное выражение фольклорной традиции (возможно мировой), ее трансформация, за которой не просто следует Пушкин, а вступает в *поэтический диалог-спор*.

Фольклористический комментарий к тексту помогает иначе взглянуть на сложившуюся в мировом литературоведении точку зрения относительно главных героев сказки, увидеть в них не просто «добро» и «зло», а проследить за их инициацией, которая ожидает подлинно культурного героя. Кроме того, именно через фольклорную традицию и ее латентные формы в произведении проясняются *апофатические моменты* текста: царица исчезает как-то «вдруг». Именно это слово является ключевым в раскрытии пространственно-временных отношений, так как каждый герой имеет свой топос, пространство царицы — особое сакральное, до которого нужно дорасти Дадону.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин Д.И. К истолкованию образа Шамаханской царицы // Временник Пушкинской комиссии, 1976. Л.: Наука, 1979. С. 123.
2. Бернштам Т.А. Появление на свет. Иван — Медвежье Ушко // Бернштам Т.А. Герой и его женщины: образы предков в мифологии восточных славян. СПб.: МАЭ РАН, 2011.
3. Бойко К.А. Об арабском источнике мотива о золотом петушке в сказке Пушкина // Временник Пушкинской комиссии, 1976. Л.: Наука, 1979. С. 117.
4. Варава В.В. Философская танатология или апофатическая философия? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 2 (145). Вып. 23. С. 112–117.
5. Вацуро В.Э. «Сказка о золотом петушке» (опыт анализа сюжетной семантики) // Пушкин: Исследования и материалы. СПб.: Наука, 1995. Т.XV. С. 127.
6. Вирсаладзе Е.Б. Народные традиции охоты в Грузии // Вирсаладзе Е.Б. Грузинский охотничий миф и поэзия. М.: Наука, 1976. С. 35.
7. Голосовкер Я.Э. Имагинативный абсолют. М.: Академический проект, 2012.
8. Горелов А.А. К истолкованию понятия «фольклоризм литературы» // Русский фольклор. Л.: Наука, 1979. Т. XIX. С. 35–36.
9. Грейвс Р. Тройственная муза // Грейвс Р. Белая Богиня: Историческая грамматика поэтической мифологии. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 226.
10. Дудкин В.В. «Невыразимое» у Данте, Гете и Достоевского // Проблема исторической поэтики. 2012. Вып. 10. С. 86–113.
11. Медриш Д.Н. Прямая речь и ее модификации в пушкинской «антисказке» // Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1980. С. 114.
12. Медриш Д.Н. Народные приметы и поверья в поэтическом мире Пушкина // Московский пушкинист III. Ежегодный сборник. М.: Наследие, 1996. С. 110.
13. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М.: Вост. лит., 2004. С. 16.
14. Михайлова М.Ю. Художественная апофатика русского фольклора // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 2. С. 472–476.
15. Непомнящий В. Заметки о сказках Пушкина // Вопр. лит., 1972. № 3. С. 43.
16. Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука, 1974.
17. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 316.
18. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 5.
19. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Академический Проект, 2013. С. 298.
20. Смирнов В.А. «Читал охотно Апулея...» // Philologos. Елец: ЕГУ им И.А. Бунина, 2009. Т. 1–2. № 5. С. 153–154.
21. Трубецкой Е.Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. М.: Тип. Боровинско-Волдайского Кустарного и Сельско-Хозяйств. Союзного Т-ва., 1922.
22. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности, Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 489.
23. Элфрод А.Ф. Творение // Элфрод А.Ф. Полночное солнце. Смерть и возрождение Бога в Древнем Египте. М.: Вече, 2009. С. 64–65.
24. Assman J. Religion and Philosophy in Ancient Egypt. Yale Egyptological Seminar — New Haven, 1989. p. 59.
25. Betrò M. C. Hieroglyphics: The Writings of Ancient Egypt. New York: Abbeville Press, 1996. p. 103.

МЕТОД СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК В СОВРЕМЕННОМ ПОЗНАНИИ И ПРОБЛЕМА ЕГО ЕДИНСТВА С ОБЩИМ МЕТОДОМ НАУКИ

THE METHOD OF HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES IN CURRENT KNOWLEDGE AND THE PROBLEM OF THIS UNITY WITH GENERAL SCIENCE METHOD

A. Kalmykov

Summary. The paper dwells on issues of specifics and essence of the method of humanities and social sciences, as well as the peculiarities of its unity with the whole scientific method and its differences from the latter. The author suggests the conclusion that the method of humanities and social sciences embraces the peculiarities, methods, approaches and techniques for cognitive activity which in Early Modern Period and Contemporary History, since 17 century, had been considered as nonscientific and pseudoscientific in gnoseology and methodology of scientific cognition and taken out.

Keywords: scientific method, method of humanities and social knowledge, cognitive tool, method of humanities and social sciences, scientific method integrity.

Калмыков Андрей Александрович

*К.ф.н., доцент, Владивостокский филиал Российской таможенной академии
andrej.kalmykov.1962@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы специфики и содержания метода социальных и гуманитарных наук, особенностей его единства с научным методом в целом, и его отличий от последнего. Формулируется по сути вывод о том, что метод социальных и гуманитарных наук вбирает сегодня в своё содержание определённые особенности и стороны приёмов, подходов и способов познавательной деятельности, которые в эпоху Нового и Новейшего времени, начиная с XVII столетия, представлялись ненаучными или квазинаучными в гносеологии и методологии научного познания, и вытеснялись на периферию познавательных средств научной деятельности. Сегодня же на основе достижений и осмыслений современного социогуманитарного познания (эпистемологии и когнитологии) они всё более интенсивно включаются в методологический познавательный арсенал.

Ключевые слова: научный метод, метод социогуманитарного познания, средство познавательной деятельности, метод социальных и гуманитарных наук, единство научного метода, гносеологический субъект, эпистемология, объективность.

Вопросы специфики социально-гуманитарного познания и знания являются предметом активного философского исследования с последней трети XIX — начала XX вв. Это было детерминировано как бурным развитием различных сфер социально-гуманитарного познания, формированием в этот период как новых научных дисциплин (например, социологии в середине XIX в.), так и тем обстоятельством, что стандарты классической рациональности, идеалы научности, отражавшие динамику естественных и точных наук в эпоху Нового времени, были не совсем уместными предметной области и методологическим стратегиям наук о духе. Социально — гуманитарное познание (а «социальное» и «гуманитарное» здесь синонимы в определённом смысле) — одна из форм познавательной деятельности, где в качестве объекта познания выступают общество и человек. Сами же социальные и духовные процессы и явления как объекты познания отличаются от других форм человеческой познавательной и конструктивной деятельности: естествознания с математикой (познания природы и её количественных символических выражений) и технических форм и конструктов, создаваемых человеческой цивилизацией. В нашей статье в данном случае используются термины «социогуманитарное познание» и «социогуманитарные науки» в опреде-

лённом взаимосвязанном смысле (хотя под гуманитарным познанием нередко понимают мотивационно — смысловое, ценностное (с точки зрения духовно — практических ориентиров) и телеологическое (с точки зрения целевых зависимостей) знание и познание. В научной литературе и научных исследованиях обоснованно проводится вывод о том, что специфика гуманитарных наук прежде всего обуславливается выбором исследовательских программ [3, с.11] культурцентристской направленности (с присущей им моделью понимания), где выделение субъектной природы самого объекта исследования, диалектики объективного (присущего научному знанию) и субъективного (присущего самому объекту изучения) носит принципиальный характер [10, с. 18].

В социальных же науках делается упор прежде всего на натуралистическую исследовательскую программу с присущей ей моделью объяснения (при этом модель понимания в этих науках также занимает важное место с присущей ей спецификой гносеологического субъекта). К примеру, выдающийся отечественный психолог XX века Л. С. Выготский подчёркивал, что метод психологии принципиально не отличается и от метода истории, и от метода геологии, физики, филологии.[1, с. 301] Все

это — исследование объективных фактов, а к примеру вопросов по исследуемому сознанию и диалога с документом здесь нет.

Специфике метода социогуманитарных наук сегодня в современной отечественной и мировой философии и методологии науки посвящено огромное количество научных исследований, обсуждений, дискуссий, статей и монографий, особенно за последние несколько прошедших десятилетий. В советский период развития и существования отечественной философии эта проблема исследовалась и обсуждалась в рамках официальной советской философии — диалектического материализма, и его раздела — марксистско-ленинской гносеологии, где мотивационно — смысловые и ценностные факторы в гуманитарном познании не только не отвергались, но и прямо подчёркивались и интерпретировались, но только с точки зрения классовой партийности и принадлежности любого гуманитарного знания, и в этом была главная особенность подобного подхода. Иные подходы, также трактовавшие гуманитарное познание с точки зрения целевых зависимостей, ценностей и мотивационных факторов, но под другими углами зрения, отвергались как «немарксистские» и «буржуазные». Иная трактовка исключалась. Как говорится, линейное мышление и методологическая ожесточённость с позиций определённой идеологии были общими приметами той эпохи.

Если брать другую сторону в развитии и исследованиях мировой гносеологии, то очевидно, что последние полтора столетия в философии и методологии социогуманитарных наук не прекращается критика возможностей того идеала научного метода, который сложился на основе развития естествознания (опытных наук) в изучении социальных, культурных и духовных процессов. Сторонники единства научного метода во всех областях познавательной деятельности утверждают, что проблема уникальности познания в социогуманитарных областях познания не противоречит первому (т.е. их единству). Наука отнюдь не сторонится исследования уникальных социальных и духовных состояний и процессов. Поэтому вопросы об уникальности сложных духовно-социальных явлений необходимо исследовать не в плане их противопоставления научному методу с точки зрения его универсального единства, а в их соотношении с главными наработанными и нарабатываемыми «компонентами» методов познания [9, с. 131]. Такая точка зрения сегодня опять видится наиболее перспективной. В ней не отрицаются достижения философско-методологической мысли за последние полтора столетия, утверждающей уникальность и особенность социально-гуманитарного познания [13–15]. Наоборот, здесь четко проводится линия на синтез философско-методологических достижений и наработок, и тем самым на новых гносеологических (эпистемологических, когнитивистских) основах достигается новое, современное единство науч-

ного метода в разнообразных областях познания. *Новое видение единства научного метода, его разработка сегодня невероятно актуальны.* Совершающаяся на наших глазах сегодня новая научная революция, новый возникающий научно-технологический уклад принципиально меняют наши представления о природной и человеческой реальности (информационная технологическая реальность, реальность наступления эры искусственного интеллекта со всеми его фантастическими перспективами и смертельными опасностями и пр.).

Единство понимаемого философски научного метода возможно только через его бесконечное многообразие в разных областях человеческого познания. Это единство порождается его творцом — целостным человеком познающим. Как отмечается очень многими методологами и исследователями разных областей наук, основы науки, её методы исследований достаточно едины. Об этом заявляют, к примеру, одни из самых известных мировых учёных и исследователей и естествознания и гуманитаристики и социальных наук. «Наука,— писал Макс Планк,— представляет собой внутренне единое целое. Её разделение на отдельные области обусловлено не столько природой вещей, сколько ограниченностью способностей человеческого познания. В действительности существует непрерывная цепь от физики и химии через биологию и антропологию к социальным наукам, цепь, которая ни в одном месте не может быть разорвана, разве лишь по произволу. Большое внутреннее сходство имеют также и методы исследования в отдельных областях науки.» [8, с. 183] Вопросами единства методов познания много занимался Карл Поппер и довольно интересно отмечал следующее: «...если под «сциентизмом» мы будем понимать позицию, в соответствии с которой методы общественных наук в весьма значительной степени те же, что и методы естественных наук, то я буду принужден сознаться в своей преступной приверженности «сциентизму» [7, с. 354]. Анализируя споры по поводу статуса социогуманитарных наук, Х.-Г. Гадамер был категоричен (возможно, слишком категоричен): «Сколько бы Дильтей ни защищал теоретико-познавательную самостоятельность гуманитарных наук, но то, что в современной науке называется методом, повсюду одинаково и лишь проявляется в области естественных наук с наибольшей последовательностью. Не существует никакого собственного метода гуманитарных наук...» [2, с. 48–49].

Сегодня вновь назрела, как было выше подчёркнуто, проблема нового понимания единства *Метода* всех наук (с большой буквы) на основе изучения, осмысления и синтеза всех достижений самых разных современных наук. Специфика же не только естественных, но и, к примеру, гуманитарных наук, достаточно исследована и прояснена за последние полтора столетия развития методологий последних [16–19].

А вот вопросы единства научного метода в исследовании общественно-духовных явлений, к примеру, выявляются через разные подходы к их познанию. Особенно в данном случае характерен пример такой социогуманитарной науки, как конфликтология. Существует двуединая наука и одновременно образовательная дисциплина — конфликтология описательная и математическая, «точная». Последняя основывается на математической теории игр. В частности, есть абстрактная теория игр. В ней разрабатываются идеальные модели конфликтных состояний. Они нередко достаточно несложны и фокусируют наиболее характерные свойства конфликтных ситуаций человеческой реальности.

В так называемой «точной» конфликтологии были сформулированы понятия стратегии игры, её цены, понятия компромиссов и другие. Поэтому метод конфликтологии в целом как бы олицетворяет собой многоразличное единство естественнонаучного и социогуманитарного идеалов научного метода.

Два последних с лишним десятилетия исследования этой научной проблемы в нашем обществе лишены прежних идеологических ограничений. Но пока в основном исследование специфики гуманитарного познания и метода гуманитарных наук в современном отечественном философском познании идёт преимущественно по пути освоения зарубежного познавательного опыта изучения и решения этой проблемы, и тех отечественных исследователей, которые серьёзно занимались ею в XX веке и предложили впечатляющие результаты и идеи (Шпет, Бахтин, Щедровицкий) [20, 21]. Это, думается, необходимый и пока не пройденный, продолжающийся этап, который будет длиться пока неопределённое время. Его конкретным содержанием сегодня является непрекращающийся процесс интерпретации и освоения предыдущих идей и достижений в изучении специфики гуманитарного познания и метода гуманитарных наук, попытки свести их в определённые системы, дать классификации решения этой проблемы, попытаться сформулировать своё видение этих вопросов. Разные отечественные авторы ставят различные вопросы и формулируют или акцентируют различные проблемы различной степени глубины по данной теме. В частности, известный отечественный философ и методолог науки Микешина Л. А. исследует общегносеологические проблемы философии познания и особенно эпистемологии гуманитарного знания. Она предлагает вводить в научный методологический оборот тот познавательный гуманитарно-духовный опыт, который не принимается или отвергается традиционной философией и методологией науки как «паранаучный», вненаучный или просто ненаучный или традиционно считающийся «маргинальным» по разным причинам (к примеру, нерациональным с точки зрения новоевропейской науки или критериев новоевропейской рациональности). В частности, заслужи-

вает интерес её предложение ввести в методологический арсенал социально — гуманитарного познания методологические средства познания, характерные для религиозно — гуманитарного знания и познания. Так, плодотворен её анализ одного из основных методов систематической теологии — *метода корреляции*, «в данном случае понимаемый как объяснение содержания христианской веры «через экзистенциальные вопросы и теологические ответы в их взаимозависимости» [5, с. 505]. Согласно самому религиозному теологу Тиллиху, сам термин «корреляция» может использоваться «в трёх смыслах: как соотносимость различных информационных рядов, например в таблицах; как логическая взаимосвязь противоположных понятий (в бинарных отношениях); наконец, этот термин может обозначать «реальную взаимозависимость вещей или событий в структурных целостностях» [11, с. 655]. Чрезвычайно важно то, что этот метод нацелен на анализ «человеческих ситуаций» с применением терминов экзистенции, таких, как «жизнь», «дух», «душа» и др. Для исследования многообразия феномена «жизнь» Тиллих предлагает к использованию такие методологические термины, как «измерение», «степень», «сфера», «которые не предполагают какую-либо иерархизацию и позволяют видеть амбивалентность и многомерность всех жизненных процессов» [11, с. 65]. Такого рода включение новых познавательных средств в методологию гуманитарных наук вполне адекватно и созвучно пониманию такой фундаментальной онтологической и познавательной категории, характеризующей гуманитаристику, как «экзистенциальный опыт» (опыт существования).

Экзистенциальный опыт — это устойчивый и повторяющийся опыт, но внутренний для сознания человека, как опыт его существования, переживание человеком событий и состояний его жизни в виде личностных ситуаций (опыт ответственности, страха, обязанности и т.п.). При повторении типичных ситуаций возникает устойчивый опыт. Корреляция опытов открывает перспективы построения новых научных теорий в сфере гуманитарного знания. Именно этому способствует метод корреляции, предложенный религиозным западным философом Тиллихом. Проблемой исследования такой фундаментальной познавательной категории, как «экзистенциальный опыт», занимается отечественный исследователь Павлов А. В., в область научных интересов которого входят и вопросы методологии современной гуманитарной науки. Именно в нём как данности он видит объективный критерий гуманитарного познания [6, с.222]. Для более ясного понимания данной фундаментальной категории гуманитарного знания и познания процитируем её характеристику Павловым А. В.: «Внутренний, экзистенциальный опыт представляет собой действительность, непосредственно совпадающую с гуманитарной предметностью. Что касается чувственного опыта, то это больше повод, провоцирующий появление экзистенциального состояния, интенционально

наполненный и интерпретируемый им. Чувственный опыт неоднозначен, его смысл и значение зависят от типа субъективности и от того, как она понимает опыт. Экзистенциальный же опыт, интерпретирующий чувственное переживание, более устойчив, и в конечном счёте он становится предметом рефлексивного наблюдения и анализа.

Проще говоря, экзистенциальный опыт в гуманитарных науках — это любая мысль учёного о неочевидном для других его внутреннем состоянии, если она соответствует культуре познания и учёный способен доказать научному сообществу её правомерность» [6, с. 223]. Для подтверждения или опровержения достоверности экзистенциального опыта, подчёркивает Павлов А. В., важно использовать методы верификации и фальсификации, выдвинутые в своё время Карлом Поппером [6, с. 237]. Если попытаться сжато раскрыть их содержание, не углубляясь в детали, то верификация как метод используется для подтверждения гипотезы или теории путём её независимой опытной проверки или установления её соответствия эмпирически проверенным и общепринятым фундаментальным теориям. А фальсификация осуществляет эту проверку путём непрерывной критики и попытки опровержения теорий. При фальсификации идёт поиск данных, опровергающих ту или иную теорию или гипотезу, но при обнаружении подобных данных последние вовсе не обязательно после этого отвергаются или отбрасываются. Даже наоборот, тем самым более точно обрисовывается сфера применимости последних. Таким образом, понимание и исследование метода гуманитарных наук сегодня отечественными философами и методологами науки необходимо связано с самыми актуальными проблемами современного гуманитарного знания и познания. Их необходимо для понимания излагаемой сути вопроса в данной статье кратко далее очертить.

В гуманитарном познании прежде всего, по мнению Микешиной Л. А. [4, с. 533], вместо частичного гносеологического субъекта «восстанавливается» целостный человек познающий и соответствующая ему целостная философия познания. Традиционная новоевропейская гносеология (основоположниками которой являлись Ф. Бэкон и Р. Декарт) своеобразно преодолевается в виде то отбрасывания её субъектно-объектного противопоставления внутри процесса познавательной деятельности (где субъект с его психологическими и иными характеристиками выводится за пределы самого исследовательского процесса, чтобы не влиять на его характеристики), то вариативного преемства (на первый взгляд в виде тоже указанного отбрасывания). Речь в данном случае идёт о понимании гуманитарного познания не как точной репрезентации (воспроизводстве) изучаемой социальной человеческой реальности в традиционной гносеологии, а как интерпретативного гуманитарного познания, пронизанного ценностно-смысловыми и телеологическими

факторами, составляющими неотъемлемую черту этого познания. В гуманитарное познание встраиваются неклассические альтернативные познавательные (в частности, религиозно-познавательные) практики, которые несколько столетий (начиная с XVII в., когда складывались каноны западноевропейской научности в современном значении) считались маргинальными и ненаучными.

В числе острых проблем гуманитарного познания по-прежнему остаётся проблема понимания объективности гуманитарного познания и знания, его соответствия различным критериям научности и рациональности, которые тоже, как показала практика научной деятельности и её осмысления в XX веке, являются исторически относительными (релятивными). Нерешённой осталась, несмотря на интенсивные попытки, и классическая проблема соотношения эмпирического и теоретического, трансцендентального субъекта в гуманитарном познании. В последнем предпочтении сегодня всё же отдаётся эмпирическому субъекту познания, а не умозрачительному теоретическому субъекту. Эмпирический субъект в полной мере представлен в гуманитарных науках сегодня, впрочем, как всегда и было, хотя от него и пытались избавиться с начала складывания новоевропейской науки. Это вовсе не означает, что такой «очистительный» подход был напрасен. Как раз наоборот — он был исторически неизбежен и плодотворен, но затем, со второй половины XIX в., показал свою историческую ограниченность. Сам объект гуманитарного познания — общество и человек — оказался со временем слишком необычайно сложным и непредставимым в рамках сформировавшейся новоевропейской гносеологии. Отсюда и ожесточенная непрекращающаяся научная полемика со второй половины XIX века о методе гуманитарных наук, его природе и свойствах. Вопрос о методе здесь во многом открытый. От решения проблем гуманитарного познания зависит и решение фундаментальных проблем относительно понимания природы метода гуманитарных наук. Общая же ситуация здесь такова, что «специализированной методологии гуманитарных наук, по своей разработанности, значительности и значимости, сопоставимой с методологией наук естественных, невзирая на несомненные находки — пронизательные мысли и обобщения немногочисленных теоретиков — энтузиастов, до сих пор не сложилось» [4, с.287]. Эта проблема по-прежнему актуальна и очень сложна, чем и объясняется её нерешённость.

К осмыслению метода гуманитарных наук можно подходить с двух сторон: во-первых — *со стороны содержания* и, во-вторых — *со стороны системно-структурных форм*. В современной философии и методологии науки одни философы и методологи науки последних нескольких десятилетий преимущественно исследуют содержание принципиальных и особенных черт и свойств социогуманитарного метода, другие подходят к нему как

системно — структурной целостности. К первым исторически можно причислять Платона, Гуссерля, Бергсона, Леви-Строса, Шюца и др. [22–25]. Дж. Пассмор, рассматривающий метод философии в этом отношении, характеризует последний так: в основе философии всегда присутствует критика, но метод этой критики видоизменяется в зависимости от области исследования и специфики данного типа философского мышления. Поэтому в основе философской критики Платона стоит метод диалектики, у Бергсона — это метод интуиции, у Гуссерля — метод феноменологического описания, у Витгенштейна — метод раскрытия бессмысленности определённых языковых выражений. Философ не имеет метода, характерного для всей философии, но «вправе использовать и использует любой тип критического обсуждения, обещающий прояснить вставшие перед ним проблемы» [12, с. 218]. К представителям данного первого направления можно отнести и ряд отечественных исследователей-методологов нескольких последних десятилетий: Павлова А. В., Розова М. А., Миронова М. М., Касавина И. Т., Семёнова Е. В., Сачкова Ю. В., Лебедева С. А., Лекторского В. А., Федотову В. Г., Яковлеву В. Н. и других отечественных исследователей проблем современного гуманитарного знания и познания [26, 27]. Ко второму — Кохановского В. П., Мостепаненко М. В., данного автора и др. [28]. Есть в условном смысле и «интегративные» исследователи, изучающие данную проблематику в обеих аспектах (Степин В. С., Ильин В. В., Микешина Л. А. и др.) [29–31].

Автор данной статьи исследует вопросы метода науки преимущественно со стороны системно — структурного подхода или, иначе говоря, системно — структурных форм организации и использования многообразных средств научно — познавательной деятельности. В рамках статьи нет возможности подробно изложить вопросы метода науки с данной точки зрения, поэтому ограничимся определением метода гуманитарных наук следующим образом:

Если коротко характеризовать метод гуманитарных наук с формально — структурной стороны, то его можно представить как целостную, органическую систему взаимосвязанных, субординированных познавательных средств — методов, приёмов, правил, принципов, категорий, стиля методологического мышления, присущих и всем этим наукам, и той или иной гуманитарной науке. Метод любой гуманитарной науки понимается здесь в собирательном смысле, потому что какого — то универсального метода с формально — структурной стороны нет, и вряд ли когда может быть (как общей отмычки для всех замков — если постараться провести здесь такую своеобразную аналогию). Конечно, создаётся впечатление, что такое определение метода гуманитарных наук совпадает с определением понятия методологии. Сходство существенное, но акценты разные, а это главное. Методология — это ведь ещё и учение и зна-

ния о познавательных средствах любой науки, а не только их совокупности, а метод той или иной гуманитарной науки в собирательном отношении указывает в целом на то, что представляет собой в общем и целом орудие познавательной деятельности этой науки в данное время, что это орудие связывается в своеобразную системно-структурную целостность. Ведь сам по себе любой отдельный частно-научный или общенаучный метод — это определённая совокупность познавательных приёмов — не более того. Понять метод той или иной гуманитарной науки таким образом — значит не понять ничего. Можно охватить и методологию определённой науки в целом простым перечислением её познавательных средств, но не понять и не раскрыть её как взаимосвязанную исторически развивающуюся системную целостность. Такое предложенное понятие метода конкретной гуманитарной науки с системно — структурной стороны, по возможности, и может являться тем методологическим принципом, который формулирует данное понимание.

В последние два десятилетия перспективы развития науки в плане сближения социально — гуманитарных и естественных наук обнаруживают определённую тенденцию. Эта тенденция имеет определённую выраженность в методологии наук пока в отдельных аспектах познавательной деятельности. В частности, в проникновении познавательных принципов, способов и подходов историзма в естествознание. Особенно это очевидно на примере научной дисциплины синергетики, возникшей в середине XX века. Синергетические исследования показывают, что процессы развития в виде необратимых изменений во времени являются неотъемлемым свойством не только человеческого социокультурного бытия, но и всех сфер и уровней природной реальности. Это подчёркивается и рядом исследователей. По мнению Мархина В. В. «Благодаря обнаружению историчности всех сегментов окружающего мира, синергетика приобретает статус общенаучной методологии. Тем самым обнаруживается и конкретный способ реального сближения социально — гуманитарных и естественных наук посредством развития общенаучных методологических подходов» [32]. Но необходимо не впадать и в другую крайность. Возникновение «одной единственной науки» с «одним единственным методом науки» невозможно. Та же синергетика показывает, что природные процессы одновременно характеризуются необратимостью, в отличие от человеческой исторической реальности. А вот взаимопроникновение различных научно — познавательных средств в методологии различных частных наук — неотъемлемая черта нашего времени. Например, гносеологический принцип дополнительности, используемый в физике как познавательное средство, в гуманитарных науках оказывается применим к достаточно большому числу проблем, например в области этики и философии науки [33]. Поэтому необходимы новые исследовательские рефлексии

этих процессов в науке и их новый эпистемологический синтез.

Итак, следует подчеркнуть, что понимание метода частной науки как системно — структурной целостности, в частности, метода социогуманитарных наук, как субординированной многоуровневой целостности познавательных средств, с точки зрения исследовательского системно-структурного подхода позволяет открывать новые познавательные возможности многих собственно методов, приёмов, способов и подходов в реальных исследовательских практиках.

Совершающаяся в наше время научная революция в области изучения и конструирования искусственного интеллекта, в науках о жизни, в частности в генетике, непосредственно принципиально преобразует человеческую социокультурную реальность, где искусственное становится естественным, а естественное становится неотличимым от искусственного.

Поэтому вопросы единства метода науки становятся такими же насущными в научных познавательных практиках, как и проблемы специфики, особенности метода гуманитарных или естественных наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. в 6 т. — Т. 1. — Москва: Педагогика, 1982. — С. 291–436.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. — Москва: Прогресс, 1988. — 704 с. 31.
3. Гайденок П. П. История новоевропейской философии в её связи с наукой [Текст] / П. П. Гайденок. — М.: ПЕРСЭП Спб.: Университетская книга, 2000. — 456с.
4. Ильин В. В. Теория познания. Эпистемология. — Москва: Либроком, 2011. — 138 с.
5. Микешина Л. А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. — Москва: Изд. Канон+, 2009. — 560 с.
6. Павлов А. В. Логика и методология науки. Современное гуманитарное познание и его перспективы: уч. пос. — Москва: Изд. «Флинта», 2010. — 344 с.
7. Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2-х т. / Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. — Москва: Феникс, Культурная инициатива, 1992. — Т. 1. — 448 с.
8. Планк М. Единство физической картины мира. — Москва: Наука, 1966. — 286 с.
9. Сачков Ю. В. Научный метод. Вопросы и развитие. — Москва: УРСС, 2003. — 159 с.
10. Суворов Г. В. Метод в гуманитарном исследовании: этапы философской рефлексии. Диссерт-я канд. философ. наук.-ВятГУ. Киров, 2011–188с.
11. Тиллих П. Систематическая теология. Т. I–II. — М. — СПб., 2000.
12. Passmore J. Philosophy // The encyclopedia philosophi. P. Edwards ed. In chicef. — Vol. 6. — N.Y., 1971. — 491 p.
13. Кутырев В. А. Современное социальное познание: Общенаучные методы и их взаимодействие. М.: Наука, 1988.
14. Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.
15. Рузавин Г. И. Логика и методология научного поиска. Обзор англо-американской литературы. М.: Наука, 1986 и др.
16. Дильтей В. Категории жизни // Вопросы философии. 1995, № 10.
17. Крипнер С., де Карвало Р. Проблема метода в гуманистической психологии // Психологический журнал. 1993, № 2.
18. Рикер П. Конфликт интерпретаций. М.: Медиум, 1995.
19. Тулмин Ст. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984 и др.
20. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. 1979.
21. Щедровицкий Г. П. Схемы мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования. Методологические проблемы: Ежегодник. М., 1987 и др.
22. Платон. Тэтет: собр. соч. в 4т./пер. Т. В. Васильковой. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 192–274.
23. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия. Минск — М., 2000. С. 664.
24. Леви — Строс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 40.
25. Шюц А. Феноменология и социальные науки // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М., 2004. С. 180–201. и др.
26. См. напр.: Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. — М., 2001.
27. Федотова В. Г. Классическое и неклассическое в социальном познании // Общественные науки и современность. 1992. № 4 и др.
28. Кохановский В. П. Философия и методология науки. — Ростов на/Д. 1999. и др.
29. Степин В. С. Теоретическое знание. — М., 2000.
30. Ильин В. В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. — М, 1993.
31. Микешина Л. А. Философия познания. — М., 2002 и др.
32. Мархинин В. В. О специфике социально — гуманитарных наук. Опыт философии науки. — М.: Логос, 2013. С. 74.
33. Розов М. А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. — М.: Новый хронограф, 2008. С. 153–180.

ГНОСЕОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ, МОДЕЛЬ ЭВОЛЮЦИИ СЕМАНТИКИ

EPISTEMOLOGY OF CULTURE, A MODEL OF THE EVOLUTION OF SEMANTICS

M. Strigin

Summary. The paper gives a new view on the topology of culture. Three ontologically different layers and categories of culture are described: modernism, postmodernism and antimodernism. A model is proposed that shows how these layers interact with each other. For this purpose, the semantic space is introduced, where epistemology defines "geometry", which is cultural knowledge, and epistemology defines its existence, explicating semantic processes. Within the framework of this model, it is shown that philosophy forms a single context, clarifying and deep semantic "bursts" of modernity and their "straightening" by postmodern contradictions caused by the tension of semantic "splash" and internal "Brownian vortices" of antimodernism, which do not change the "topology" of semantics. It is shown that the paradoxes of modernism are revealed with the expansion of the context, with the explication of the transcendental. On the example of poetic texts the empirical part of the work is presented, where the samples of postmodernism and anti-literature as a kind of antimodernism are demonstrated.

Keywords: system, philosophy, context, modernism, postmodernism, antimodernism, anti-literature.

Стригин Михаил Борисович

К.ф.-м.н., Южно-Уральский Государственный

Университет

strigin69@rambler.ru

Аннотация. В работе дан новый взгляд на топологию культуры. Описаны три, онтологически различных слоя, категории культуры: модернизм, постмодернизм и антимодернизм. Предложена модель, в которой показано, как эти слои взаимодействуют друг с другом. Для этого вводится семантическое пространство, где эпистемология определяет «геометрию», сущее культурного знания, а гносеология её бытие, эксплицируя семантические процессы. В рамках этой модели показано, что философия формирует единый контекст, проясняя и глубокие семантические «всплески» модерна, и их «спрямление» постмодернистскими противоречиями, вызванными напряжением семантического «всплеска» и внутренние «броуновские вихри» антимодернизма, не изменяющие «топологии» семантики. Показано, что парадоксы модернизма, раскрываются при расширении контекста, при экспликации трансцендентального. На примере поэтических текстов представлена эмпирическая часть работы, где продемонстрированы образцы постмодернизма и антилитературы, как разновидности антимодернизма.

Ключевые слова: система, философия, контекст, модернизм, постмодернизм, антимодернизм, антилитература.

Гносеологическая модель

С самого начала, как человек начал рефлексировать, появились первые основания культуры. Они требовались, чтобы как-то защититься от навалившегося всей своей «массой непонятности» универсума и начать доверять тому, что он имеет какую-то упорядоченность. Первые основания эксплицировались в виде мифотворчества, которое затем преобразовалось в поэзию и науку [15]. В истории известно множество переломных моментов, когда менялись научные или религиозные парадигмы, когда происходила пересборка культуры вплоть до её оснований. И каждый раз традиция долго сопротивлялась, пытаясь удержать созданное веками. Точно также происходит борьба организма за выживание, когда силы иммунитета борются с вирусом за спасение организма. Но выживший организм, преображённый вирусом (иммунитет качественно изменился), становится более устойчивым и в этом онтологический смысл вируса, его бытийственная функция. Переносим эту метафору на культуру, обозначим новую идею, переведённую в имманентное состояние, поверхностным возбуждением, подобно заражению вирусом кожи, когда оно ещё незаметно и назовём её модернизмом (все гениальные идеи на первом этапе

незаметны). Поверхностные семантические эффекты, связанные с воспалением, назовём постмодернизмом «идеи, напротив, оказываются на другой стороне, на стороне стерильного, бездействующего, бесстрастного сверх-бытия — на поверхности вещей: идеальное и бестелесное теперь может быть только «эффектом» [3, с. 17]. И, наконец, глубинные процессы, когда весь организм встаёт на защиту, когда традиция считает себя уязвлённой, то подключается «иммунитет» традиции, который мы назовём антимодернизмом. Термин «антимодернизм» использовался в литературе и ранее, но формулировка его в литературе крайне размыта. Большей частью он ассоциируется с религиозной критикой модернизма (монизма Спинозы, картезианства Декарта и т.д.).

Антиномия между традицией и модернизмом происходила всегда (как, например, между осёдлым и кочевым образом жизни) и будет происходить впредь. Естественно, что эти обе категории онтологически важны (как две составляющие процесса) в одинаковой степени: традиция отвечает за выживаемость человечества и не позволяет ему погрузиться в полный хаос, в свою очередь, модернизм заставляет эволюционировать культуру. Постмодернизм и антимодернизм — два посредника, которые

имеют глубокий онтологический смысл, два посредника, которые стоят на страже организма и выявляют «недоброкачественные» идеи модернизма. Идеи, которые приводят к подобным «воспалениям», напрямую связаны с познанием мира.

Познание обладает двумя важными параметрами: во-первых, оно неминуемо привносит новое и во-вторых, это новое заставляет пересматривать время от времени уже познанное. И это единый процесс, который можно разбить на несколько периодов соотносимых с выше указанными категориями. У понятий модернизм, постмодернизм и антимодернизм, как характеристик познания, много определений, они сильно отличаются и значением, и временем действия, но все они являются частными случаями определений данных выше. Чаще под модернизмом понимают период с середины девятнадцатого века по середину двадцатого, а под постмодернизмом — вторую половину двадцатого. Мы постараемся показать то, что эти процессы вневременны. Подобно тому, как воспаление раны происходит с задержкой во времени, но всегда воспаление следует за раной, независимо от возраста больного. Иначе говоря, модернизм, постмодернизм и антимодернизм присутствовали всегда, с момента начала культуры, но особо стали заметны в последние два века. Когда Михаил Лившиц в 1966 году писал обращение «Почему я не модернист», то в нём он определил модернистов, как бунтарей, жаждущих безумной жизни. Лившиц посчитал, что и творчество Анри Бергсона явилось одной из причин политических бунтарств двадцатого века. Но жажда познания является естественной тягой и по закону сохранения энергии, пассионарная энергия идёт либо на политические бунты, либо на творческие порывы. Действительно, интенциональность модернистов, выстраивающих новые нарративы всегда вызывающа. Картезианство тоже когда-то воспринималось традицией как модернизм.

Общепринятая точка зрения о постмодернизме, как усталостной реакции в виде критики на модернистские интенции тоже не совсем корректна «постмодернизм — это и есть начало эры победившего либерализма, когда ничего принципиально нового сказать уже нельзя. Остаётся лишь цитирование» [14]. Позитивный модернизм объективно присущ человеку, как и его критика. Антимодернизм, как проявление консерватизма, также противопоставляется модернизму. Постмодернизм и антимодернизм необходимы как разные проявления критики для соблюдения баланса сил.

О проблеме быстротечности философских представлений, кратко и ёмко, написал Александр Дугин, защищая, одно из течений, порождающих антимодернизм, — традиционализм: «сегодня и сами европейцы, которые когда-то (ещё лет 10 назад) всё отлично понимали, перестали

понимать, что имели в виду Делёз или Лакан, поскольку полностью сменились базовые метаязыковые вехи» [14]. Но в каком-то смысле это не важно, и Делёз и Лакан выполнили свою функцию, представив свои идеи, которые были интегрированы в общий контекст имманентного и в итоге достаточно сложно определить их статус (они были против отнесения себя к постмодернистам). Существенно из этого, то, что, если в эпоху средневековья и раньше, смена парадигмы происходила крайне редко, то в последние три века, это происходит значительно чаще. В этой работе мы попытаемся на основании общей модели (расширяющегося шара имманентного) эксплицировать общность этих понятий и таким образом, возникнет цельность представления о них, не зависящая от параметра времени. В каком-то смысле, эта работа выполнена в духе традиционализма, следуя Рене Генону, поскольку все использованные метафоры подсмотрены у природы, а далее, пользуясь теорией общих систем Людвиг фон Берталанфи и его категориальным изоморфизмом, мы расширяем онтологию процесса до всеобщности.

Эпистемология и гносеология являются сопряжёнными понятиями и граница между ними размыта. Наша модель помогает увидеть эти границы более чётко. В её рамках эпистемология — это геометрия знания, в свою очередь, в гносеологии содержится динамическая составляющая, которая отвечает за её эволюцию и тогда, помимо геометрических координат в семантическом пространстве появляется временная координата. В описанной модели, гносеология — это более широкое понятие, отвечающее за единое семантическое пространство-время. Или, иначе говоря, эпистемология — это *сущее знания*, а гносеология — это *его бытие*.

Можно попробовать представить имманентное в виде шара, окружённого трансцендентальным, ещё не познанной субстанцией. Имманентное в процессе эволюции универсума расширяется, поглощая трансцендентальную составляющую бытия. В период до появления человека экспликация трансцендентального происходила случайным образом: так были синтезированы в ядрах звёзд сложные атомы из атомов водорода, с последующим появлением сложных молекул — аминокислот и возможно затем жизни. В этот период происходило самопознание универсума — его автономная, случайная эволюция. С появлением человека направление мысли и, соответственно, синтез новых знаний приобрёл нарративный характер — он начал происходить осмысленно. О новой интерпретации антропного принципа, о том что человек был создан как катализатор эволюции описано в нашей работе «Удивление творчеством порядок» [12]. На протяжении всей человеческой истории, вплоть до девятнадцатого века, учёные пытались прояснить априорные и апостериорные факты данные нам в чувственном виде.

то возникнет жидкостной канал и вслед поверхностное натяжение, стремящееся выровнять перепад давления. Жидкость начнёт расправляться. Поверхностное напряжение расширит образовавшийся перешеек, в конце концов, выровняв напряжение (данное описание корректно в отсутствии сторонних сил, типа гравитации). В области семантики за поверхностное натяжение ответственен постмодернизм. *Он, с одной стороны, отталкивается от смыслов, созданных модернизмом, с другой стороны, пытается нивелировать их, выравнивая семантическое напряжение. Выравнивание напряжения — это структурная деградация, объективный феномен. Этот процесс протекает до тех пор, пока идея не прояснена до конца.* Но если идеи по Платону абсолютны, то их критика (диалектика) его учениками, которая возникает в результате семантического напряжения неминуемо становится субъективной. Крайняя субъективность — это одно из общепринятых определений постмодернизма. Необходимо признать, что граница, где объективность становится субъективной размыта, поскольку сами вещи или теории в процессе культурной эволюции приобретают субъективный «окрас». (Например, роза выращенная в теплице отличается от лесной розы).

Гносеологические процессы по «нивелированию» смысла схематично показаны на рис. 1

На рис. 2 показан интересный эффект возможной эволюции идеи.

Подобно тому, как если отодвинуть палец от поверхности жидкости очень далеко, то структурный перешеек может порваться, образуя отдельную каплю, так и сильная идея, но мало коррелирующая с классическими представлениями, может оторваться от области имманентного и начать выстраивать собственную семантику, до тех пор, пока их области не пересекутся и тогда они «солятся» в единую структуру (подобным образом модернистская теория струн в физике долгое время рассматривалась как фантазмагория).

Постмодернисты в основе своей возражают против цельного и тотального в модернизме, идущего ещё от классики, «большинство видных постмодернистов выбирают в качестве оппонентов что-то из нижеследующего или всё: тотальность и единство, истоки и присутствие, эссенциализм и реализм, универсализацию и однородность» [5, с. 106]. Но как ветру будет нечего разрушать, если в результате тектонического давления не образуются горы, так и постмодернизм останется без смыслов, от которых он отталкивается, в отсутствии модернизма. (Ветер в отличие от постмодернизма пострадает меньше). В заключительной период, когда все градиенты выровнены и процесс переходит в равновесную фазу, смысло-

вая эволюция напоминает броуновское движение, когда происходит «самоедство» и подменяются одни смыслы другими, без общего прояснения картины бытия. Конечно это тоже движение, но мало эффективное. Ещё Эйнштейн установил, что при броуновском движении частица удаляется от первоначального состояния по закону, как корень из длины общего пройденного пути, т.е. ничтожно. Следовательно, броуновское семантическое движение не в состоянии эксплицировать новый смысл, но за счёт кружения порождает диалектическую двойственность, что позволяет лучше проявить смысл модернистской идеи и обеспечить её «впитывание» универсумом.

Время необходимое для выравнивания модернистского всплеска определяется его высотой и может быть от года до столетий в зависимости от когнитивности идеи. Этот период имеет онтологический смысл — он определяет время эффективной жизни метафоры, раскрывающей идею.

Как и в модели физического шара, где есть поверхностные эффекты и есть глубинные, помимо процессов, происходящих на границе трансцендентного и имманентного, имеются процессы идущие внутри уже познанного. Они подобны случайным флуктуациям, происходящим внутри жидкости. Процессы в ней вызваны выравниванием энергетических градиентов, поступающих снаружи, которое осуществляется посредством броуновского движения молекул. Подобно этому новые смыслы, возникающие на семантической границе, порождают не только новую поверхностную семантику, но и заставляют пересматривать глубинную старую, перераспределяя семантический поток и образуя «броуновское» смысловое движение. *Гносеологические процессы меняют топологию знания. Происходит реформатирование семантики, приводящее к новой эпистемологической картине. Подобные процессы характеризуют собой антимодернизм. Делёз постоянно апеллирующий к стоикам писал о разности процессов происходящих на поверхности и в глубине «стойки оставляют место свободе двумя взаимодополнительными способами: один раз на внутренней стороне судьбы как связи причин, а другой раз на внешней стороне событий как связь эффектов» [3, с. 15]*

Поверхностные эффекты приводят к парадоксам — «семантическим складкам», принципиально отличающимся внутри и на поверхности семантики. Они могут быть двух типов: псевдоскладки, образующиеся внутри семантики, вызванные круговым «броуновским» движением, о чём было сказано выше и поверхностные складки, которые имеют онтологический смысл. *Их можно разбить ещё по другому: объективные и субъективные.* Поверхностное гносеологическое выравнивание приводит к появлению семантических складок, подобно тому как

волна на поверхности воды, которая образуется при выравнивании разности давлений, захлёстывается. И в такой момент в представлении исследователя сосуществуют несколько истин одновременно. Подобные процессы эксплицируются в виде парадоксов. «Парадокс — это смещение глубины, выведение события на поверхность и развёртывание языка вдоль этого предела» [3, с. 15].

Большинство парадоксов, связанных с пониманием чего-либо и с проблемой истинности, обусловлены тем, что человек при помощи конечных инструментов пытается эксплицировать континуум. Алгебраическая теорема Гёделя говорит о том, что насколько бы каузально ни выстраивались суждения, они приведут к появлению противоречивых или недоказуемых утверждений. Лингвистическая теорема Патнэма говорит о схожем, о том, что изменение референции оставляет её истинностное значение без изменения [6, с. 310]. Она говорит о том, что к истине можно прийти разными путями. Для того чтобы избежать подобных противоречий необходим бесконечный контекст прояснения какого-либо высказывания. К примеру, если экстенционалом предиката «человек» является класс людей, то его интенционалом будет свойство «быть человеком». Но для того чтобы определить, что значит «быть человеком» необходим бесконечный контекст прояснения.

Для максимально точного выражения сути высказывания человек прибегает к разным приёмам, он пытается вычленивать главные черты или передать особенности через детали или он пытается выхватить некую цельность (структурализм). Способы выражения также могут быть разные, это и философия, и математика, риторика и художественные произведения, которые, в свою очередь, могут быть от грандиозных романов, созданных для прояснения одной мысли (Толстой, «Война и мир») до фрагментарных текстов (Камю, Ницше). Все они пытаются верифицировать некий тезис или концепт некой идеи. Все эти произведения, можно назвать различными проявлениями философии, пытающейся создать контекст вечно ускользающей истины. И хотя постмодернизм ассоциируется с фрагментарностью, исходя из указанных выше теорем Гёделя и Патнэма, любое произведение является фрагментом реальности, поскольку оно не в состоянии создать абсолютно цельный образ. *Разница между различными описаниями в амплитуде гносеологической волны, поскольку и постмодернистская критика — это тоже всплески, но меньшего формата на сингулярном пике модернизма.*

Философия

Во всех четырёх понятиях: традиции, модернизма, постмодернизма и антимодернизма есть одно объединяющее начало — это философия. Попробуем представить

эпистемологию, изучающую структуру знания как его геометрию. Можно попытаться ввести семантические координаты и метрику в этом пространстве. Тогда подобно физическому пространству, которое соединяет все физические объекты в единый контекст, философия будет тем пространством, которое соединяет разрозненные тексты в общее описание мира. Подобно тому как пространство эксплицирует границы вещей, так и философия эксплицирует тексты, создавая для них контекст. Подобно тому, как геометрическое пространство, о чём писал и Хайдеггер, появляется вместе с взаимодействием вещей, так и философия появляется вместе с взаимодействием смыслов. Философия подобно швее шивает различные лоскутки, которые могут быть разного масштаба, от заплатки до воротника. Здесь и поэзия и проза и философские и научные концепты. Она подобно формированию три D семантической модели помогает развернуть сложный изучаемый объект и рассмотреть его со всех сторон. Подобные «сцепки» обладают качеством эмерджентности, потому что линейной логикой соединить такие «лоскутки» невозможно.

Одно из определений философии дал Мамардашвили, когда писал о том, что философия пытается понять, почему же есть нечто, а ни ничто. «То есть удивительно то, что есть нечто. Что под этим понимается? — Порядок. Нечто упорядоченное. Удивительно, что есть нечто, а не хаос. Потому что должен был бы быть хаос» [8, с. 22]. Но, очевидно, что нечто, тогда поддается описанию, когда оно имеет структуру (описываться может либо структура, либо её отрицание). В той же работе Мамардашвили пишет, что философские суждения, в отличие от научных законов, не сохраняются во времени, они этим временем размываются. И новому поколению каждый раз приходится выстраивать философию заново. Новое поколение осваивает новые способы мышления и, следуя историческому моменту, привносит новый контекст в старые смыслы. «Я могу привести десятки примеров, и все они будут свидетельствовать о том, что философию, в связи с этим интересуют такие вещи, которые приходится обсуждать всякий раз в новой ситуации» [8, с. 51]. И это несохранение важно онтологически, оно позволяет не заикливаться, а время от времени переформатировать семантику. И это переформатированное знание, его новое сущее, определяющее уже новую эпистемологию, осуществляется за счёт бытия знания, за счёт гносеологии.

Возвращаясь к модели семантического шара и дополняя её, опираясь на вышесказанное, получим то, что шар имеет неоднородную структуру. Его необходимо представить состоящим из «каркаса» знания и «клубящейся» вокруг «жидкой, шарообразной субстанции» понимания. Очевидно, что каркас состоит из науки (описания идей), а субстанция из философии (актуализации этих идей в различных контекстах имманентного). *Каждый раз,*

когда человек используя некие законы, раскрывает их в новом, своём контексте, он формирует новую философию. (Например, волна — это знание о некоей абстрактной структуре. Морская волна, световая волна, эмоциональная волна — это знание в контексте, что обеспечивает понимание и формирует философию либо поэтического произведения, либо научного концепта).

Как уже упоминалось, семантические складки могут быть двух видов: это внутренние, образованные диалектическим, риторическим, броуновским движением мысли антимодернизма и поверхностные, модернистские, которые эксплицируют парадоксы столкновения имманентного и трансцендентального. Внутренние приводят к переформатированию семантики и не несут ничего принципиально нового. Поверхностные семантические складки разрешаются через расширение контекста — через постмодернистскую критику, через актуализацию потенциального. Потенциальность — это вмешательство континуума трансцендентальности в имманентное, приводящее к многозначности картины мира. Поясним это на примере. Ёлка — это знание. Данное слово несёт с собой весь континуальный шлейф знаний, установленных в связи с ним, на протяжении всей истории. Ёлка, растущая на Урале, это традиция. Ёлка, растущая в пустыне, это противоречие, оксюморон, отвергающий классическое представление о зоне её произрастания, это то, что можно было бы назвать модернизмом в виде сюрреализма. Но ёлка, растущая на территории оазиса в пустыне — это потенциально возможная жизнь. Модернистская картина превратилась во вполне возможный, хотя и редкий постмодернистский пейзаж. Отсутствие смысла или его наложение имеют одну природу, они устраняются добавлением контекста. Помимо эпистемологического парадокса, может наблюдаться и гносеологический парадокс: философия, проясняя законы модернизма, кажется изначально противоречивой, но после появления соответствующего языка и расширения контекста, она приобретает дискурсивную структуру. Спустя определённое время, когда герменевтики истолковывают фрагмент философии, уже после «расправления семантической складки», часто бывает сложно понять, где же нарушалась каузальность.

Потенциальность позволяет рождаться новым смыслам модернизма (то что не запрещено — то разрешено). Но если в природе действует множество онтологических запретов, например, запрет Паули в квантовой физике, то в искусстве человек часто выстраивает концепты, которые не супервентны бытию (зелёная лиса). Хотя, с другой стороны, отсутствие супервентности может быть мнимым — возможно, оно появится в будущем, возможно, субъект, сформировавший новый концепт, опередил естественную эволюцию (генная инженерия породит лису с зелёным мехом). В этом проявляется онтологическая

особенность человека, в отличие от природы, он, может, предвидя пути развития (каузальную цепочку изменений), пропускать часть звеньев и выстраивать нарратив, который имеет сингулярные особенности (вся современная генетика). *Парадоксы могут быть синтетической природы, а могут быть искусственными. Вслед за этим концепты также могут быть синтетическими либо искусственными. Прояснения синтетических концептов со временем интегрируются в общую картину бытия, искусственные уходят в небытие.*

Волны модернизма, эксплицируя новые, глубинные основы бытия (теория струн в физике) размываются «поверхностным натяжением» постмодернизма и переходят во внутреннее движение «толщи» философии, приводя к тавтологичным, риторичным циркуляциям антимодернизма. Энергетические «всплески» модернизма переходят в «множественное движение» постмодернизма, окончательно «рассеиваясь» в антимодернизме. Но иногда эти «всплески» достигают такой силы, что могут менять культурную парадигму и в такой момент в движение приводится не только «жидкая» субстанция философии, но и «стволовой каркас», скрепляющий семантику. В такие моменты происходит парадигмальный пересмотр всего (эмерджентность новой парадигмы качественно отличает её от предыдущей): и науки и поэзии и музыки и изобразительного искусства (например, стиль барокко пришёл во все области искусства). Подобным образом происходят, как это описывал Томас Кун, научные революции [4]. Из этой модели видно, что модернизм, постмодернизм и антимодернизм возникают почти одновременно. Они только запаздывают, друг относительно друга, на некоторый период времени. Подобно тому как практически одновременно возникают трагедии и комедии в Древней Греции. Одна без другой не может существовать. И здесь схожая ситуация как с модернизмом и постмодернизмом. Основные модернистские смыслы порождает именно трагедия. Комедия отталкивается от трагедийных смыслов, переворачивая их и делая неестественными. Критике очень часто присуща ирония. «Заметьте, что все три постмодернистские теории (антиреализм, антиэссенциализм, антиосновность) построены на отрицании» [5, с. 51].

Необходимо отметить, что как и модернистские теории: структурализм, холизм, эссенциализм, фундаментализм пытающиеся выхватить некие цельные образы, так и постмодернистские течения: антиреализм, антиэссенциализм, антиосновность, описывающие смысловые фрагменты, не могут описать весь континуум бытия. Этот процесс напоминает попытку построить башню на земле, чтобы приблизится к солнцу. С одной стороны, находясь на башне, интуитивно ощущаешь, что стал к солнцу ближе, с другой стороны, разум подсказывает о тщетности задуманного. Не сопоставить конечное и бесконечное, имманентное и трансцендентное. Но не смотря на эту

тщетность, с ростом башни, дальность видения человека растёт, он наблюдает всё большие корреляции и в пространстве и во времени.

Гносеологическая системность

Модель семантической сферы имеет большую когнитивную силу и при помощи её можно разобрать множество философских представлений из области эпистемологии и гносеологии. Сам факт возможности применения модели нам позволяет сделать Людвиг фон Берталанфи, который в работе «Исследования по общей теории систем» [1] выявил онтологический изоморфизм различных систем из области естественных наук, социологии и экономики. Изоморфизм может быть локальным, отображающим частичную схожесть (красный как кровь) и всеобъемлющим, передающим онтологию процесса. Например, концепция трансперсональной психологии использует метафору человека как компьютера, присоединённого к интернету универсума и успешно применяет её. Во всех случаях инструментом для передачи изоморфизма является метафора (модель), обладающая определённой когнитивной силой [9]. Метафора на наш взгляд более широкое понятие, чем модель (например, через неё можно передавать ценностные взаимосвязи, типа справедливости). В случае полного изоморфизма системы ведут себя онтологически тождественно (морская волна, световая волна, поэтическая волна).

Мы расширили список сущностей, которые можно рассматривать системно в работе «Аналитический и синтетический этапы эволюции произвольных систем: онтологические особенности и характеристики» [10], включив в него ментальные концепты, и в том числе поэтические. Поэзия, с одной стороны, является самой важной порождающей областью семантики. Именно поэты эксплицируют большинство смыслов, обладающих высокой когнитивной силой (Множество примеров сильных поэтов-философов: Гомер, Софокл, Данте, Ломоносов, Ницше, Хайдеггер). С другой стороны, в отличие от прозы, поэзия обладает высоким уровнем системности. Под системой понимается концепт, который можно описать при помощи ряда инвариантных во времени параметров. Системность поэзии придают такие параметры, как: размер, схемы рифмовки, лексика (например, три штиля Ломоносова). И если модерн породил множество новых концептов силлабо-тонической, а затем тонической поэзии, то постмодерн эти же концепты планомерно деконструировал, внося хаос в поэтические конструкции, низведя их в двадцать первом веке до верлибра. Одновременно создавались постмодернистские произведения написанные в классической форме, но деконструирующие смысл, поскольку помимо параметров формы, также имеются параметры содержания концепта: смысловая насыщенность концепта, смысловая корреляция.

И в этом вопросе также направления модернизма и постмодернизма диаметрально противоположные. Если модернистский смысл один и он обладает большой когнитивной силой, то поверхностное семантическое натяжение рассыпается на множество постмодернистских отрицаний, переходящих в глубинные поэтические произведения антимодернизма. В большинстве случаев, подобно тому, как комедия сопровождает трагедию, критику и отрицание сопровождает ирония или юмор. *В контексте литературы, антимодернизм делится на две группы: первая — это традиционная критика и вторая, активно использующая иронию как инструмент, для обозначения которой мы будем использовать термин антилитература.* И в этом проявляется их схожесть с постмодернизмом. «Юмор — искусство поверхности, противостоящее старой иронии — искусству глубины и высоты» [3, с. 51]. Ирония, как проявление высоты — высокомерия, в отличие от юмора, чаще бывает злой.

В работе «Волновая природа поэзии: онтологический и функциональные аспекты» [11, с. 32] было показано, что поэтическая мысль развивается волновым образом, взаимодействуя с тезами и антитезами, имплицитно содержащимися в рифмах, о чём писал Юрий Лотман [7, с. 108]. Поэтический текст, благодаря начальной строке, соприкасающейся в той или иной мере с бытием, порождает волну, распространяющуюся в семантическом пространстве. «Волна является непрерывным распространением в пространстве с течением времени возмущения некоторой величины (изменение состояния среды). В случае с поэтической волной, пространство — семантическое, а возмущение — смысловое» [11, с. 146]. Поэтическая волна несёт в себе модернистскую идею того нового, что задумал автор. Но как известно, из физики в гармонической волне содержится минимум информации. Для повышения информативности в поэтическую волну вносятся нарушения (модуляция), которая является экспликацией постмодернистской диалектики. В работе «Волновая природа поэзии: онтологический и функциональные аспекты» [11] показано, что информационная плотность в поэтическом тексте обеспечивается модуляцией несущей волны, при помощи рифм, поэтических приёмов, метафор. Радиоволна, в которой уровень модуляции становится критическим, превращается в шум. Так и в поэтическом тексте возможен риск рассыпания структуры и утеря формы несущей семантической волны.

Таким образом, мы эксплицируем изоморфизм процессов физических и семантических: физический шар и волновые физические процессы на его поверхности и в глубине, семантический шар и волновые поэтические процессы модернизма и постмодернизма на его поверхности и антилитературы в его глубине изоморфны друг другу.

Модернизм, постмодернизм,
антилитература в поэзии

Неустанное желание человека «построить башню, чтобы достичь солнца», порождает множество новых модернистских концептов поэзии. Первые модернистские идеи не только в поэзии, но и во всём искусстве появились гораздо раньше девятнадцатого века (оды Гомера, экзистенциализм Каттула, басни Эзопа, силлабо-тонические стихи Тредиаковского и т.д.). Но максимально эта тенденция проявилась именно в девятнадцатом веке, как уже указывалось, за счёт активного перемещения людей и смешения смыслов, порождённых разными народностями. Нарушения в поэтические системы поэты вносили с того момента как эти системы были созданы. Вплоть до девятнадцатого века большей частью нарушались смысловые ограничения, форму поэты старались выдерживать. Например, можно вспомнить критику Василием Тредиаковским Михаила Ломоносова за употребление неестественных смыслов, нарушающих традиционную семантику, притом сам Тредиаковский начал активно нарушать конструкции русского языка, используя инверсии. В рамках нашей метафоры «шара имманентного» несложно представить две модернистских идеи, далеко выдвинувшихся в область трансцендентального, и, поэтому имеющих слабое семантическое переплетение друг с другом, в отличие от смыслов находящихся внутри шара. И, поэтому поэты, обладающие такими идеями, не понимали друг друга. Начиная с девятнадцатого века началось активное нарушение формы (яркий новатор в этом был Маяковский).

Гораздо сложнее придумать новые смыслы, формирующие несущую волну: теорию трёх штилей, новый размер, перейти от силлабической к силлабо-тонической поэзии, чем вносить в них нарушения. Поэтому идеи модернизма и постмодернизма отличаются когнитивной силой в пользу первого. *Смысл, эксплицированный поэтом-модернистом и порождающий поэтическую волну имеет синтетическую природу. Поэтическая волна в дальнейшем развивается за счёт диалектики рифм и метафор. Когда же эта диалектика меняет статус с объективной на субъективную, то появляется фрагментарность постмодернизма и текст часто становится искусственным.*

Как показано в работе [11, с. 149] авторский рисунок модуляции поэтической волны делает поэтическое произведение уникальным. Модуляция являет собой смесь в определённых дозах модернистской идеи, постмодернистского авантюризма и антимодернистского скепсиса. Анализируя хорошую поэзию, Ю.М. Лотман считает, что поэт, с одной стороны, должен генерировать гармоничную поэтическую волну, которая супервентно инициирует аналогичную у читателя, только при этом условии возможно сформировать дискурсивный контекст, с дру-

гой стороны, она не должна быть идеальна, в ней должна быть модуляция. «Вывод: хорошие стихи, стихи, несущие поэтическую информацию,— это стихи, в которых все элементы ожидаемы и не ожидаемы одновременно. Нарушение первого принципа делает текст бессмысленным, второго — тривиальным» [7, с. 534]. Читатель испытывает эмоциональный подъём, когда на месте предполагаемой тавтологии, он обнаруживает что-то необычное. Но семантическое преломление должно происходить за счёт эмерджентности текста, а не за счёт принудительного «ломания» мысли. Отрывок из постмодернистской поэзии Елены Оболишты с активной амплитудной, смысловой модуляцией, где смешиваются ветхозаветные смыслы с бытовыми. Библейские смыслы тоже некогда были модернистскими, но поскольку они обладают максимальной энергетикой, то этопо-прежнему излюбленная тема для критики постмодернистами:

*Воздухоплавание садов
с веревки бельевой.
Мы входим в воздух без голов,
как в ночь влываает Ной,
мы носим руки вдоль земли,
где нищее зерно
и где полжизни провели
со смертью в домино.*

Постмодернизм, берущий свою энергию из смыслов модернизма, передаёт её вглубь семантики посредством процессов антимодернизма, которые можно рассматривать как закрытые процессы, идущие с увеличением энтропии. Эффективно передавать энергию можно только в случае сонаправленности потоков и поэтоумантилитературе, как и постмодернизму присуща ирония. Эволюция концепта антилитературы, как и многих закрытых процессов, которые происходят в глубине семантики, подобно броуновскому движению, представляет собой рассыпающийся «бег по кругу». Как, например, движение маятника в вязкой среде. И, если традиционализм, также порождающий антимодернизм, имеющий связь с природой, становится со временем «плотнее», его объективные смыслы звучат жёстче, хотя и тавтологично, то ментальный концепт антилитературы, замыкающийся в себе, не взаимодействующий с окружающей его семантикой, имеющий субъективную, искусственную природу, смысл риторики, софизма, распадается.

В таком процессе отсутствует развитие, хотя в каждой новой строке лексика меняется, смысл остаётся. Он симметричен, в нём нет природной асимметрии, которая приводит к динамике. Георгий Гачев в своей работе «Гуманитарный комментарий к физике и химии» [2] писал, что отражение, рефлексия — это нарциссизм, а Нарцисс очень ограничен в поле своей деятельности. Пример, такого текста отрывок из стихотворения В. Кальпиди, где

вновь поднята тема Бога и критикуется невыносимость земной жизни:

*Вчера я подумал немного
и к мысли простейшей пришёл:
в раю отдыхают от Бога,
поэтому там хорошо.
От веры в Него отдыхают,
от зелени жизни земной,
где ангелы, как вертухаи,
всё время стоят за спиной.*

Таким образом, антилитература, это произведение без внутренней философии, построенное на тезах и антитезах, образующих каузальную цепочку, замкнутую в своей семантике, имеющую ироничный, субъективный, короткоживущий контекст.

«Встает вопрос, ЧТО такое АНТИЛИТЕРАТУРА? — такой текст, лишенный сильных модальных идей «необходимым быть/должным быть», выражающих идею объективного и субъективного долга, оказывается пустым, фрагментарным, самоцельным. Он описательный, статичный, с большим количеством отступлений, т.е. нарушением функциональности» [13].

Заключение

Подытоживая, хотелось бы повторить, что каждая из категорий: классика, модернизм, постмодернизм, антилитература являются объективными составляющими гносеологического процесса и формируют определённые семантические связи, благодаря которым, мы можем выстраивать философский контекст. Первоначально появляется модернистская идея, которая в следующий момент подвергается постмодернистской критике, что собственнотображено в приставке «пост», и, затем, энергия дискурса переходит вглубь семантики, где антимодернизм, подобно «иммунитету» традиционализма, защищает его, пропуская только жизнеспособные идеи. Хотя основной каркас «шара имманентного» выстраивается за счёт традиционализма и модернизма, концепты постмодернизма и антилитературы, несмотря на короткоживучесть, вносят свой вклад в семантику, подобно тому как онтологический смысл в физике имеют и все короткоживущие частицы, типа мезонов, хотя в строении материи они не принимают участия. Но, возможно, без них вселенная бы «осыпалась». Возможно, подобно загадочному бозону Хиггса, который нарушая симметрию в вакууме, придаёт массу всем остальным частицам, так и антимодернизм, как и вся риторика придаёт массу и инертность всей семантике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берталанфи К. Исследования по общей теории систем [Текст] / К. Берталанфи — М.: Издательство Прогресс, 1969. — 520 с.
2. Гачев, Г. Гуманитарный комментарий к физике и химии [Текст] / Г. Гачев — М.: Логос, 2003. — 512 с.
3. Делёз Ж. Логика смысла [Текст] / Ж. Делёз — М.: Академический проект, 2015. — 472 с.
4. Кун Т. Структура научных революций [Текст] / Т. Кун — М.: Издательство АСТ, 2015. — 320 с.
5. Харт К. Постмодернизм [Текст] / К. Харт — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. — 272 с.
6. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении [Текст] / Д. Лакофф — М.: Гнозис, 2011. — 512 с.
7. Лотман Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман — М.: Издательство «Азбука», 2015 г. — 704 с.
8. Мамардашвили М. К. Необходимость себя [Текст] / М. К. Мамардашвили — М.: Издательство «Лабиринт», 1996. — 432 с.
9. Печёрская, Н. В. Знать или называть: метафора как когнитивный ресурс социального знания [Текст] / Н. В. Печёрская — журнал Полис, Политические исследования. 2004. № 2. С. 93–105
10. Стригин М. Б. Аналитический и синтетический этапы эволюции произвольных систем: онтологические особенности и характеристики. [Текст] / М. Б. Стригин. — Современный учёный № 8, 2018. С. 31–39
11. Стригин М. Б. Волновая природа поэзии: онтологический и функциональные аспекты. [Текст] / М. Б. Стригин. — Балтийский гуманитарный журнал Том 7 № 2(23), 2018. С. 146–153
12. Стригин М. Б. Удивление творчество порядок. [Текст] / М. Б. Стригин. — Фундаментальные аспекты психического здоровья, 7 № 2(23), 2018. С. 146–153
13. Тодорова Л. А. С. Пушкин — основоположник русской антилитературы [Текст] / Л. Тодорова — Великороссь — 08. 2013 г.
14. Дугин А. Г. Философия традиционализма. — [Электронный ресурс]. — Режим оступа: <http://www.klex.ru/a5e> (дата обращения 25.09.2018)
15. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5521> (дата обращения 27.07.2018)

© Стригин Михаил Борисович (strigin69@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА МАНИПУЛИРОВАНИЯ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ

SOCIAL-PHILOSOPHICAL BASES OF ANALYSIS OF MANIPULATION BY MASS CONSCIOUSNESS

E. Shulepova

Summary. The article is devoted to the search and identification of possible grounds for the analysis of manipulations with the mass consciousness. Possible approaches to the interpretation of public consciousness and mass consciousness as its form, especially characteristic of the society of screen culture, are revealed. Heuristics of socio-phenomenological, neo-Kantian and a number of other philosophical theories as tools for analyzing the manipulation of the mass consciousness is pointed out. The conclusions to which the phenomenological analysis of manipulations in mass culture leads.

Keywords: public consciousness, mass consciousness, mass culture manipulation, phenomenology.

Шулепова Елена Витальевна

*Аспирант, Сургутский государственный университет
shulepova3555@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена поиску и определению возможных оснований анализа манипуляций с массовым сознанием. Выявляются возможные подходы к интерпретации общественного сознания и массового сознания как его формы, особенно характерной для общества экранной культуры. Указывается на эвристичность социально-феноменологической, неокантианской и ряда других философских теорий как инструментов анализа манипулирования массовым сознанием. Приводятся выводы, к которым приводит феноменологический анализ манипуляций в массовой культуре.

Ключевые слова: общественное сознание, массовое сознание, массовая культура манипулирование, феноменология.

Проблема манипуляций массовым сознанием является актуальной, в современном обществе развитых информационных технологий, электронных средств массовой коммуникации, представляющих с точки зрения социальной философии материальный субстрат массовой культуры.

Прежде чем перейти к основной части рассуждения, наметим семантические рамки основных необходимых нам терминов:

1. Массовое сознание — форма общественного сознания, для которой характерны преобладание упрощенного содержания, всеохватность, быстрота и сетевой характер распространения информации.
2. Массовая культура — форма культуры, включающая упрощенные ценности, образцы поведения, идеалы, символы и материальные атрибуты.
3. Что касается манипуляций, то в данной работе мы даем предельно широкое философское толкование данному термину как процессу и результату культуры, такому социальному индивидуальному или коллективному влиянию, которое осуществляется социальным субъектом для достижения своих намерений и целей тайно. В наиболее общем виде манипуляция — это намеренное использование интересов личности или социальной группы в интересах действующего субъекта для достижения им собственных целей.

Социально-философский взгляд на манипулирование массовым сознанием означает прежде всего его рассмотрение в качестве феномена социальной жизни. Исходя из данной установки и опираясь на дедуктивный метод, можно заключить, что характер трактовки социальной реальности, то есть выбранная нами как наиболее адекватная для современного этапа развития и социума как объекта исследования, так и социально-гуманитарного познания как духовного освоения данного объекта социально-философская парадигма будет эвристичной и для анализа интересующего нас предмета.

При этом, нас будут интересовать не социально-философские парадигмы в общем, а их преломление относительно общественного сознания, дабы не вдаваться в подробный анализ проблемы социального как такового и его онтологического статуса, которая решается либо через социологический реализм, либо альтернативный ему социологический номинализм. Нас больше будет интересовать соотношение общественного бытия и сознания, материального и духовного в жизни социума и подобные им вопросы, решение которых составляет определенный методологический контекст рассмотрения массового сознания и проблемы манипулирования им.

Среди множества подходов к интерпретации общественного сознания можно по аналогии с трактовками сознания выделить материалистический, идеалисти-

ческий и дуалистический. Так, в материалистическом подходе, наибольшее развитие получившем в марксизме, значительную проработку получает проблема формирования общественного сознания под влиянием общественного бытия, материальных условий жизни, но при этом игнорируется роль общественного сознания в формировании и изменений социальных реалий. Общественное сознание предстает здесь как порождаемое общественным бытием явление. Известное утверждение К. Маркса об этом служило долгие годы как и основанием для постулирования материалистической социальной философии, так и местом множественной критики со стороны противников марксизма, обвиняющих его в излишнем акцентировании внимания на материальной стороне жизни человека и общества. Однако, подобное противоречие в оценке обсуждаемого нами тезиса Маркса может быть снято, если обратиться к его трактовке, данной Фрейдомарксистом и представителем Франкфуртской школы Э. Фроммом. Данный мыслитель уверен, что Маркс, говоря об определении общественного сознания общественным бытием, имеет в виду то, что базовыми потребностями человека выступают именно те, которые можно удовлетворить с помощью материальных благ, создаваемых в ходе материального производства [7, с. 137]. От уровня удовлетворения данных потребностей во многом зависит физическое и психическое самочувствие людей, а значит и уровень духовного развития, так как человек, страдающий от голода и отсутствия жилья вряд ли будет заботиться о собственном духовном совершенстве.

Кроме того, рациональное зерно марксизма составляет обоснование принципа сведения индивидуального к социальному, который, по нашему мнению даже при самых сильных симпатиях к экзистенциализму очень сложно отринуть полностью. Индивид формируется в условиях социума и образ его мыслей, чувствований, его мировоззрение складывается под влиянием социальной среды, сознания той группы, к которой он принадлежит, сознания его этноса, сознания страны и эпохи. При этом, формируясь в обществе, затем сам участвует в его модификации и развитии, что было отмечено К. Марксом в утверждении: «Как само общество производит человека как человека, так и он производит общество» [2, с. 118].

Если в марксизме сознание индивида формируется под влиянием общественного сознания, то в рамках классического образца идеалистической философии — гегельянства — субъективный дух является единичным воплощением мирового разума — абсолютной идеи. При этом общественное сознание, понимаемое как объективный дух, проходит несколько фаз в развитии, на каждой из которых преобладает одна из его форм: религия, искусство и философия. Сознание отдельно-

го индивида мало что значит для Гегеля, это крупица на пути саморазвития и самопостижения мирового разума, становления его как абсолютной идеи. Поэтому данный подход, обладает недостаточным эвристическим потенциалом в интерпретации манипулирования сознанием, поскольку основание духовно й жизни социума и первооснова субъективного мира каждого индивида выносятся в область трансцендентного и не позволяет достоверно объяснять конкретные проблемы духовной жизни социума на уровне, близком если не к классической научной рациональности, но и к неклассической и постнеклассической.

В большей мере методологической значимостью для нас будут выступать концепции общественного сознания конструктивистской направленности, то есть те, в рамках которых основания общественного сознания не выносятся в трансцендентную область, а получают «теоретическую прописку» в посюстороннем, объективно-реальном мире общественных отношений, в которых переплетается индивидуальное и коллективное. Социальный конструктивизм, например, в такой его форме, как социальная феноменология, позволяет обосновывать взаимовлияние и взаимодействие индивидуально-го и общественного сознаний, а не акцентироваться, как в случае с ортодоксальным марксизмом на одностороннее влияние духовной жизни социума на сознание индивида.

Одним из таких подходов является социальная феноменология, следуя которой манипуляции с массовым сознанием могут быть проинтерпретированы в терминах социальных типизаций и социальной апперцепции (А. Шюц) и хабитуализации (П. Бергер и Т. Лукман).

Так, социальный порядок основывается, согласно феноменологии на некоторых коллективно формируемых установках, общих привычках (образование которых составляет процесс хабитуализации), признанных в качестве наиболее удобных и соответствующих здравому смыслу образцов восприятия и поведения (социальных типизаций). При этом, так или иначе первоначальный источник подобных образцов — это индивид или группа индивидов, пользующаяся наибольшим авторитетом, возможностями убеждения, социальным признанием, коллективным престижем, имеющая контроль над сознанием. С развитием средств массовой коммуникации возрастает значение последнего аспекта влияние на сознание общества, что означает также формирование массового сознания, массовой культуры и интенсификации скрытых воздействий именно на массовое сознание, поскольку оно является наиболее открытым и подверженным манипуляциям в силу своей некритичности, конформности, подверженности иллюзиям и стереотипам.

Базовым элементом массового сознания является масса, именно она является носителем данной формы духовной жизни общества, распространению которой способствовало развитие массовых коммуникаций. Но сама масса современными исследователями предстает как «совокупность индивидов, включенных в социальную общность, характеризующаяся неоднородностью и усредненностью состава, манипулируемостью извне, а также активным мифотворчеством» [4, с. 11]. И в XX веке, пожалуй, и в XIX веке, имели место достаточно основательные исследования феномена «омассовления» как социального явления.

Исходя из подобных рассуждений, можно сказать, что манипуляция — это такая деятельность субъекта, которая осуществляется намеренным и скрытым подчинением интересов другого субъекта для достижения собственных целей.

Если перейти от уровня социально-философской методологии к уровню социологического теоретизирования, то можно отметить следующее: массовое сознание существует как духовная сфера массового общества, состоящего из массовых индивидов. За этой массовостью стоит тенденция унификации, сглаживания различий между потребностями, ценностями и поведенческими установками членов общества. Подобные ценности и установки и формируются чаще всего под воздействием манипулятивных, то есть скрытых воздействий. При этом, подобное, скрытое, управление осуществляется не только, как часто считается, в авторитарных обществах, но и в тех, которые считаются демократическими.

Такое скрытое управление может быть необходимым условием управления в обществе, где провозглашена демократия. И причина здесь состоит в том, что, несмотря на декларирование суверенитета народа, реально властные решения принимаются политической элитой, а не всем народом сразу. Возникает проблема: как добиться исполнения этих решений гражданами. Вариант принуждения эффективный, но в демократических условиях, в отличие от авторитаризма и тоталитаризма, он ограничен правом и соответствующими ценностями свободы личности. Остается только скрытое внушение идеологии, ценностей, установок, создающих некий когнитивно-ценностный бэкграунд (фон) для положительного восприятия инициатив ключевых акторов политики.

Вопрос состоит в том, с какой целью прибегают к манипуляциям: если для поддержания социальной солидарности, порядка в обществе, сохранения легитимности сложившихся социальных институтов, то в таких случаях манипуляция может быть расценена как феномен поддержания стабильности социальной системы.

Но чаще проявляется второй вариант: когда субъекты манипуляции массовым сознанием реализуют исключительно эгоистические цели.

Массовая культура прямо или косвенно служит господствующей идеологии, и три основных измерения представленных в его продукции ценностей выглядят следующим образом:

- ◆ это представления о желаемом типе социальной системы, как правило, совпадающие с господствующим типом социальной системы, на данном этапе зачастую являющимся одновременно и спонсором киноиндустрии. Выступая в роли критика, СМК переходят на частности и второстепенные моменты, не переставая утверждать, что данная социальная система, политический режим, идеология и т.п. — лучшее из того, чем сегодня обладает гражданин как субъект общества и государства;
- ◆ это разделяемые в обществе (общности) убеждения относительно целей, к которым люди должны стремиться, и основных средств их достижения, явно или латентно предлагаемых в качестве «предпочтительных прочтений» в продукции массовой культуры. Данные цели сопряжены с материальным благополучием и достатком, обладанием значительными материальными средствами, достижение которых подразумевает решение «абсолютно всех проблем». Институциональные цели в продукции масс-культы не всегда совпадают с институциональными средствами, скорее наоборот, что создает дополнительный источник социальных девиаций
- ◆ сравнивая идеальные картины симуляционной реальности продукции масс-культы с лишенной эффектов подлинной реальностью (например, эротические сцены на экране и в жизни и др.), реципиент стремится к потреблению, желая приблизиться к идеалу, поскольку начинает чувствовать свою ущербность в таком сравнении. В данных условиях легко понять, почему современное общество сориентировано на образ «физически молодого человека», и в нём возрастает эйджизм [1, с. 2].

Носителем массового сознания является, в первую очередь, такая социально-демографическая группа, как молодежь. Кризис аналитического мышления и рефлексии, с которыми сегодня нередко приходится сталкиваться и в высшей школе — последствия отражения в продукции современной массовой культуры иррациональных и антирациональных тенденций, восходящих к началу XX века как эпохи «восстания масс» и доходящих сегодня до своего апогея в эпоху постмодерна как критики любого проекта и, следовательно, самой раци-

ональности. Глобализационные тенденции порождают не просто типаж постсоветской российской американизированной культуры [6, с. 137].

По сути, они создают законченное антикультурное образование, в котором преобладают в качестве героев представители криминального мира и люди лишь биологически функциональны, а законы, общество и государство ничего не значат. Если в американском обществе есть иммунитет от подобных влияний, то российское общество таким иммунитетом не обладает. Также вызывает тревогу эскалация насилия в продукции современной экранной культуры, выставляющей насильников, мажорантов и убийц в качестве киногероев нашего времени,

к которым оказывается равнодушна студенческая аудитория и даже ее женская часть.

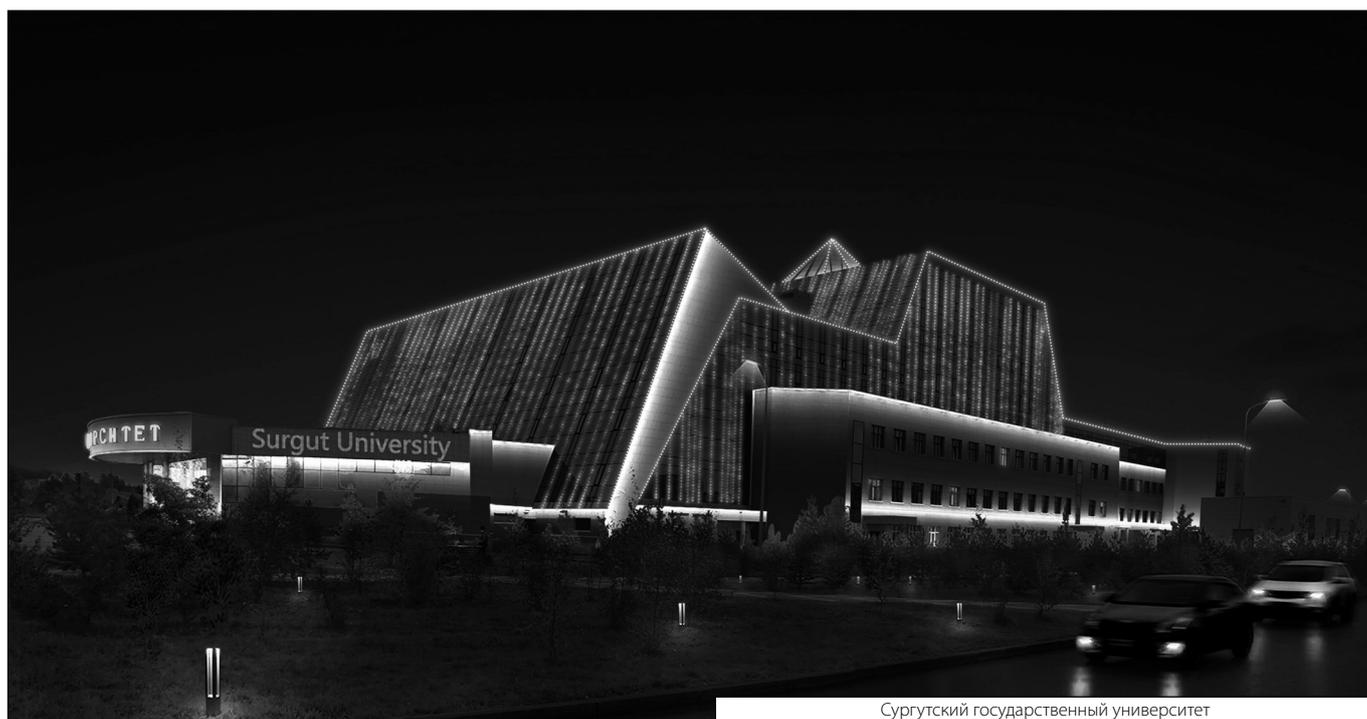
Современная молодежь, в том числе и студенчество, теряет то качество, о наличии которого у русского народа, традиционно утверждали многие отечественные мыслители, к которым можно отнести славянофилов, народников, русских религиозных философов конца XIX — начала XX веков. Это качество — духовность, которая издавна является основанием нашего общества, сплачивающим его в единое целое и позволяющим, о чем уже не раз свидетельствовала история, преодолевать самые тяжелые времена — и нашествия чужеземцев, и внутренние раздоры, и безвластие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Викторов, А. Ш. Современная русская культура (социологический анализ тенденций развития): автореф. дис. ... докт. социол. наук: 22.00.06 / Викторов Александр Шагенович — М.: Изд-во МГУ, 1999. 36 с.
2. Маркс К. Экономическо-философские рукописи // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений — Т. 42 — М.: Политиздат, 1974 г. — 535 с.
3. Негодаева О. Б. Манипуляция сознанием как фактор риска в российском обществе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Ростов-на-Дону, 2007. 42 с.
4. Плотников А. В. Особенности формирования массовой культуры современного Российского общества. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Ростов-на-Дону, 2006. 36 с.
5. Смольская, Е. П. Массовая культура: развлечение или политика? / Е. П. Смольская. — М. Мысль, 1986. 178 с.
6. Шейнов, В. П. Скрытое управление человеком — М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006. 394 с.
7. Фромм Э. Здоровое общество М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006 г. — 539 с.

© Шулепова Елена Витальевна (shulepova3555@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Сургутский государственный университет

НАШИ АВТОРЫ

Abderrahman bin Maammar Senusi — Doctor of Islamic Sciences, Associate Professor, Algerian State University
aassanou@gmail.com

Barabanov R. — Graduate student, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow
ksp_kpr_14@mail.ru

Dorofeeva Y. — Graduate student of the Russian State Social University; Clinical psychologist, hypnologist, practitioner in the field of psychological counseling, psychocorrection, psychotherapy; transactional analyst
aagnessa@yandex.ru

Dudareva M. — Candidate of philology, Peoples' friendship University of Russia
marianna.galieva@yandex.ru

Filippova O. — Candidate of Law, Associate Professor, Civil Law Disciplines of the Ural Institute «All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation)», Member of the Russian Criminological Association, Notary Public of Ekaterinburg
ovz24@ya.ru

Gorshenev Konstantin — Graduate student of the FSBEI HE «Maikop State Technological University»
kon90@mail.ru

Kalmykov A. — Candidate of philosophy, associate Professor, Russian Customs Academy (Vladivostok Branch)
andrej.kalmykov.1962@mail.ru

Kryukova L. — Candidate of philological sciences, teacher, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow)
l.s.kryukova@mail.ru

OUR AUTHORS

Neumayer Y. — Director of the Institute of Practical Psychology, Kaliningrad
Janamail@mail.ru

Ogui V. — Independent researcher, (Nizhny Novgorod)
DoktorNN@yandex.ru

Pavlenko M. — Graduate student, LLC «Institute of Practical Psychology» Kaliningrad

Pokatilova I. — Candidate of Art History, Associate Professor, M.K. Ammosov Northeastern Federal University
zung2006@mail.ru

Shuanshaliyeva A. — Graduate student, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan

Shulepova E. — Postgraduate, Surgut State University
shulepova3555@mail.ru

Strigin M. — Candidate of physical and mathematical Sciences, South Ural State University
strigin69@rambler.ru

Verbina G. — PhD in Psychology, Assistant professor, Chuvash State University
verbina.galia@yandex.ru

Zheng Ying — Graduate student, Lomonosov Moscow State University
340074782@qq.com

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).

